

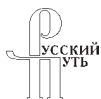
ЛЮДМИЛА ФЛАМ

ВИКИ

Княгиня Вера Оболенская

*Памяти моего мужа
кн. Валериана Александровича Оболенского
и нашего сына Сергея*

ЛЮДМИЛА ФЛАМ

ВИКИ

Княгиня Вера Оболенская

3-е издание, исправленное и дополненное

Русский путь
Москва
2010

УДК929
ББК 63.3(0)62
Ф 70

ISBN 978-5-85887-350-1

© Людмила Флам, 2010
© Русский путь, 2010

Глава I

Июль 1940 года. Демобилизованный из французской армии русский эмигрант, князь Кирилл Макинский, перейдя нелегально из так называемой свободной зоны в оккупированную часть Франции, добрался до Парижа и теперь, по опустевшему и ошеломленному падением городу, шел к своим друзьям Нике и Вики Оболенским.

Еще никогда Париж не был таким безлюдным. Великий исход произошел месяц назад, когда презрительно прозванная французами «сидячей» или «странной», война обернулась массированным наступлением немецких войск при слабом сопротивлении французских. Сейчас по парижским бульварам разъезжали на мотоциклах немецкие патрули в серой военной форме и касках, похожих на перевернутые горшки. Еще валялся на улицах неубранный мусор, на раздвижных железных дверях магазинов висели замки, и как ни в чем не бывало по-мирному пахли цветущие липы.

Восстанавливая хронологию последних недель, Макинский внутренне кипел: поведение французского командования, позорное отступление, позорное перемирие, а фактически капитуляция французского правительства перед Германией, и эта дележка страны на две части, из коих большая отдана, вместе с Парижем, неприятелю... При этом, как отдана! Еще 8 июня по радио

было передано правительственное заверение всему миру, что оно, правительство, прочно стоит на своих позициях, и в тот же день поспешно бросило столицу, мобилизовав для бегства в Тур грузовики, автомобили, баржи... Тут-то и началось массовое бегство людей, еще не знавших, что Париж будет объявлен открытым городом и отдан без боя. Об этом, кстати, стало известно лишь накануне вступления немецких войск — 14 июня. Три миллиона парижан покинули город. Многие застряли недалеко от столицы без горючего, без еды, среди гонимого на юг скота, а в это время немцы спокойно и организованно занимали их пустые квартиры, дома, учреждения...

Добраться до Оболенских необходимо было до наступления полицейского часа. Макинский знал, что Ника не был на фронте: комиссия забрала его из-за ноги, которую он повредил, выбросившись в молодости из окна (повезло еще, что свалился в полотно навеса над магазином и только раздробил стопу о железную раму), а вот брат его, Саша, тот, как и Макинский, пошел воевать. Но остались ли Ника с Вики в Париже?

Дошел до фабрики Ситроен у набережной Сены — одно из немногих мест, куда были нацелены немецкие бомбы. Вот их пострадавший квартал. А вот и их дом, он цел! Позвонил в дверь квартиры. Прислушался. Приближавшиеся шаги были несомненно Никины: одной ногой ступал легко, другой — бухался об пол всей тяжестью ортопедического сапога. Открывается дверь, Никины гладкие волосы на косой пробор, черные блестящие глаза героя немых фильмов, выдающийся вперед подбородок и оглушающее картавое приветствие: «Кирилл!» Тут

же влетает Вики, все такая же обаятельная... Сколько ночей напролет Кирилл и Вики на эмигрантских балах отплясывали чарльстон и фокстроты до ее замужества! Как много дурачились в своей компании, душой которой была она, пользовавшаяся у кавалеров огромным успехом. А сейчас, какие там фокстроты...

Их троих объединяет в этот вечер чувство обиды за Францию, за то, что бесславно пришлось сложить оружие перед противником с его чудовишной, пропитанной манией величия расистской идеологией. У Вики, оказывается, решение не сдаваться созрело с первых же недель оккупации, и Макинскому на всю жизнь запомнился Викин, обращенный к нему в тот вечер по-французски, вопрос: «*On continue, n'est-ce pas?*» — «Мы будем продолжать, не так ли?»

К моменту этой встречи Нике, Николаю Александровичу Оболенскому, было сорок лет. Отец его, бывший градоначальник Санкт-Петербурга, умер в Париже в 1924 году. После его смерти Ника стал старшим представителем древнего рода князей Оболенских, ведущих свое начало от Рюрика. Мать его — петербургская красавица, Саломия Николаевна, была дочерью Светлейшего князя Дадиани-Мингрельского. Крестник вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и Великого князя Константина Константиновича, Ника, идя по стопам отца, был воспитанником Пажеского Корпуса. После революции семья сперва бежала в Финляндию, потом поселилась в Ницце, живя на захваченные с собой средства и веря, как и другие эмигранты, в скорое возвращение домой («не могут же, в самом деле, большевики продержаться в России!..»). Ника тем временем

закончил в Женеве экономические курсы. Но сбережения вскоре иссякли, а драгоценности матери украдены. В этот период, совпавший с переездом в Париж, семья пережила несколько тяжелых кризисов, в том числе и преждевременную смерть отца, и лишь чудом неудавшаяся попытка Ники покончить с собой.

Вики была моложе мужа на 11 лет. Дочь бывшего бакинского вице-губернатора Аполлона Аполлоновича Макарова и Веры Алексеевны, рожденной Коломниной, Вики, названная в честь матери Верой, родилась 24 июня 1911 года в Москве. Ей было девять лет, когда Макаровы, пережив в России кровавые события революционных лет и Гражданской войны, попали беженцами в Париж. Первое время она с матерью и теткой жила в пансионе некой мадам Дарзан на бульваре Шато, где нашли себе приют и другие эмигрантские семьи. Там она подружилась с мальчиком Александром Бильдерлингом, запомнившим, что условия ее жизни тогда были особенно тяжелыми, даже в сравнении с жизнью многих русских. На что они жили — осталось для него загадкой. Мать и тетка ее были невзрачные, низкорослые особы, которые мало с кем встречались, несмотря на то, что в то время неутомимая общительность заменяла эмигрантам их утраченную почву. В отличие от матери, Вики была смешливой и жизнерадостной, быстро сходилась с людьми и пленяла их своим легким, веселым характером. Попав во Францию еще девочкой, Вики росла человеком двойной культуры; эмигрантская среда была ее стихией, но она находила себе и французских друзей, полностью впитав в себя их язык и нравы. Она подмеча-

ла забавные черты как тех, так и других и метко их имитировала, к полному удовольствию своих подруг.

Было в натуре у Вики нечто стихийное и импульсивное. Она как бы ошущала себя частью природы: если шел дождь, для нее было наслаждением подставлять под струи лицо, за городом — вдыхать деревенские запахи, бросаясь на траву — впитывать в себя тепло земли. Она могла часами возиться с детьми, обожала собак и кошек, а те — дети, собаки и кошки — так к ней и льнули. При этом Вики обладала феноменальной памятью, была очень способной к языкам и слыла незаурядной умницей, но «в семнадцать лет, — вспоминала бывшая Викина подруга, Мария Сергеевна Станиславская, — ее больше интересовали танцы и молодые люди, чем науки». Родители этой подруги, люди старого воспитания и строгих правил, укоризненно смотрели на проделки Вики и дружбы не поощряли. Позже Вики их особенно шокировала, когда на фоне общего эмигрантского безденежья вошла в компанию, предводителем которой был один молодой титулованный русский, неожиданно получивший от своего состоятельного дядюшки порядочное наследство. Деньги эти он дал слово промотать на «красивую жизнь», а когда кончатся — покончить с жизнью самому. Слово свое он сдержал. Деньги были растрачены широкой рукой по парижским ресторанам и ночным заведениям, а когда молодой человек застрелился, Вики была одной из тех, кто провожал его на кладбище.

Рассуждая у себя в парижской квартире за чашкой крепкого как деготь кофе о Вики и ее характере, Мария Сергеевна поделилась такой подробностью: отец Марии Сергеевны, как и Аполлон Аполлонович Макаров, окон-

чил в Петербурге Училище правоведения. Оказавшись в Париже, бывшие однокашники были в дружеских отношениях и часто встречались. В одну из таких встреч Макаров будто бы рассказал отцу Марии Сергеевны, что Вики на самом деле внебрачный ребенок одного высокопоставленного и чуть ли не приближенного к трону лица и что она была удочерена Макаровыми в младенческом возрасте. Подтверждения этому в других источниках нет. Но не этим ли объясняются столь отличные от матери характер и внешность Вики, о чем писал автору этих строк А.П. Бильдерлинг? И если это так, то знала ли о своем происхождении сама Вики? Интересно и то, что отношения между Николаем Оболенским и его тещей сложились не лучшим образом, а про Викину тетку он писал в одном из писем: «о ней вообще лучше не будем говорить». Чем это было вызвано, остается неразгаданной тайной. Впрочем, сама Вики, даже в самые трудные времена, продолжала трогательно заботиться о матери и тетке и им материально помогать.

Первая работа Вики была манекенщицей. На этом поприще в Париже подвизались в ранний эмигрантский период многие русские; модные дома ценили их за породистую внешность, умение держаться и еще за то, что нужда заставляла их соглашаться на нищенские оклады.

Сохранилась фотография Вики в модном, середины 30-х годов, платье с воротником-пелериной, идеально сидящем на ее хорошей фигуре: широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги, высокий подъем... Она умела представить туалет в самом выигрышном свете, но в отличие от безразличного глупенького выражения, требовавшегося от манекенщиц того времени, из-под темной широкопо-

лой шляпы на нас смотрит совершенно естественное, освещенное теплой, немного лукавой улыбкой лицо.

Была ли Вики красивой? Если присмотреться к снимкам, можно найти такие недостатки, как слишком большой рот и выдающиеся скулы характерно русского лица. Но все знавшие Вики запомнили ее как женщину на редкость привлекательную. «*Mais elle etait ravissante*» («она же была обворожительной!»), — отозвалась о Вики Жаклин Мелла, одна из участниц Сопrotивления, сама славившаяся редкой красотой. Особенно обращали на себя внимание ее темные лучистые глаза, широко раскинутые брови, ямочки на щеках и всегдашняя живость лица.

Благодаря знанию языков, манекенщицей Вики долго работать не пришлось. Еще до войны она поступила секретаршей в контору, принадлежавшую состоятельному парижанину Жаку Артюису, с женой которого, Ивонн, Вики дружила, часто бывая у них в доме.

Об этом периоде жизни Вики мы узнаем некоторые подробности из воспоминаний другой подруги молодости, Марии Муравьевой.

Муравьевы, Никита Сергеевич и Мария Михайловна — урожденная Родзянко, внучка последнего председателя Государственной думы, — были близкими друзьями Оболенских. Их старшая дочь, Лиза, была крестницей Николая, а младшая, Катя, заочной крестницей Вики. После войны, в пятидесятых годах, Муравьевы взяли советские паспорта и решили вернуться на родину. Дочь их, Катя, помнит, что Николай всячески отговаривал ее родителей от репатриации, даже грозился лечь на рельсы перед поездом, считая их решение безумным. Но патриотические чувства перевесили. Муравьевы

уехали. Как и других репатриантов, родина встретила их не материнскими, а медвежьими объятиями, и семье Муравьевых пришлось многое пережить. Но вот в 80-х годах Викиной крестнице Екатерине Никитичне, по мужу Трубецкой, удастся выехать из Советского Союза и обосноваться вблизи Вашингтона. От нее, уже после выхода первого издания этой книги, были получены воспоминания ее матери, в которых имя Вики появляется неоднократно и в которых ярче проступают черты Викиного характера.

Муравьева пишет, что знакомство ее с Вики состоялось в автобусе по дороге на работу; оказалось, что жили они в Париже в соседних домах. Знакомство вскоре перешло в крепкую дружбу:

Вики была не обычный человек. Большого сердца и живого острого ума. Ко всему она подходила пылко, и с ней было очень легко и весело. Мне казалось, она понимала всё так, как надо. Честного открытого характера, она не терпела никаких компромиссов. Работая секретарем, она содержала и мать и тетю. Ее отец Аполлон Аполлонович уехал в Америку якобы с тем, чтобы впоследствии выписать туда жену и дочь. Так мне во всяком случае рассказывала Вики. Но он никогда этого не сделал. Уезжая, он поручил Вики на день именин ее матери преподнести от его имени букет роз. Вики честно исполняла его просьбу, никогда не забывая.

Подруги стали всюду бывать вместе — в гостях, на балах, концертах, в театре и кино. У них образовалась веселая компания русской молодежи. По воскресеньям

после литургии в соборе на улице Дарю, построенном в качестве посольской церкви при Александре III, все обычно встречались в ресторанчике «Петроград», а потом отправлялись куда-нибудь вместе всей гурьбой.

В то время молодых увлечений Маша Родзянко переживала сердечную драму и делилась своими переживаниями с Вики. Человек, в которого она была влюблена, был женат, но в семье у него произошел разлад, и Маша полагала, что, разведясь, он на ней женится. Развод состоялся, но предложения не последовало. Наконец Вики ей решительно заявила, что это дело надо кончать. — «Садись и пиши ему письмо, а я, если разрешишь, с ним поговорю». Письмо было написано, Вики с ним поговорила со свойственной ей прямоотой, и человек этот с тех пор оставил Машу в покое.

В Париже Маша на первых порах работала официанткой в русском ресторане «Нет», но «Нет» прогорел, разделив участь многих других недолговечных эмигрантских предприятий, и Вики устроила подругу в канцелярию того же Артюиса. В воспоминаниях Муравьевой говорится, что Артюис изобрел аппарат «Элиос», позволявший при помощи ртути и зеркал направлять солнечные лучи в помещения, куда солнце обычно не проникало. Она пишет, что Артюис был милейшим человеком; с ним и его женой Ивонн быстро сложились дружеские отношения. Именно в гостях у них Маша сообщила, что ей сделал предложение Никита Муравьев и что если он позвонит по телефону, она убежит с обеда, так как решила его предложение принять. Ивонн смеялась и велела подать обед пораньше, чтобы Маша успела подкрепиться перед столь судьбоносным делом.

В ресторанчике, куда меня вызвал Никита, мы решили нашу судьбу. Почти одновременно со мной Вики стала невестой Николая Оболенского, и свадьбы наши были назначены на после Пасхи. Артюис временно лишился сразу двух секретарш, но это его не огорчило и в качестве свадебного подарка и мне и Вики он оплатил поездку в Италию. Нам с Никитой в Венецию, а Вики с Никой во Флоренцию.

Когда Николай Оболенский начал ухаживать за Вики, она и его ввела в дом Артюисов. Те, однако, встретили его сватовство настороженно. Мнение, которое сложилось у Ивонн об Оболенском, было не самым лестным.

В отличие от большинства парижских эмигрантов, еле сводивших концы с концами, Ника, благодаря небольшому доходу от приобретенной в Ницце еще до революции недвижимости, жил относительно безбедно, не утруждая себя постоянной работой. Про него остряли, что он был одним из немногих русских, кто мог ездить в такси не сидя за рулем, чем зарабатывали себе на жизнь многие белые офицеры. Он отличался галантностью, нарочитым английским акцентом и любил оставлять дамам розы со своей княжеской визитной карточкой. Материальное положение Ники и всей его семьи должно было в будущем еще улучшиться, так как в подzemелье Государственного банка Франции хранились десять ящиков мингрельских сокровищ, принадлежавших владельческим князьям Дадиани и вывезенных из их зугдидского дворца членами меньшевистского правительства Грузии при их эвакуации оттуда в 1921 году. Нанятый в Париже ад-

вокат считал, что права на них Саломии Николаевны, прямой и единственной наследницы, были бесспорны, однако французские власти всячески оттягивали решение по ее ходатайству. Ящики продолжали оставаться за семью печатями, но в то время как у остальной оказавшейся в эмиграции аристократии было все утеряно, эти мингрельские сокровища, находившиеся прямо под боком в Париже, были реальной связью с прежним миром и не могли не придавать образу жизни Ники известного блеска. Человек общительный, он любил ходить по гостям и, появляясь у Артюисов, бывал неисчерпаемым источником эмигрантских сенсаций. Ивонн прозвала его «Новостями светской жизни».

Вики была способна на легкомысленные и импульсивные поступки, но Артюисы знали ее и с другой стороны, знали ее работоспособность и организованность, ценили ее за пылкий ум и чуткость, с которой она улавливала настроение людей и находила для них подходящие слова... Умея подмечать недостатки других, она и к себе относилась с иронией, не позволявшей ей высоко возомнить о собственной персоне. Сопоставляя характеры этих двух людей, Ивонн Артюис не могла себе представить, что легковесный, в ее глазах, Оболенский может быть для Вики подходящим мужем. Однако 9 мая 1937 года Вики стала его женой.

Торжественное венчание состоялось в соборе Св. Александра Невского на улице Дарю. После венчания молодожены со всей свадебной свитой, как полагается, позировали перед фотографом на ступенях собора. На следующий день новобрачные отправились в свадебное путешествие.

Вернувшись в Париж, молодожены обосновались в собственной квартире, хотя официально прописаны были в доме, где Вики жила до замужества с матерью и теткой на рю де-Лиль в районе Нойи. Вики возобновила работу у Жака Артюиса.

Муравьева тоже вернулась на работу, но ушла с нее перед рождением первого ребенка. В связи с прибавлением семейства, Вики помогла Муравьевым снять небольшой дом, примыкавший к саду Макаровых. Дом этот долго пустовал, но Вики была знакома с его хозяйкой и однажды даже устроила в этой пустой вилле прием, а когда туда въехали Муравьевы, Вики принимала деятельное участие в их борьбе с крысами. Но вот «сидячая война» перешла в иную фазу. Немецкие войска стали подступать к Парижу, а германские самолеты совершать налеты на некоторые избранные объекты.

Помню, 3 июня, — пишет Муравьева, — я поехала в гости к Вики и Нике, которые жили в центре Парижа у самой Сены, недалеко от автомобильного завода Ситроен.

Кроме меня Вики пригласила на обед Софку Носович, ее подругу и, как я впоследствии узнала, сотрудницу по Сопротивлению, глуховатую даму. Была также у них в гостях старая княгиня Оболенская. Только Вики успела поджарить котлеты и кое-кому разложить на тарелки, как неистово завывали сирены. Вики, обернувшись к нам со смеющимися глазами, сказала: «Не пойдем в подвал, будем обедать», — и мы согласились. Но тут началась такая бомбардировка, что мы, бросив недоеденные котлеты и захватив

с собой Викину собачку Киджу, побежали в подвал. Распорядитель защиты гражданского населения любезным жестом пригласил нас войти в подвал, где уже сидели другие жильцы дома. Беспрерывно сначала слышался свист, а потом грохот разрывающейся бомбы. От напора воздуха закрытые двери подвала ходили ходуном. Княгиня всё шептала «Господи помилуй» и исто-во крестилась. Распорядитель нас утешал, что над нами семь этажей и чтобы мы не беспокоились. «А если все семь этажей на нас посыпятся?» — заметила Вики. «Не беспокойтесь, дом крепкий», — утешил он. Бомбежка кончилась, сирены завывали отбой. Мы вернулись к котлетам, но наш квартал имел весьма плачевный вид.

Когда у Маши родился сын, Вики и Ника сразу прибежали в больницу, чтобы ее поздравить. Сами они с первых брачных дней помышляли о детях, которых оба очень любили, а пока своих не было, они по субботам приходили к Станиславской, чтобы повозиться с ее маленькими детьми. Мария Сергеевна запомнила их как счастливую супружескую пару, глубоко преданными друг другу. Однажды, уже во время немецкой оккупации, Вики позвонила ей по телефону. «Ты знаешь, — сказала она, — не сердись, но я больше к тебе придти не буду. Так лучше...»

Только много позже, когда кончилась война, когда имя «Вики» вошло в историю французского Сопротивления, Станиславская поняла, чем была вызвана такая предосторожность.

Глава II

Решение Вики не поддаваться охватившим Францию после занятия Парижа пораженческим настроениям было принято «без колебаний, без сомнений», вспоминал Макинский. Он полагал, что на нее мог повлиять призыв генерала де Голля, переданный из Лондона по Би-Би-Си, но вряд ли это было решающим. «Она не могла допустить мысли, — писал он после войны, — что оккупация водворится надолго; для нее это был преходящий эпизод в истории; против оккупации необходимо было бороться и бороться тем более неукоснительно, чем эта борьба становилась труднее».

О речи де Голля. Прилетев в Лондон из Бордо 17 июня 1940 года, де Голль, который до капитуляции правительства целых тринадцать дней занимал пост заместителя военного министра Франции, обратился к своим соотечественникам со следующими словами: «Франция проиграла сражение, но не проиграла войну. Пусть люди во главе правительства, поддавшись панике и забыв о чести, капитулировали и отдали страну в рабство, но еще ничто не потеряно!..» Призывая каждого француза, где бы он ни находился, присоединиться к его действиям, де Голль закончил свое выступление словами: «Наша страна в смертельной опасности. Будем же все бороться, чтобы спасти ее. Vive la France!»

Это ставшее историческим воззвание де Голля мало кто слышал — привычка включать Би-Би-Си еще не успела укорениться, — но о нем очень скоро стало широко известно благодаря правительству, обосновавшемуся в городе Виши, которое громогласно осудило призыв и заочно приговорило де Голля к смертной казни за измену.

В тот момент силы «Свободной Франции», сгруппировавшиеся вокруг де Голля в Англии, были незначительны. В самой Франции не было и намека на какую-либо централизованную организацию сопротивления. «Резистанс» как понятие возникло значительно позже, а поначалу это было разобщенное движение, инициатива отдельных лиц, небольших групп, образовавшихся независимо друг от друга. Ядро одной из самых первых таких групп и было создано Жаком Артюисом при живейшем участии Вики и нескольких его друзей, убежденных в необходимости действовать.

Действовать, но как? — писал после войны участник этой организации Артюр Кальметт. — Победитель был всемогущ. Упоенный уверенностью в своем торжестве, он держал себя поначалу нарочито корректно и даже великодушно. Он доминировал над всей Европой. Россия была его союзником. Соединенные Штаты — нейтральны. Только Англия Черчилля отказывалась подчиниться, но мало кто верил, что она сможет долго продержаться. Французы оказались разделенными и разбросанными: полтора миллиона французских военнопленных шагали под конвоем в направлении немецких лагерей; солдаты, оказавшиеся в частях, которые не подпали под ок-

купированную зону, были демобилизованы и возвращались по домам, подавленные и обескураженные...

Единственной налаженной и подготовленной к подпольной деятельности организацией была тогда французская компартия, но пакт, заключенный в 1939 году между Гитлером и Сталиным, еще был в силе, и компартии Западной Европы, следуя генеральной линии, не предпринимали никаких организованных действий против Германии до самого ее вторжения в Советский Союз в июне 1941 года.

Остановимся на этом подробнее.

С 1936-го по 1939 год французская компартия занимала ярко выраженную антифашистскую позицию, но пакт, заключенный Сталиным с Гитлером, спутал все ее карты. Официально КПФ обязана была приветствовать пакт, как она была обязана приветствовать и все прочие изгибы внешней политики СССР, включая его вторжение в Финляндию. В результате, вскоре после начала войны с Германией, КПФ была объявлена вне закона. Во время «сидячей войны» ее публикации были под запретом, ее депутаты сняты со своих мест, а прочие должностные лица и военные чины, состоявшие в КПФ, подверглись всяческому ущемлению, вплоть до ареста. В правых правящих кругах Франции, как это отмечает историк Иан Усби в книге «Occupation», тот факт, что компартия оказалась на стороне противника, давало удобный предлог разделаться с внутренним политическим противником, чьи действия уже давно не вызывали доверия, а к тому же это отвлекало внимание общественности от насущных проблем, вызванных началом

войны с Третьим Рейхом. Преследования, как мы знаем, не уничтожили КПФ, она ушла в подполье, но ее престижу был нанесен большой идеологический ущерб. Неожиданное сближение большевизма с нацизмом в глазах многих подорвало ее авторитет и внесло в ее ряды замешательство. В 1939 году от партии требовалось клеймить франко-британское объявление войны Германии как империалистические происки капиталистических держав. Год спустя, когда немецкие войска стали занимать Францию, ситуация заметно изменилась. Немецкие оккупанты ничуть не считали себя связанными заключенным со Сталиным пактом и стали разделяться с французскими коммунистами столь же жестоко, как и на других занятых ими территориях. В одном только Париже в первые недели после подписания перемирия было арестовано более тысячи членов КПФ, и, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы выпустить на свободу тех, кто был ранее арестован французскими властями; их продолжали держать в качестве заложников, хотя официально, согласно распоряжению свыше, это слово было запрещено употреблять. Столкнувшись с преследованиями, некоторые члены компартии в индивидуальном порядке сделались одними из ранних критиков маршала Петена и активными сопротивленцами. Однако партия в целом, не имея четких указаний как действовать, продолжала находиться в замешательстве, тем более что ее глава, Морис Торез, дезертировав из армии, бежал в Советский Союз, а ее главный орган, газета «Юманите» подверглась двойному унижению: сперва запросив у немецких оккупантов разрешение возобно-

вить публикацию, а затем получив на этот запрос категорический отказ.

Вторжение германских войск в Советский Союз вывело КПФ из идеологического замешательства. Теперь Гитлер сделался врагом, не меньшим врагом, чем в глазах тех правых французских группировок, которые с самого начала решили вести борьбу с оккупантами, но по сравнению с ними члены компартии имели то преимущество, что они располагали партийной дисциплиной и опытом подполья. Была между ними и еще одна разница, о которой уместно напомнить: и те и другие в борьбе с оккупацией ставили на карту собственную жизнь, но окончательные цели были у них разные: для одних это было делом патриотического долга и освобождения Франции от иностранного владычества, для других — этапом на пути к захвату власти, служившим делу пролетарской революции. Вот почему глава «Свободной Франции», генерал де Голль, признавая за компартией целесообразность участия в активной борьбе с оккупантом, тем не менее относился с большим недоверием к ее тактике и политическим замыслам.

Таким образом, вопреки распространившемуся не без помощи советской пропаганды мнению, первыми сопротивленцами были не коммунисты, а люди правого толка, но, как правило, совершенно неподготовленные к какой-либо конспиративной деятельности. Просто, как писала позже Зинаида Шаховская, сама участница Сопротивления, «каждый из них считал своим долгом, долгом совести и чести, что-то предпринять для борьбы с той неправдой, которую олицетворял нацизм».

Группа, к которой принадлежала Вики и куда она ввела Макинского, познакомив его с Жаком Артюисом, по отношению к коммунистам стояла на прямо противоположном полюсе. Сам Артюис был не только успешным предпринимателем; человек идейный, он с 30-х годов состоял в одной из крайне правых политических группировок Франции, созданной им вместе с одним его другом. Он писал трактаты о необходимости переустройства государства, видя в представителях промышленного комплекса наиболее здоровый элемент страны. Именно этому слою и следовало играть, по его убеждению, руководящую роль в управлении государством. Он и его единомышленники были оппозиционно настроены по отношению к существовавшему во Франции до войны строю, стремились к моральному возрождению страны, презирали косность общества и в то же самое время были глубоко патриотически настроены. Ветеран Первой мировой войны, Артюис не считал Германию врагом своей страны на все времена и мечтал о создании Соединенных Штатов Европы. Но несмотря на то, что политическая платформа его организации имела много общего с фашистскими идеями государственного устройства, с приходом к власти Гитлера Артюис сделался непримиримым врагом чудовишной расовой доктрины национал-социалистов и заранее предвидел ужасы, к которым она в конечном итоге и привела. Компромисс с Германией, на который пошла Франция, был ему отвратителен. Несомненно, что он и его окружение оказали на Вики огромное влияние. Их оскорбленное чувство французского патриотизма где-то перекликалось и с пониманием патриотического долга ее русского окруже-

ния из белого офицерства. Для тех, как и для других, защита родины была делом чести.

Когда началась война, Артюис, будучи капитаном запаса, в свои сорок шесть лет немедленно пошел в армию. Подразделение, которым он командовал, продолжало до самого перемирия оказывать сопротивление германским войскам и понесло тяжелые потери, но ни один из его солдат не был взят в плен. Перемирие застало Артюиса в Оранже. Закопав в землю оружие, он сперва отправился в Виши, столицу «свободной зоны». Там он быстро разобрался в коллаборационистской политике героя Первой мировой войны любимца французов маршала Петена и его окружения. «Если Маршал не возобновит военных действий, — писал Артюис своему другу из Виши, — у французов не будет иного выхода, как вооруженное восстание». Убедившись в том, что в Виши ему делать нечего, несмотря на крупные связи и личное знакомство с некоторыми из министров, Артюис пробрался назад в Париж. Весь этот путь с ним проделал давнишний приятель его, архитектор Рише-Сушер, жена которого тоже была подругой Вики.

Жаклин Рише-Сушер познакомилась с Вики задолго до войны. Ей представили высокую двадцатидвухлетнюю темноволосую, еще немного угловатую, молодую женщину с поразительно живыми глазами. Они подружились, и Жаклин оставила такую характеристику Вики:

Она все принимала от жизни — и боль, и радость; она каким-то глубоким чутьем угадывала, что ей уготовано судьбой и то, какой ценой за это придется платить. Вики была безупречно честной перед самой собой, никогда не

предавалась самообману в отношении своих чувств и поступков... Она слишком любила жизнь, чтобы не искать в ней смысла, и ее нередко преследовала мысль, что вдруг ей не удастся себя проявить. А когда проявила – это и выразилось в ее полном самопожертвовании.

Мы уже знаем, что Вики очень остро переживала германское победное шествие по стране, где она выросла, но ее решение с самого начала включиться в активную борьбу скорее всего созрело под влиянием Артюиса. Знавший ее ветеран вооруженных сил «Свободной Франции» Н.В. Вырубов полагает, что пылкий характер Вики, чувство гордости и личного достоинства не позволили ей отказаться от опасного предложения Артюиса; она должна была откликнуться на этот вызов.

Ко времени возвращения в Париж Кирилла Макинского Артюис и Сушер уже начали вербовать своих единомышленников среди бывших офицеров. В ядро этой группы скоро вошел полковник Альфред Туни. Он тоже, побывав в Виши, вернулся в Париж глубоко разочарованный поведением своего бывшего кумира, маршала Петена: «Они там говорят о двойной игре (с немцами), не зная, что такое двойная игра. В ней легко запутаться и самим проиграть». Полковник Туни принял на себя ответственность за развитие отдела военной разведки в зарождающейся организации.

Узнав от Вики о желании Макинского примкнуть к их группе, Артюис устроил ему встречу с Туни, от которого Макинский должен был получать задания. До войны Макинский был преподавателем английского языка в католическом институте. Теперь институт был закрыт.

В сентябре 1940 года Макинский случайно встретил отца своего бывшего ученика, работавшего метрдротелем в одном из ночных ресторанов Монпарнаса. Ему также принадлежало и временно закрытое кабаре «Монте-Кристо». Узнав, что Макинский без работы, он предложил ему стать управляющим этого заведения, которое вскоре, с разрешения оккупационных властей, должно было вновь начать действовать, причем — рассчитанное на высшие немецкие чины — оставаться открытым всю ночь, несмотря на введенный полицейский час. Макинский стал отшучиваться, что ему, дескать, случилось выпивать бутылку шампанского, но откупоривать ее не научился. Будущего работодателя это не смутило. Он только осведомился, есть ли у Макинского смокинг. «Это, — сказал он, — главное».

По настоянию Сушера и Туни Макинский согласился, и «Монте-Кристо», посещаемое не только немецким генералитетом, но и французскими коллаборационистами, оказалось золотым дном ценнейшей информации.

Группа Артюиса, Сушера, Туни и Вики, постепенно расширяя свою сеть, вначале делала ставку на военных и на будущие военные действия. По инициативе ветерана Первой мировой войны и приятеля Артюиса — фамилия его Лефоришон — налаживается вызволение из лагерей для военнопленных французских офицеров, которых еще не успели отправить в Германию. Так, например, медсестра, получившая разрешение приносить провизию и белье в лагерь Круа-де-Берни, регулярно оставляла там в тайнике гражданскую одежду, предназначенную для бегущих. Группа Лефоришона имела огромное по тем временам преимущество — официальную

организацию, служившую ширмой для ее подпольной деятельности. С 1936 года на улице Ложельбаш, 5 в северной части Парижа помещалась контора общественной организации «Движение средних классов», а когда началась война, Лефоришон, который был инвалидом Первой мировой войны и поэтому не мог быть отправлен на фронт, устроил там своего рода центр социальных услуг, куда постоянно обращались самые разные просители: за справками, за работой, за продовольствием. Эта деятельность оставалась легальной и во время оккупации, благодаря чему под ее прикрытием можно было, не обращая на себя особого внимания, проносить туда всяческую литературу и приводить людей, в том числе беглых пленных и сопротивленцев.

Объединившись с Лефоришоном и его группой, Артюис создает костяк будущей организации. Штаб ее помещался на улице Виктора Гюго, в квартире Артюиса, где ему, пользуясь словами Лефоришона, во всем помогает «спокойно и без малейшего колебания» его правая рука, Вики Оболенская, «русская княгиня, самая что ни на есть простая в обращении». Большинство заседаний группы проводилось на улице Ложельбаш, и только самые верные люди допускались в штаб-квартиру Артюиса — их паролем были буквы Ц-Э-Р, Центр Экономического Развития. Это уже и вовсе фиктивное предприятие, якобы сочувствующее правительству в Виши, официально должно было заниматься разработкой трудовых планов. На самом деле на данном этапе Артюис и его группа поставили перед собой следующие задачи: связь со свободной зоной, изготовление фальшивых удостоверений личности и других документов, вербовка надежных

людей, сбор и передача в Англию полезной информации. Кроме того, решено было выпускать подпольный листок «Письма к французам», чтобы возбудить против оккупантов общественное мнение и помешать сотрудничеству с ними. Однако от этого замысла вскоре пришлось отказаться, так как «Письма» могли привлечь к себе слишком большое внимание властей.

Зимой 1940 года происходит объединение с другой значительной группой, сплотившейся вокруг Максима Блок-Маскара, вице-председателя Конфедерации работников умственного труда. Если группа Артюиса ставила перед собой задачи военного характера, то Блок-Маскар внес совершенно новый, и для всего Сопротивления уникальный, момент: хотя освобождение Франции от немецкой оккупации было делом будущего, он уже размышлял о ее послевоенном политическом строе. При поддержке Артюиса, который, впрочем, разделял далеко не все идеи Блок-Маскара, удалось преодолеть оппозицию тех, кто считал это занятие преждевременным, и начать выпускать чисто теоретические подпольные труды, посвященные будущему политическому и социальному строю Франции. В этих так называемых *Тетрадах* (Cahiers) печатались статьи по вопросам культуры, образования, социального обеспечения и прочих аспектов государственного устройства, вплоть до проекта новой конституции. Всего за время оккупации удалось выпустить четыре номера Тетрадей, содержавших каждая от двухсот до трехсот страниц. Многие из того, что было разработано по инициативе этой группы, впоследствии легло в основу послевоенного режима правительства де Голля.

Эти два направления — военное и гражданское — и определили название организации — *Organisation Civile et Militaire*, а сокращенно — О.С.М. Согласно одной версии, название это родилось случайно: вскоре после слияния групп Артюиса и Блок-Маскара была предпринята попытка наладить связь с Лондоном через посла Соединенных Штатов (США тогда еще были нейтральны) адмирала Лихи. Была составлена телеграмма, под которой следовало поставить обозначающую организацию подпись. Вот и поставили: «Гражданская и Военная Организация». Вскоре она стала одной из самых разветвленных и крупных организаций французского Сопротивления.

Глава III

По мере того как сеть О.С.М. расширялась, Жак Артюис почувствовал, что ему за всем не угнаться. Он стал искать себе помощника, который мог бы быть его главным связным, — молодого, неутомимого, надежного и полного энтузиазма. Он обратился к Жаклин Сушер, не подойдет ли для этой роли муж ее кузины, Ролан Фаржон. «Пожалуй, да», — сказала она, и встреча с ним состоялась. Во время трехчасовой беседы Артюис изложил Фаржону свои соображения относительно того, как поставить работу, что предпринять, какие нужны люди. В конце беседы Фаржон дал ему свое согласие. По собственному признанию, Фаржон вошел в Сопротивление с такой же легкостью, с какой вступил бы в спортивный клуб. Для Вики, как и для организации в целом, это имело далеко идущие последствия.

Тридцатилетний лейтенант французской армии, недавно вышедший из немецкого плена, Ролан Фаржон являл собой во всех отношениях фигуру незаурядную, начиная с его блестящей внешности — рослый, прекрасно сложенного брюнет с приятным открытым лицом. Принадлежал он к состоятельной семье убежденных французских патриотов, из старой республиканской знати. Отец его был сенатором и владельцем одного из крупных концернов страны — «Беноль и Фаржон». Ро-

лан мечтал о военной карьере, но по настоянию отца вышел из армии и незадолго до войны принял место директора косметической фабрики, одного из филиалов отцовской фирмы. Когда 3 сентября 1939 года Гитлер двинул свои войска на запад, Ролан был готов; надев сшитую на заказ форму драгунского лейтенанта, он в тот же день отправился в свою часть, сгорая нетерпением дать «бошам» отпор. Однако в течение восьми месяцев ничего не происходит, и Ролан отсиживается со своей частью около бельгийской границы. Проявить бесстрашие ему удалось лишь в мае следующего года, когда Германия развернула наступление на Францию, но уже 22 мая Фаржон вместе со своими людьми был взят в плен и отправлен в офицерский лагерь в Германию, где пробыл год. Лагеря, в которых помещались пленные французские офицеры, особенно в первые месяцы войны, были не чета тем, куда начиная с лета 1941 года попадали советские военнопленные, лишённые защиты Красного Креста, от которой за них отказался Сталин. Внутри лагеря французы пользовались относительной свободой, организовали свои клубы, занятия, курсы немецкого языка. Однако информацию они, естественно, получали одностороннюю, и в результате большинство из них восприняли условия германо-французского перемирия вполне одобрительно и к политике маршала Петена относились сочувственно.

Семейству Фаржон удалось вызволить Ролана из лагеря благодаря связям с правительственными кругами в Виши; его имя включили в список лиц, о которых Виши особо ходатайствовало. В Париж он вернулся исполненный пропетеновских настроений. Но успевший к тому

времени побывать в столице свободной зоны сенатор Фаржон быстро развеял представления сына о Петене, рассказав ему о том, что там на самом деле творится и как позорно маршал играет с немцами в поддавки. Затем Ролан встречает свою свояченицу Жаклин Рише-Сусшер, от которой узнает о существовании активной сопротивленческой группы. Романтика подпольной работы, перспектива возобновить борьбу за свою страну и начать конкретно действовать — все это было так созвучно его натуре... За этим и последовала встреча с Артюисом, после которой он объявил за обеденным столом, при полном одобрении семьи, что вступил в Сопротивление.

Став ближайшим помощником Артюиса, Фаржон тесно сотрудничает с Вики. Теоретически главная задача его состоит в том, чтобы готовить военные кадры организации, но на практике его работа была неотделима от разведки. Сведения, добытые путем личных поездок и контактов в разных частях оккупированной Франции, особенно на севере, где у него было много связей еще до войны, обрабатываются Вики для передачи полковнику Туни, откуда они должны были поступать в Лондон. Это, однако, оказалось чрезвычайно трудным. Сперва была сделана попытка использовать связи с военной разведкой в Виши, в расчете на то, что Петен и некоторые из его окружения втайне сочувствуют О.С.М. как правой организации, стремившейся содействовать моральному и политическому возрождению Франции. Но, как Туни и предвидел, двойная игра в Виши шла преимущественно на пользу Германии и не было никакой уверенности, что донесения О.С.М. попадут в нужные ру-

ки. Более верным был другой путь — через Ла-Манш с помощью рыбаков. Однако передача информации этим способом зависела от погоды, от возможности встретиться в море с английским судном и к тому же занимала много времени.

С самых первых недель оккупации отдельные лица и небольшие группы, впоследствии влившиеся в Сопротивление, занимались тем, что помогали бежать в Швейцарию и Испанию захваченным в плен английским военным служащим, а также многим евреям, преследование которых в оккупированной части принимало все более неумолимые формы. Андрэ Постель-Виней, вошедший в О.С.М. одним из первых, наладил поэтапную передачу из рук в руки союзных летчиков, сбитых над Францией. Его нить вела к Марселю, откуда канадский агент со странной кличкой «Дорогая» переправлял их в Англию, а заодно с ними и секретные донесения от полковника Туни. На это уходило до двух недель, но, по крайней мере, донесения попадали в нужные руки. Сугубо секретной была передача донесений в Лондон через нейтральную Швейцарию, однако этим путем Туни пользовался в самых редких случаях. Лишь позднее, когда англичане стали сбрасывать с воздуха радиоаппаратуру, был налажен эффективный и быстрый способ связи путем шифрованных передач.

В штабе Артюиса на улице Виктора Гюго работа набирала темпы. Сеть участников О.С.М. росла прямо пропорционально тому, как проводилась в жизнь во Франции политика фюрера: преследование евреев, насильственная вербовка французской молодежи на работы в Германии, исчезновение в том же направлении про-

дуктов питания, введение строгой цензуры и т. д. К 1942 году О.С.М. уже насчитывала во всех департаментах оккупированной части Франции тысячи членов. При этом интересен ее элитарный состав — помимо офицерства и интеллектуалов вроде Блок-Маскара, благодаря широким связям Артюисов, Фаржонов, Сушеров, Лефоришонов и других, в нее вошли многие промышленники, а также, что особенно важно, высокопоставленные чиновники и служащие министерств путей сообщения, почты и телеграфа, сельского хозяйства, труда и даже внутренних дел. Это давало возможность получать сведения о немецких заказах и поставках, о передвижении войск, о поездах, увозивших завербованную молодежь на работы в Германию, а евреев — в концлагеря. Значительная часть сведений касалась передвижения германских воинских частей, их укреплений и аэродромов, а также их действий в оккупированной зоне: депортации, первые расстрелы сопротивленцев, цензурные ограничения, пропаганда, рacionamento продуктов питания. Часть информации, просачивавшаяся с захваченной Германией территории, поступала на Би-Би-Си. Так осуществлялась обратная связь. Однажды Макинский в своем кабаре «Монте-Кристо» подслушал действительно сенсационную новость. Было шесть часов утра; перед офицером из штаба генерала Штульпнагеля, главнокомандующего вермахта во Франции, стояла батарея пустых бутылок, на коленях у него сидела девица, «и всему этому через восемь дней конец, мы отправляемся в Россию», — жаловался он с пьяных глаз Макинскому. Таким образом, Макинский смог сообщить о предстоящем нас-

туплении германских сил на Советский Союз за неделю до вторжения.

Для англичан и де Голля информация, которая собиралась у полковника Туни, должна была представлять собой исключительную ценность, но этим деятельность О.С.М. не ограничивалась. Готовясь к будущим военным действиям, О.С.М. стала с первых же месяцев собирать и прятать оружие. В начале 1941 года одному из членов организации, доктору Марсо, удалось обнаружить целый склад оружия и переправить его к своему приятелю, зубному врачу Лепуатевену, жившему в собственном особняке в западном предместье Парижа.

В задачи организации также входило и налаживание связей с другими группами сопротивления, некоторые из которых влились в О.С.М. и вошли в подчинение Артюиса.

Обо всем этом Вики была хорошо осведомлена и как генеральный секретарь О.С.М. постоянно встречалась со связными и представителями подпольных групп; она передавала им задания руководства организации, принимала от них донесения, вела обширную тайную переписку. Никогда ничего не записывая, она держала в уме все адреса, явки, фамилии и клички связных. Она часами перепечатывала поступавшие с мест донесения, сопоставляла сводки, размножала приказы и снимала копии с секретных документов, добытых из оккупационных учреждений, и с планов военных объектов.

Помощницей Вики по сортировке и перепечатыванию сведений была ее русская подруга Софья Владимировна Носович, которую все почему-то до глубокой старости звали Софкой. Сама уйдя с головой в подпольную

работу, Вики увлекла за собой и ее. Софка была лет на десять старше Вики; в Гражданскую войну она, дочь сенатора, была сестрой милосердия в армии генерала Врангеля и под обстрелом подбирала раненых с передовых позиций в самый разгар боевых действий. На фронте она заболела тифом, в результате чего уже тогда пострадал ее слух, которого она впоследствии почти окончательно лишилась от примененных к ней гестаповских методов. Попав эмигранткой во Францию, Софка заболела туберкулезом. Ее лечили в Швейцарии по принципу «встречного огня» введением в организм туберкулина, как потом выяснилось, не имеющего никакого терапевтического действия. Все же Софка поправилась, но вскоре заболела раком, ей отняли грудь. При всем этом, Софка оставалась озорной, веселой и остроумной, что сближало ее с Вики, несмотря на разницу лет. Софкин брак оказался неудачным и коротким, после этого она так и осталась одинокой, хотя поклонников у нее было множество: кто-то из друзей подсчитал, что Софке было сделано чуть ли не двести предложений. Приютившую ее Францию Софка любила не меньше Вики. Когда Вики предложила ей вступить в тайную антинемецкую организацию, она согласилась без всяких колебаний и с огромным рвением приступила к работе, хотя полностью сознавала, чем рискует. Знал на что идет и Николай Оболенский, который тоже вступил в организацию, но, всячески ограждаемый женой, на первых порах активной роли не играл.

Всего к началу Второй мировой войны во Франции проживало около 50 тысяч русских эмигрантов, не считая принявших французское гражданство. Из них актив-

ное участие в Соппротивлении принимали немногие, но вошедшие в него проявили большое мужество, что было впоследствии отмечено почетными наградами и орденами — в ряде случаев посмертными.

Уже была упомянута Зинаида Шаховская. Она начала борьбу в занятой немцами Бельгии, позже ей удалось соединиться в Лондоне со своим мужем, Святославом Малевским-Малевичем, который был в рядах армии де Голля. В парижском Музее Человека группа научных сотрудников основала Комитет национальной безопасности. Участниками этой маленькой группы были молодые русские ученые-этнографы, Борис Вильде и Анатолий Левицкий. В отличие от правого окружения Вики, эти молодые ученые были убежденными либералами. Немецкая оккупация побудила их предпринять немедленные действия. В подвале музея была типография; в ней они начали печатать листовки, а в декабре 1940 года выпустили первый номер подпольной газеты, название которой «Резистанс» с их легкой руки перешло на Соппротивление в целом.

Огромный пример мужества явили священник Дмитрий Клепинин, настоятель парижской Введенской церкви, монахиня мать Мария (Елизавета Юрьевна Скобцова) и ее сын Юрий. Мать Мария была известна в России до революции как поэтесса Кузьмина-Караваева. Приняв в Париже постриг, она оставалась жить в миру, в доме на улице Лурмель, который она снимала для основанного ею благотворительного общества «Православное дело». Там была устроена домовая церковь, там находилась ее келья, а также столовая и общежитие для нуждающихся русских. Во время оккупации этот дом

сделался убежищем для многих гонимых евреев. Помогавший ей в тот период Игорь Александрович Кривошеин писал в своих воспоминаниях:

Связавшись с еврейскими организациями Соппротивления, вместе со священником Клепининым Елизавета Юрьевна развернула активную деятельность по оказанию помощи преследуемым. Дело было чрезвычайно трудным и опасным. Здесь вопрос шел уже не только о моральной помощи. Нужно было доставать для евреев фальшивые документы, помогать им бежать в южную, еще не оккупированную зону, укрываться в глухих районах страны. Наконец, надо было устраивать детей, родители которых были схвачены на улицах во время облав.

И все это мужественная женщина делала с невероятной энергией и полным бесстрашием. Дом на улице Лурмель превратился в перевалочный пункт. Люди жили во флигеле, в сарае, спали в зале на полу.

Елизавета Юрьевна говорила: «У нас острый квартирный кризис. Удивительно, как нас до сих пор не прихлопнули!»

В июле 1942 года, согласно принятому Гитлером плану «окончательного решения еврейского вопроса», из Франции должны были быть вывезены 100 тысяч евреев. 16 июля, по заранее составленным спискам в Париже был намечен арест 28 тысяч евреев, но благодаря тому, что среди служащих французской полиции были люди не сочувствующие этой акции, многих удалось в последний момент предупредить и они смогли укрыться.

Схвачено было на 15 тысяч человек меньше, чем предполагалось. И «квартирный кризис» в доме матери Марии достиг предела. Кроме того, как рассказывает Кривошеин, мать Мария смогла благодаря своей монашеской одежде проникнуть на стадион, где в течение пяти суток под открытым небом, без еды и питья, в ужасающих санитарных условиях содержалась многотысячная партия евреев, взрослых и детей, которых еще не успели отправить в лагеря смерти. Там она провела, не смыкая глаз, двое суток, добиваясь помощи для схваченных людей, и умудрилась спасти двоих маленьких детей, которых спрятала в вынесенных со стадиона мусорных ведрах.

В келье матери Марии был установлен радиоприемник, по которому можно было принимать Москву и Лондон и откуда шли сведения о настоящем положении дел на фронтах. В начале 1943 года мать Мария, о. Димитрий Клепинин и Юрий Скобцов были арестованы. В Компьенском пересыльном лагере ей удалось в последний раз свидеться и проститься с сыном. Он погиб в немецком лагере Бухенвальд. Там же погиб и священник Клепинин. Мать Мария встретила свою смерть в лагере Равенсбрюк; согласно поступившему свидетельству, незадолго до окончания войны, в марте 1945 года она обменялась куртками с обреченной на газовую камеру еврейской женщиной и под ее номером вошла в дверь помещения, откуда живым никто не выходил.

Помогавший матери Марии в спасении евреев Игорь Кривошеин, сын умершего в эмиграции выдающегося российского государственного деятеля Александра Васильевича Кривошеина, был специалистом по элект-

робытовым приборам и благодаря своей работе во французской промышленности получил доступ к данным штаба вермахта во Франции. Сведения эти ему поставлял убежденный противник политики Гитлера, майор вермахта Бланке. По каналам Сопротивления эти сведения шли дальше в Лондон. Так продолжалось до весны 1944 года, когда немецкой военной разведке удалось проследить, откуда именно идет утечка информации. Кривошеин и Бланке были арестованы и подвергнуты жестоким пыткам, но ни тот, ни другой друг друга на допросах не выдал. Бланке был расстрелян, Кривошеин отправлен в Бухенвальд, затем в Дахау. К его дальнейшей судьбе еще вернемся.

Из других русских известны также участники Сопротивления Беннигсен, Пьянов, Висковский, Казачкин... Ариадна Скрябина, дочь композитора Скрябина и жена поэта Довида Кнута, примкнула к еврейской организации Сопротивления и погибла в 1944 году. Молодая женщина Дина Верни была близка к французскому скульптору Майолу. Включившись в Сопротивление, она однажды спрятала в его студии целую группу иностранных антифашистов, которых сама же потом провела горными тропами через границу в Испанию. Список этот далеко не полный. Деятельности русских сопротивленцев, если о ней и было известно, сочувствовали далеко не все соотечественники. Впрочем, поначалу настроения в эмигрантской среде не так уж отличались от общефранцузских. Блэйк Эрлик, американский автор книги «Резистанс: Франция 1940–1945 годы», пишет:

Надо помнить, что все ставшие в сороковом году на путь сопротивления действовали воп-

реки преобладавшему тогда во Франции общественному мнению; большинство облегченно вздохнуло, что прекратились бои и разрушения. На севере (в оккупированной зоне) считали неблагоприятным провоцировать гнев немцев, а на юге преобладала лояльность по отношению к Маршалу, с его воспетыми в одной из хвалебных од «небесно-голубыми глазами». Таким образом, число борцов и тех, кто им помогал, было катастрофически мало: через год после поражения, возможно, насчитывалось всего около тысячи сопротивленцев. Это были добровольцы в войне против иностранного нашествия, но из всех войск они были самыми слабыми, самыми уязвимыми и, учитывая все это... самыми доблестными.

Такого же мнения придерживается и Николай Васильевич Вырубов, ветеран Второй мировой войны, сражавшийся добровольцем в рядах армии де Голля, награжденный за доблесть высочайшим французским военным орденом «Крест освобождения» и возведенный президентом Шираком в Командоры Почетного Легиона. В 1991 году Вырубов выпустил в Париже небольшой сборник «В память павших воинов» с перечнем имен 240 русских бойцов, павших за освобождение Франции. Вырубов пишет:

Для понимания причин, побуждавших эмигрантов после оккупации Франции в 1940 году вступить в движение Сопротивления или добровольно сражаться в рядах войск генерала де Голля, следует прежде всего напомнить, что таких

добровольцев было очень незначительное количество. Так как само население страны в основном оставалось пассивным, эмигранты не чувствовали необходимости проявлять себя. Кроме того, по соображениям личным или семейным эмигранты часто опасались что-либо предпринимать. К тому же связаться с подпольем было не только опасно, но и крайне трудно.

Вырубов делит войну на три периода: 1939–1940 годы, когда некоторые эмигранты (в том числе младший брат Николая, Александр Оболенский), будучи бесподанными и не подлежавшими мобилизации, тем не менее пошли во французскую армию добровольцами и сражались с Германией до заключения перемирия... «Ими, — считает Вырубов, — руководило чувство долга по отношению к Франции, общности судьбы с теми людьми, среди которых они жили».

Второй период — 1940 год, когда правительство в Виши, во главе с генералом Петеном, согласившись на ряд унижительных уступок, пошло на перемирие с Германией, и когда де Голь начал создавать за пределами Франции свои освободительные войска, куда некоторые русские, как и сам Вырубов, добровольно вступили из чувства солидарности с принявшей их Францией:

В добровольцы шли самые разные люди. Были военные, были юноши и студенты, были ученые, были пожилые скромные люди, женщины и мужчины, холостые и семейные. Каждый из них поступал по личным соображениям и собственной совести, без принуждения, угрозы или нажима. Все они были убеждены, что война не кончится

поражением Франции, что победа возможна и за нее надо бороться... Это были люди незаурядные, пылкого характера и твердых убеждений, решительные, свободолюбивые и независимые.

Им хотелось участвовать в войне, сражаться за свою вторую Родину, с которой они были связаны культурой, и отделаться от эмигрантского ярлыка. Они не чувствовали себя связанными перемирием 1940 года, ими руководило желание внести свой вклад в достижение победы... кажущаяся безнадежность положения, как бы ненужность личного участия, вопреки логике, еще более вдохновляла их.

Что касается самого Вырубова, то у него была еще одна причина вступления в войска генерала де Голля, с которыми он проделал все походы в Африке, Ливии, Тунисе, Италии и Франции: ему как русскому было стыдно перед своими иностранными друзьями за войну в Финляндии, за присоединение Прибалтики и дележ с Гитлером Польши, за позорный договор между Советским Союзом и Германией. Он был удручен тем, что Россия не находится на стороне союзников, и хотел смыть этот позор своим личным примером.

Третий, и психологически, вероятно, самый сложный для эмигрантов период наступил после июня 1941 года, когда Гитлер, расторгнув пакт о дружбе и ненападении, напал на Советский Союз. Часть эмиграции болезненно переживала германское вторжение на территорию их родины, другие увидели в этом шанс спасения России от коммунизма. И получилось, как пишет Вырубов, что «одни боролись за победу на стороне союзни-

ков, других искреннее желание избавить страну от коммунизма привело к тяжелому заблуждению — сотрудничеству с немецкими войсками».

Российский историк К.М. Александров в сборнике статей и материалов «Против Сталина» (Санкт-Петербург, 2003) приводит такую статистику: общая численность русских эмигрантов, участвовавших в европейском движении сопротивления, составляла в среднем, по его подсчетам, от 300 до 400 человек, а призванных в армии стран-участниц антигитлеровской коалиции не превышала в целом 5 тысяч. «В то же время, — пишет он, — в вооруженных формированиях, действовавших на стороне Германии и ее союзников, по нашей оценке, было от 20 до 25 тысяч участников Белого движения и представителей эмигрантской молодежи».

Конечно, нельзя забывать, что среди них очень небольшой процент искренне сочувствовал национал-социализму, подавляющее большинство рассчитывало на то, что, освободив Россию от большевиков, немцы там не удержатся и Россия восстановит свою национальную независимость. Кроме того, следует заметить, что французскую эмиграцию эти настроения коснулись в меньшей степени. Так, отношение к Власовскому движению в кругах белой военной эмиграции, находившейся во Франции, значительно улучшилось лишь после поездки в Париж генерал-майора В.Ф. Малышкина и его полторачасового выступления в зале Ваграм перед аудиторией в 4 тысячи человек, где он пылко и красноречиво изложил задачи Русской Освободительной Армии (РОА) Власова и надежду на сохранение целостности России и

прекращение войны путем заключения почетного мира с Германией.

Забегая вперед, можно сказать, что отголоски двойственного отношения к Германии в кругах парижских эмигрантов продолжали звучать и после войны, нередко вселяя раздор между старыми друзьями и даже членами одной и той же семьи. Были люди, которые не подавали руки тем, кто запятнал себя сотрудничеством с немцами, а было и наоборот: вдова одного из русских участников Сопrotивления с горечью сказала, что некоторые эмигранты не подавали руки им, считая всех участников Резистанса если не коммунистами, то, по крайней мере, по выражению другой старой эмигрантки, «красненькими». Этому во Франции способствовала не только советская пропаганда, приписывавшая все заслуги Сопrotивления французским коммунистам, но также — по наблюдениям Вырубова — пропаганда, исходившая из Виши, так как правительство Петена в течение всех военных лет утверждало, что Сопrotивление — это терроризм, проводимый в жизнь коммунистами.

В случае Вики и близких ей людей мы точно знаем, что они вышли из среды, непримиримо относившейся к коммунистическому строю, но патриотически настроенной по отношению к России. Когда войска Гитлера стали одерживать над Красной армией одну победу за другой, это только усугубило их решимость продолжать свое опасное дело, теперь уже не только за Францию, но и за свой русский народ.

Глава IV

Каждую субботу в доме № 72 на проспекте Виктора Гюго, продолжая довоенную традицию, при неизменном участии Вики, у мадам Артюис устраивался бридж. Но в отличие от довоенного времени, вместо карточной игры завсегдатаи этого «светского занятия», то есть все руководство О.С.М., обсуждали свои дела и стратегию, не навлекая на себя подозрения соседей или соглядатаев. Такая предосторожность была отнюдь не излишней, так как репрессии со стороны оккупантов по отношению к сопротивленцам не заставили себя ждать.

Первые удары пришлось на членов компартии. Хотя компартия как таковая до лета 1941 года не вступала в борьбу, первой жертвой расправы был молодой коммунист Пьер Рош. Как и ряд других коммунистов, он стал на путь сопротивления вопреки партийной директиве, в личном порядке, и был расстрелян 7 сентября 1940 года. После того как Гитлер, расторгнув пакт Молотова—Риббентропа, напал на Советский Союз, французская компартия резко изменила свою политику, активно включившись в борьбу, и за первые шесть месяцев ее участия было расстреляно несколько сот коммунистов. Среди них были руководители компартии, арестованные еще ранее, в дни Третьей французской республики, после того как партия была исключена из парламента за

свою антивоенную позицию. Германские оккупационные власти, несмотря на пакт, заключенный между Сталиным и Гитлером, продолжали держать их в тюрьме в качестве заложников. Когда нужно, их расстреливали в отместку за акты терроризма, направленные против немецких вооруженных сил. (За одного немецкого солдата полагалось расстрелять от 20 до 80 французов.)

После того как пакт был расторгнут и компартия стала оказывать активное сопротивление немцам, были предприняты попытки установить сотрудничество ее с О.С.М. Состоялось несколько встреч, но затем руководство О.С.М. от этой идеи отказалось; основное направление Национального Фронта Освобождения, нацеленное на акты террора и саботажа, не совпадало с политикой дальнего прицела О.С.М., не видевшей особого смысла в том, чтобы провоцировать оккупационные власти на массовые ответные репрессии. От этого также предостерегал из Лондона де Голль, призывая сопротивленцев беречь свои силы до момента, когда можно будет вступить в решающую фазу борьбы.

Но не только коммунисты были первыми жертвами гестапо. Деятельность подпольной группы Музея Человека была слишком открытой, чтобы не привлечь к себе особого внимания гестапо. Сперва Вильде, Левицкий и их товарищи участвовали в распространении листовки, составленной журналистом Жаном Тексье. В ней содержалось «33 совета оккупированным» о том, как себя вести по отношению к оккупантам, не роняя своего достоинства. Листовки расклеивались в телефонных будках, в разных общественных местах, на афишных столбах. В отличие от помпезных прогерманских плакатов,

«советы» были написаны доходчивым языком и не без юмора. В одном из них населению предлагалось, вместо того чтобы смотреть на немецкие военные парады, бросить прощальный взгляд на витрины пустеющих магазинов, куда оккупанты не успели всего из них вывезти.

Другой акцией группы Вильде было размножение и распространение по Парижу открытого письма в адрес маршала Петена, избличавшего его в предательстве. Они вкладывали это письмо в почтовые ящики, раскладывали в магазинах, рассылали по почте. Наконец, их самой вызывающей акцией было издание подпольной газеты «Резистанс» от имени «Национального комитета общественного спасения», чье фиктивное существование, как они надеялись, воодушевит парижан на более активную борьбу с оккупантами. Автором передовой статьи первого номера был Вильде. Она содержала пламенный призыв: «Спротивляйтесь!.. Это крик всех непокорившихся, всех стремящихся исполнить свой долг». Мало того, что парижане могли прочесть призыв в подпольной газете; выдержки из статьи Вильде несколько раз передавались из Лондона в радиопрограммах «Свободной Франции», и его призыв разнесся по всей стране. Неудивительно, что гестапо приложило все старания к тому, чтобы как можно скорее выявить эту непокорную группу. Помимо пропаганды, она также занималась разведкой и переправкой за границу бегущих из плена военных в места, где формировались части французской освободительной армии.

Вскоре после выхода четвертого номера «Резистанс» в январе 1941 года был арестован за распространение газеты парижский адвокат Леон Нордман. Тогда,

по настоянию друзей, Вильде покинул Париж и пробрался в Марсель, но узнав, что арестован другой основатель газеты, Анатолий Левицкий, а с ним несколько их коллег, вернулся в Париж, с тем чтобы принять на себя всю вину и добиться освобождения других. Старания Вильде оказались безуспешными. Он был арестован 15 марта. Следствие длилось 10 месяцев, которые Вильде и Левицкий провели в одиночном заключении в тюрьме Фрэн под Парижем. Там Вильде записал в своем дневнике, что никогда не был так «духовно богат и свободен».

Из 18 человек, судимых по делу Музея Человека, семеро были приговорены военным трибуналом к смертной казни, в том числе Левицкий и Вильде. Остальные были заключены в концлагеря. Примечательно, что нашлись видные представители французской интеллигенции, обратившиеся к немецким властям с призывами о смягчении приговора. Их призыв, однако, действия не возымел. 23 февраля 1942 года у стены форта Мон-Валериан приговор был приведен в исполнение. В день расстрела Левицкий написал родным: «Я не ожидал столь быстрой развязки, но я уже давно готов».

Что касается О.С.М., то первое время гестапо, не подозревая о существовании этой организации, оставляло ее членов в покое. Но продолжалось это недолго. В марте 1941 года был арестован сын человека, тесно сотрудничавшего с полковником Туни. Отец бросился к немецким властям вызволять сына, ничего не добился, был сам задержан, а потом, явно взятый на мушку, отпущен. Это был как бы предупредительный звонок. В августе последовал первый настоящий удар: по доносу бы-

ли арестованы Марсо и Лепуатевен, а спрятанное ими оружие обнаружено и изъято. За этим следуют другие аресты; Блок-Маскар и Артюис на время покидают Париж. Ролану Фаржону, которому удалось заручиться нужными бумагами, позволявшими ему свободно разъезжать между зонами, Артюис поручает поддерживать налаженные им связи. Вики остается в Париже, держа в своих руках все нити разросшейся организации. Еще один удар — и схвачен архитектор Сушер. Потом наступило некоторое затишье, и Артюис 16 декабря возвращается в Париж. Из благоразумия Блок-Маскар и Артюис останавливаются не у себя, но на следующий день устраивается встреча всего руководства О.С.М., включая Артюиса, Блок-Маскара, Туни и Фаржона, и где же?... — на виду у всех, в кафе на Елисейских Полях! 20-го Артюис отдает нужные распоряжения и идет ночевать к Лефоришону. В эту ночь немецкая полиция устраивает у Лефоришонов обыск. Мадам Лефоришон старается наделать в квартире как можно больше шума, чтобы разбудить Артюиса, но Артюис не просыпается — его хватают прямо из постели. Вместе с ним уводят и Лефоришона. На допросах в тюрьме Фрэн, куда оба были помещены, Лефоришон упорно настаивает на том, что ему ничего не известно о деятельности Артюиса, и его в конце концов освобождают за отсутствием улик. А дальнейшая судьба Жака Артюиса складывается трагично: основатель Гражданской и Военной Организации из тюрьмы Фрэн попадает в немецкий лагерь в Хинтцерте и там в 1943 году умирает.

За неделю до ареста Артюиса, 11 декабря 1941 года, спустя четыре дня после нанесенного Японией сокруша-

юшего удара с воздуха по американскому тихоокеанскому флоту в Перл-Харбор, Гитлер объявил войну Соединенным Штатам. То обстоятельство, что теперь германским силам будут противостоять не только русские и англичане, но также и американцы, придавало подавленным потерей своего начальника членам О.С.М. решимость продолжать начатое им дело.

Организацию теперь возглавляет полковник Туни, а заведующей его секретариатом становится Вики, которая знает все главные каналы О.С.М. На квартиру своего начальника в одном из лучших кварталов центра Парижа — улица генерала Ланглау, 5, где рядом уже расположился гестаповский генералитет, Вики прибегает с кошелкой в руках, из которой торчит зелень морковки, а под ней — очередные тайные донесения. С помощью Ивонн Артюис она смогла восстановить перерезанные арестами связи, и организация не только не сократилась, но наоборот, в последующие месяцы, стараниями Туни, Фаржона и нескольких ближайших их сотрудников, еще больше разрослась, а ее разведывательная деятельность стала играть существенную роль в дальнейшем ходе военных действий Второй мировой войны.

Глава V

Если выйти на станции метро Сен-Жермен-де-Пре и пройти три квартала по улице де-Ренн, то с левой стороны будет отходить улица Кассетт. В небольшом четырехэтажном угловом доме № 1, который стоит по сию пору каким был тогда, Вики сняла для своей подпольной деятельности небольшую квартиру. (Поразительно, с какой легкостью сопротивленцам удавалась получать квартиры в оккупированном Париже!) На первом этаже помещалась типография апелляционного суда, куда постоянно приходили люди, благодаря чему посетители Вики, проходившие через парадную, чтобы подняться к ней на лифте, не обращали на себя постороннего внимания. Квартира на втором этаже, окна которой тоже выходили во двор, была не занята — обстоятельство, которым она не преминула воспользоваться: на тонкой бечевке она спускала из своего окна секретные донесения и прятала их на случай обыска в наружном ящике-кладовке, у кухонного окна нижней квартиры. Был у нее тайник и на самой лестничной площадке, где она прятала для посвященных ключ от своей квартиры. Кому нужно, были даны указания, чтобы, войдя в квартиру, повернуть налево — там дверь в туалет, за ней аптечка, в аптечке пудреница, туда и прятать для Вики записки. Сама квартира имела несколько безличный, но все же жилой вид. На

камине и столиках расставлены были фотографии дореволюционных дам в нарядных туалетах и мехах, в сногшибательных шляпах и мужчин в мундирах царского времени... Хозяйство Вики ведет несложное, так как Ника в это время находится не в Париже, а при выполнении собственного секретного задания, на атлантическом побережье Франции.

После вторжения немецких войск на территорию Советского Союза тысячи захваченных немцами советских пленных были переброшены на запад для использования их в качестве дармовой рабочей силы по сооружению так называемого Атлантического вала — сложной системы германских укреплений вдоль всего западного побережья Франции для предотвращения высадки союзных сил. Николай Оболенский, свободно владевший не только русским, французским, но и немецким языками, по поручению Туни поступил переводчиком в немецкую организацию ТОДТ, руководившую строительством вала. Его откомандировали в Жерсей, где пленных содержали в ужасающих условиях, выжимая из них последние силы на земляных работах.

Оболенский впоследствии рассказывал Муравьевым, что помимо пленных, на сооружении Атлантического вала работали и вывезенные насильно из Украины пятнадцати—семнадцатилетние мальчики и девочки. Кормили их плохо, работали они тяжело и ребята мерли как мухи. Если кто отваживался воровать на полях картошку, того безжалостно расстреливали. Вместе с Никой там работал другой русский эмигрант, Григорий Чертков. Возмущившись положением украинцев, он написал воззвание ко всем русским эмигрантам, не утра-

тившим чувства милосердия, чтобы они собирали для них вещи и продовольствие. Воззвание было прочитано с амвона в Александро-Невском храме, а читавший его священник добавил: «Пусть каждая семья возьмет себе крестника и примет заботу о нем». По списку имен, присланному Чертковым, Муравьевы выбрали себе сперва одного подопечного, который вскоре умер от туберкулеза, а потом другого, Лёню Понсанко. Поначалу посылки до него доходили и он отвечал очень милыми и неграмотными письмами. Узнав, что он, возможно, получит отпуск, Муравьевы выслали ему денег на дорогу, чтобы он мог их навестить. Деньги быстро вернулись, а потом вернулось и письмо с припиской, что адресат не найден. «Что случилось с нашим бедным Лёней, мы так никогда и не узнали. Вернее всего, он погиб в одну из английских бомбардировок».

Возможен и другой вариант: по рассказам Оболенского, когда при сооружении укреплений в скалистых утесах производились взрывы динамита, подневольных рабочих об этом даже не предупреждали, «бедняги погибали изувеченными». Прикомандированный к нарядам рабочих, Оболенский переводил распоряжения немецкого начальства, а от пленных получал подробную информацию об объектах, на которых те работали. Собранные им сведения поступали в Париж, оттуда — в штаб «Свободной Франции» генерала де Голля.

На сооружение Атлантического вала, естественно, было обращено особое внимание союзной разведки и французского Сопротивления. Большая удача выпала на долю О.С.М., когда один из ее членов выкрал подробный трехметровый план всей системы строящихся ук-

реплений с обозначенными на нем огневыми точками, включая их сектор обстрела, германскими коммуникационными пунктами, арсеналами и продовольственными складами.

В общих чертах это произошло следующим образом. По поручению полковника Туни была установлена связь с маляром по фамилии Дюшез, который ремонтировал помещения организации ТОДТ. На какое-то время он остался один в комнате, где находилась копия этого плана. Недолго думая, Дюшез схватил чертеж, свернул его и запрятал в трубу камина. Хватившись пропажи, немцы, разумеется, все перерыли и обыскали Дюшеза, но в трубу залезть не додумались. Прошло еще некоторое время, тревога улеглась, Дюшез продолжал ремонт. Кажется бы, немцам следовало доложить о пропаже начальству, но страх перед гестапо был превыше военного долга и они молчали. Когда же Дюшез закончил ремонт, он преспокойно вынес план вместе с пустыми ведрами, шетками и обрезками обоев. В дальнейшем чертеж был доставлен полковнику Туни. Тот, в свою очередь, передал его агенту де Голля полковнику Реми, посланному в оккупированную зону для координирования работы отдельных групп Сопротивления. Реми в это время должен был тайным морским путем возвращаться в Англию, чтобы отчитаться в деятельности подпольных организаций и установленных им контактах. Он даже не подозревал, какую огромную ценность представлял собой переданный ему в последний момент сверток: благодаря этой акции генеральный штаб союзных войск имел перед собой детальный план Атлантического вала за два года до высадки в Нормандии!

Донесения Николая Оболенского о ходе работ по сооружению Атлантического вала шли в Лондон таким же путем — через Туни и полковника Реми, настоящее имя которого было Жильбер Рено. Известный французский писатель и историк Жиль Перро считает, что если бы не точная и очень детальная информация о расположении и оборонительных мерах германских войск, которыми О.С.М. снабжала Лондон, успех высадки в Нормандии был бы далеко не предрешен. Таким образом, в его глазах роль Вики, которая была в самом центре деятельности этой организации, можно считать весьма существенной в одержании победы над Германией. Жертва ее была не напрасной.

А говоря о появлении посланца из Лондона, полковника Реми, можно себе представить, какое действие возымело на О.С.М. появление в оккупированном Париже человека «оттуда», прямо от де Голля, с инструкциями обеспечить связь Лондона с сопротивленческими организациями, из коих де Голль в своих воспоминаниях в первую очередь называет Гражданскую и Военную Организацию, то есть О.С.М. Встреча с главой О.С.М., полковником Туни, состоялась в апреле 1942 года. За этим последовало несколько других встреч, и перед отбытием в Англию в июле, выполняя инструкции де Голля, Реми передал Туни денежные средства, необходимые для расширения разветвленной деятельности О.С.М. — разведывательной, политической и военной. А когда три месяца спустя Реми вернулся во Францию, он удостоверился в том, что оставленные им средства были использованы, как это и было предусмотрено, главным образом на интенсивную вербовку людей в секретную армию

и создание в рамках О.С.М. отдельной разведывательной сети. Эта сеть получила название «Сентюри»; одним из ее активных участников и был Николай Оболенский.

Примерно в это же время к организации примкнул еще один человек с интересной судьбой — Мишель Пасто, в прошлом директор франко-эфиопской железной дороги. Это он организовал эвакуацию поездом всей императорской семьи из Аддис-Абебы в Джибути, когда Италия напала на Эфиопию, а назад привез вагоны сгущенного молока и другого питания для голодающих детей столицы. Последующие несколько лет он был в тесном контакте с лидерами эфиопского сопротивления, действовавшими против фашистского режима Муссолини. Благодаря своим связям с тогда еще не оккупированной Францией, он мог оказывать им всяческую помощь, покуда в начале 1940 года, после двух неудавшихся покушений на его жизнь, организованных итальянской тайной полицией, Пасто не был под стражей выслан из Эфиопии. Таким образом, он вернулся в Париж как раз незадолго до начала оккупации, и в его лице О.С.М. приобрела человека, имевшего ценный опыт подпольной деятельности. Полковник Туни сразу же воспользовался этим и сделал Пасто начальником своего штаба. Это означало, что и он самым тесным образом сотрудничал с генеральным секретарем О.С.М. Вики Оболенской, «человеком живого ума, феноменальной памяти и абсолютной преданности делу», как ее характеризует автор истории Гражданской и Военной Организации Артур Кальметт. Характеристику эту полностью разделял и Пасто. Было у нее еще одно качество, возможно, выработавшееся за годы беженства и от эмигрантской нуж-

ды, — находчивость и умение приспособляться к самым трудным обстоятельствам. Как-то в метро она попала в одну из облав, которые часто проводились в Париже. У нее был чемодан, а в чемодане секретные донесения. Французский жандарм остановил ее, проверил удостоверение личности и поинтересовался, что у нее в чемодане. «Небольшая бомба, месье», — ответила Вики, ода-рив его обворожительной улыбкой. Рассмеявшись, жан-дарм пропустил ее, так и не открыв чемодана...

В Париже было несколько адресов, куда доставлялись донесения из Бретани, Арденнов, Нормандии, всей оккупированной зоны севера Франции... Одним из важных пунктов сбора донесений, куда часто приходилось наведываться Вики, было здание французского военного министерства, находившееся недалеко от ее квартиры на левом берегу Сены. Здание это, заваленное коробками со всевозможными архивами, не было занято немцами и, что было особенно важно для конспиративной деятельности, имело два выхода — на улицу Сен-Доминик и на бульвар Сен-Жермен. Там же, по счастью, была и квартира одного из членов организации, в обязанности которого входило каждую среду встречать курьера из Нормандии. Кроме того, этот человек имел регулярные встречи с одним высокопоставленным чиновником французского железнодорожного управления, имевшим доступ к немецкому графику поездов. Поступаемая информация пряталась среди ящиков архивных материалов. По несколько раз в неделю Вики, Софка или одна из Викиных помощниц заходили в министерство, извлекали донесения и относили на улицу Кассетт. Вики отсеивала то, что не представляло собой

особого интереса, остальное же сверяла, редактировала, давала перепечатать или печатала сама. Затем отобранные ею тайные донесения, схемы немецких военных объектов, места приземления союзных парашютистов, сброса радиоаппаратуры, оружия, денег и всяческих припасов, предназначенных для сопротивленцев, и прочая информация — все это шло по дальнейшим каналам в Лондон. Горячая информация шла по радио, менее актуальная — посылалась с курьером в Бретань и оттуда водным путем в Англию.

Со вступлением в войну Соединенных Штатов и по мере распространения слухов о готовящейся высадке союзных войск французы делались все более патриотически и воинственно настроенными. Этому способствовало поведение самих оккупантов, ожесточивших против себя население, но немалую роль играли и радиопередачи Би-Би-Си. Би-Би-Си информировало оккупированное население о том, что происходит в их собственной стране, о ходе военных действий, о партизанских актах саботажа. Кроме того, оно предоставляло время для ежедневных передач, подготовлявшихся в штабе де Голля, и регулярно передавало шифрованные инструкции сопротивленцам, оповещало их о прибытии очередных самолета или подлодки и давало указания о проведении конкретных акций сопротивления. Шифрованные фразы, повторяемые по нескольку раз, звучали примерно так: «Марианна не любит устриц» или «у моей жены острый глаз».

В какой-то момент Вики нужно было на время скрыться из Парижа, и она сняла домик в деревне Руелья-Гадельер, вблизи городка Вирней, куда привезла «ды-

шать свежим воздухом» мать и тетю, а также пригласила пожить у нее и Муравьевых, которые и не подозревали об истинной причине Викиного там пребывания.

Раз как-то, — вспоминает Мария, — Вики пришла ко мне и попросила отвезти в Верней, как она сказала, кандидатскую работу одной из ее подруг, которую она якобы проверяла. «Она будет тебя ждать на церковной площади на скамейке. Я сказала, что не я привезу работу, а ты на моем велосипеде. Описав тебя, сказала, что ты будешь в красном шарфе на голове, вроде чалмы. Так что ты повяжи на голову свой шарф». И дала мне увесистый конверт. Был мне сказан и час, когда я должна там появиться. Всё прошло как по маслу — на скамейке действительно сидела девушка мне незнакомая. Очень была рада меня видеть. Я ей дала конверт и, пожелав успеха, уехала.

Только после ареста Вики и Софки, Мария Муравьева поняла, каково могло быть содержимое пакета. Вероятно, к этому же периоду следует отнести пушенный по Парижу из конспиративных соображений ложный слух о том, что Николай и Вики якобы разъехались. В случае ареста одного это могло оградить другого. На самом деле Николай тоже был с Вики в этой деревушке, где впоследствии, по его ходатайству, имя Вики было высечено на памятнике павшим за Францию жителям Руэль-ля-Гадельер.

К 1943 году французские организации Сопротивления были уже реальной силой, на которую мог рассчитывать генеральный штаб объединенных союзных сил.

И если учесть, что к тому времени О.С.М., будучи одной из самых крупных организаций Сопротивления, насчитывала по крайней мере около 60 тысяч членов, а по некоторым данным даже 100 тысяч, то работы в центре было выше головы. Вдобавок, полковник Туни стал председателем основанного по распоряжению де Голля Военного координационного совета севера Франции, в который входили руководители всех главных военных организаций французского подполья.

Перегруженный работой Туни во многом полагался на помощь своего адъютанта, Даниэля Галлуа. До войны он был преподавателем латыни, и под этим предлогом приходил на квартиру полковника, якобы для того, чтобы давать частные уроки его сыну. В конце лета 1943 года Туни решил реорганизовать систему связи так, чтобы все донесения Вики поступали к нему через Галлуа. Познакомить их он поручил Фаржону. Эту первую встречу с Вики, о которой он раньше знал только понаслышке, Даниэль Галлуа так описал в своих воспоминаниях:

Вот лифт, вот нужный этаж, условный звонок, открывается дверь, вот и Вики... Обращаю внимание на темные волосы, светлую кожу, выдающиеся скулы, широкий разрез рта; а затем изгиб губ и складки около глаз в приветственной улыбке... Замечаю, что в глазах ее светится огонек поразительной жизнерадостности; в будущем я видел, как этот огонек мог излучать и ненависть, и насмешку, и тревогу, но никогда не угасал, оставаясь верным ей, как и сама душа ее.

Заходим в прихожую. За дверьми, ведущими, должно быть, в гостиную, раздаются какие-то звуки. «Кто там?» — «Не беспокойтесь, это Софка». Я рад случаю познакомиться с Софкой; она тесно сотрудничает с Вики и рано или поздно мне непременно нужно будет соприкасаться по делу и с ней. Входим в гостиную. Нам навстречу встает молодая женщина в шляпе, как будто в гостях. У нее темные глаза, обведенные черным, под Павлову. «Дюфор» (псевдоним Фаржона), обменявшись приветствиями, меня представляет как Пьера Ламбера. Объясняет, в чем состоит мое задание. Но сможем ли мы теперь друг друга при встрече узнать? «Посмотрите друг на друга как следует». Вслед за этим разыгрывается комическая, но для тех лет не столь необычная сцена: «Дюфор» отходит; мы втроем остаемся. Обе женщины меня внимательно оглядывают, а я их: лоб, брови, нос, цвет глаз, форму ушей (пожалуйста, повернитесь в профиль), походку (а ну-ка пройдитесь, сядьте)... Ну, думаю, с нас хватит... Каждый из нас троих знает, что отныне его судьба в большей или меньшей степени, но уже бесповоротно, будет связана с двумя другими. Затем «Дюфор» и Софка уходят. Мы договариваемся о времени и месте наших регулярных встреч, а также об условных звонках по телефону и сигналах тревоги, для особых случаев. На улице и в присутствии других я буду звать ее Катрин.

Остается попрощаться и уйти. Замечаю пепельницу.

— Вы курите?

— Да, когда есть что.

Вынимаю из кармана пачку папирос, которые по карточкам выдают мужчинам, но в которых отказано женщинам.

— Можно вам предложить закурить «Голуаз»?

— Ну что вы... Спасибо...

Подношу зажигалку.

— До свидания.

— До свидания.

В дальнейшем у них было по две встречи в неделю, в экстренных случаях чаще. Свидания друг другу назначали в парках, скверах, на улице... Подолгу рассматривали вместе витрины, обсуждая текущие дела, или листали книги у лотков букинистов, торговавших, как и в мирные времена, на набережной Сены; бродили по затемненным парижским улицам, а с наступлением осенних дождей и холодов укрытием стали служить почта, вокзалы, универмаги и станции метро. Во время этих встреч говорили только о деле; все постороннее могло помешать конспирации. Постоянное присутствие опасности ни на минуту не позволяло ослабить напряженности.

Нацистский террор продолжал усиливаться. Депортация евреев в немецкие лагеря смерти вошла уже в заключительную стадию, усилилась насильственная вербовка молодых французов на работы в Германии.

Учащались с каждым днем аресты и расстрелы среди гражданского населения за участие в Сопротивлении или по подозрению в нем. Регулярно вывешивались нем-

цами сообщения об ответных репрессиях на каждый акт саботажа. Если оккупантам не хватало в тюрьмах заложников, брали новых... Сведения о репрессиях проникали в Лондон таким же путем, как и информация, касающаяся действий Сопротивления, что дало повод Черчиллю в одной из своих речей назвать это «войной неизвестного солдата».

Убедившись в том, что «перемирие» обернулось властью террора, большинство французов оккупантам не симпатизировали. В ноябре 1942 года нацистами была захвачена и южная, так называемая «свободная» зона, что еще больше усилило патриотические настроения. Однако и случаи предательства среди французов были нередки, и из всех коллаборационистов одной из самых одиозных фигур был Руди фон Мерод. Впрочем, на самом деле он не был ни Руди, ни Мерод, ни «фон», а французский подрядчик по имени Фредерик Мартэн. До войны он участвовал в сооружении французской оборонительной «линии Мажино» и имел доступ к ее планам, которые он за деньги передал германской разведке. Это всплыло наружу, и французские власти его судили за шпионаж. Мартэн был приговорен к десяти годам тюремного заключения, но сидел он недолго; «линия Мажино», как известно, не задержала продвижения германских вооруженных сил, и, коль скоро Франция оказалась оккупированной, Мартэн вышел на свободу. Став немецким «дворянином» Руди фон Меродом, он начал оказывать всевозможные услуги гестапо и германской военной разведке — услуги политические, заплечные, чернорыночные и сексуальные. По ночам Макинский мог наблюдать, как этот рослый молодец кутил в

«Монте-Кристо», окруженный немецкими чинами и не слишком добродетельными француженками. Жил он на улице генерала Дюбая в доме, принадлежавшем до войны одному богатому еврею. Там, с помощью нескольких юношей из партии коллаборационистов, Руди вершил крупные спекулятивные дела, пил, развратничал и пытал им же арестованных людей — тех, у кого было что отнять — золото или другое имущество, — и тех, у кого было что выведать. В припадке подогретой спиртным ярости, он прибегал к кулакам и к дубине, а войдя в особый раж, выпускал в стенку заряды из своего пистолета. Бывали случаи, что он оказывался в добром расположении духа и отпускал свою жертву на свободу, а иногда, в промежутке между побоями, поил шампанским, но чаще — отдавал своим подручным приказ «устроить баню», род пытки, когда догола раздев человека, его по многу раз и до потери сознания погружали с головой в ледяную ванну. Вот этого господина гестапо и германская контрразведка натравили на след О.С.М.

Глава VI

В октябре 1943 года Николай Оболенский вернулся из Жерсей, где он оставил после себя несколько организованных среди русских пленных активных групп, связав их с местными французскими организациями Сопrotивления. 21-го он обедал в ресторанчике неподалеку от улицы Кассетт с Роланом Фаржоном, которому отчитался в своей деятельности. Настроение у Фаржона было приподнятое, несмотря на то, что на севере Франции, где он отвечал за боеготовность членов О.С.М., прошла волна арестов. Этот удар по организации он, однако, не склонен был признавать критическим и говорил Оболенскому, что считает победу над Германией обеспеченной. А через день, 23 октября, сам Фаржон был схвачен гестапо. Причем попался он случайно, вместе с тремя другими людьми, не имевшими прямого отношения к О.С.М.: гестапо пришло арестовывать генерала Верно, а заодно арестовало и Фаржона, то есть человека, принадлежавшего к той самой группе руководителей Военной и Гражданской Организации, к которой оно уже давно подбиралось.

В лице неумолимого Ролана Фаржона, которому удалось завербовать множество французов в военные части О.С.М., который был доверенным полковника Туни, знал всех главных и многих второстепенных деяте-

лей организации и который по несколько раз в неделю встречался с генеральным секретарем организации, то есть с Вики, — гестапо и немецкая военная контрразведка получили в свои руки самую что ни на есть ценную добычу. Узнав об аресте Фаржона, руководство О.С.М. должно было предпринять ряд срочных мер, чтобы ограничить масштабы катастрофы. С этой целью Даниэль Галлуа в тот же вечер встретился с Вики за Дворцом Инвалидов, где они долго ходили по безлюдным улицам, обсуждая план действий. Галлуа вспоминает, что в этот критический момент Вики не изменили ни ясность мысли, ни самообладание:

Мы стояли на площадке станции метро, чтобы вместе проехать до пересадки. Поезд уже подходил, и тут я увидел то, чего не мог заметить на темной улице: побледневшее лицо Вики, ее дрожащие губы.

— Не стройте такой грустной мины! На вас обратят внимание... Подбодритесь, подумайте о чем-нибудь другом.

Мы втиснулись в переполненный вагон.

— Да, — сказал я, как бы продолжая прерванный разговор, — я был на генеральной репетиции в Консерватории. Какая прекрасная программа! И Мюнч был в великолепной форме.

— А мы, представьте себе, мы были в цирке. Было очень забавно...

Еще в июне 1943-го немецкой полиции и ее тайным агентам, старавшимся обнаружить места приземления засылаемых союзниками агентов, удалось перехватить британского парашютиста, который навел их на одну из

подпольных групп, работавших с О.С.М. В июле около Па-де-Кале перехватывается целая команда парашютистов, что вызывает новую волну арестов, но Парижа это пока еще не коснулось. Однако уже в августе гестапо устраивает налет на квартиру одного из главных деятелей О.С.М. Жака-Анри Симона, у которого Вики работает каждое утро, сортируя донесения. Обоим чудом удается ускользнуть от ареста. В это же время гестапо чуть было не удалось схватить руководителя гражданской ветви О.С.М. Блок-Маскара. Его спасла консьержка: она направила пришедших арестовывать в никем не занятую квартиру, а сама в это время предупредила Маскара, дав ему возможность вовремя исчезнуть. Он временно поселился по соседству с Вики, их дома выходили на общий двор, что облегчало им встречи. Пробыл он там недолго; его чуть было не схватили вторично, но и тут он ускользнул благодаря другой сторожихе. С тех пор до самого освобождения Франции Блок-Маскар ведет кочевой образ жизни, постоянно меняя пристанище, но своей деятельности не прерывает. Таким образом, хотя гестапо уже были известны имена двоих из руководителей О.С.М., ядро организации продолжает функционировать.

Но вот попадается Фаржон, а в кармане у него находят квитанцию от уплаченного телефонного счета с адресом его конспиративной квартиры в Латинском квартале. При обыске этой квартиры обнаружены: оружие, амуниция, а главное — компрометирующие документы с указанием адресов тайных почтовых ящиков в Париже, Лилле и других городах, а также планы организационных схем военных и разведывательных единиц,

имена их участников, имена курьеров и агентов сопротивления в министерстве Почта-Телефон-Телеграф, список предстоящих встреч с людьми, где некоторые были названы своими именами, другие же значились под псевдонимами. Генеральный секретарь О.С.М., лейтенант военных сил Сопротивления Вера Оболенская фигурировала под прозрачным псевдонимом «Вики».

Но поразительное дело... Меры предосторожности, предпринятые руководством О.С.М. после ареста Фаржона, далеко не шли. Ближайшему помощнику Фаржона удалось кое-кого предупредить, и намеченные Фаржоном явки не состоялись, к великому огорчению подкармливавших их личностей в макинтошах. Однако Вики продолжала жить на улице Кассетт, полковник Туни — у себя и, как обычно, он спокойно прогуливал по утрам свою таксу прямо под носом у живших рядом сановных оккупантов. Остальные члены О.С.М. тоже оставались на местах, уверенные, что Ролан Фаржон не выдаст, и еще не ведая о том, какой улов принес гестапо обыск, произведенный на его конспиративной квартире.

Примерно в это же время немецкому радиолокатору, замаскированному под машину неотложной помощи, удастся зафиксировать радиосигналы, исходящие из многоквартирного дома на улице Боети. Радиооператор по кличке «Тильден», работавший на посланца де Голля Реми, был пойман за пультом во время самой передачи. Вопреки приказу, отданному Реми всем радиооператорам, не вести передач из Парижа, где их легко было засечь, он не пожелал расставаться со своей возлюбленной и установил аппаратуру у нее на квартире, где и был арестован. Перед угрозой «бани» он выдал местонахож-

дение центра разведывательной организации Реми «Нотр-Дам». Сам Реми в это время находился в Лондоне, но трое курьеров, собиравшихся отбыть из Бретани морским путем в Англию, были схвачены. Были также захвачены и важные документы. Кроме того, Тильден выдал известные ему имена деятелей «Нотр-Дам». Создававшаяся на протяжении трех лет сеть Реми была кончена, а вместе с ней под ударом оказались и все те, кто с ней сотрудничал, в первую очередь, руководящие работники О.С.М. По наущению новых хозяев Тильден связывается со своей знакомой по теннисному клубу Люсьен Диксон, которая и ввела его ранее в «Нотр-Дам». Она уже знала о разгроме центра «Нотр-Дам», но не подозревала об аресте Тильдена. Он преподнес ей версию о том, что ему, якобы, удалось укрыться при налете на центр и восстановить контакт с Лондоном, откуда и получил приказ снестись с ней для установления связи с О.С.М. Диксон эта история показалась правдоподобной, она обещала ему помочь выполнить поручение и обратилась к Вики. Вики, однако, почуяла недоброе. Несмотря на все заверения Диксон в добропорядочности Тильдена, несмотря на его настойчивые повторные попытки наладить связь с О.С.М., она наотрез отказалась иметь с ним дело. Тогда Диксон обратилась к Галлуа, питавшему к ней большое доверие. Тот доложил своему начальнику, полковнику Туни, о предложении Тильдена наладить для О.С.М. прерванную радиосвязь с Лондоном. Предложение показалось заманчивым; Туни необходимо было снова выйти на Лондон, и он поручил Галлуа воспользоваться услугами Тильдена. Однако обсудив это с Вики, Галлуа решил

прислушаться к ее доводам и убедил Туни оставить эту затею. Так Вики сорвала провокацию, направленную на самое ядро О.С.М. Насколько верна была ее интуиция, подтвердилось через несколько дней, когда Диксон услышала из передачи Би-Би-Си о том, что Тильден был арестован три недели назад и что при нем была записная книжка с адресами его контактов.

В будущем историков стал занимать вопрос, почему немецкой контрразведке нужно было прибегать к услугам Тильдена, чтобы добраться до О.С.М., когда в руках гестапо уже находился один из ее лидеров, Ролан Фаржон, плюс материалы, добытые на его конспиративной квартире? Возможно, это объясняется соперничеством и взаимным недоверием между Абвером (военной контрразведкой) и гестапо. Как бы то ни было, но гестапо по каким-то соображениям, арестовав Фаржона, временно оставило парижских деятелей О.С.М. в покое, начав проводить аресты в других городах. Лишь несколько позже, с помощью своих французских приспешников — в первую очередь Руди — оно стало все уже затягивать петлю вокруг руководства Гражданской и Военной Организации.

Нанесению подлинно сокрушающего удара по О.С.М. помог один «расколовшийся» второстепенный участник О.С.М., арестованный по делу об убийстве французского полицейского, работавшего на немцев. Этот человек не выдержал побоев, которым его подвергли молодчики из команды Руди (в это же время, в соседней комнате, на глазах у ее маленькой дочери, пытали его возлюбленную), и согласился выйти на заранее назначенное ему свидание со связным Фаржона, известным

под кличкой «Дюваль». Свидание назначено было на 16 декабря на улице Лафайет. Когда в условленное время Дюваль явился туда и, ничего не подозревая, подошел к сидевшему на скамейке знакомому лицу, он был тут же схвачен и доставлен в недоброй славы дом на улице генерала Дюбая. При Дювале тоже была обнаружена записная книжка, а в ней — среди прочих, адрес Софьи Носович.

Вики, которая сама накануне встречалась с Дювалем, узнала о его аресте в тот же день. Вечером Кирилл Макинский ужинал у Оболенских:

Встав из-за стола, я пошел помогать ей вытирать посуду. Передавая мне полотенце, Вики тихонько шепнула: «Знаешь, дело дрянь, кругом всех арестовывают». Я спросил: Что ты собираешься делать? Она посмотрела мне прямо в глаза, взглядом, который я никогда не забуду, пожала плечами и, услышав шаги шедшего в кухню мужа, приложила палец к губам, чтобы его не встревожить. Она считала важным поддерживать в наших рядах дух неуязвимости; в этом была наша сила.

Разговор перешел на другую тему. Незадолго до того Макинский сам пережил несколько напряженных минут: к нему в «Монте-Кристо» заявили двое в немецкой генеральской форме и потребовали отдельный салон. Когда Макинский принес им заказанное шампанское, он получил приказ на безукоризненном немецком закрыть за собой дверь и остаться с ними. Перепуганный Макинский никак не ожидал того, что последовало за этим: наполнив бокалы, «генералы»

встали и на столь же безукоризненном английском провозгласили тост «Long live the King» («да здравствует король»), откланялись и удалились. Было ли это сигналом английской разведки, что им известна деятельность Макинского? Знак одобрения? Так это и осталось навсегда загадкой.

17 декабря около одиннадцати утра Вики отправилась к Софке, чтобы уговорить ее на всякий случай покинуть свою мансарду во дворе дома, недалеко от Лувра, где помещалась редакция модного журнала «Жарден-де-Мод».

— Мы знаем, что Дюваль арестован, здесь нельзя оставаться...

— Но уж он-то меня никогда не выдаст, — возразила Софка. — Только подумай, здесь место встречи всех его товарищей, даже его собственного брата...

В этот момент раздался стук в дверь. Отворив дверь, Софка оказалась перед дулом наведенного на нее пистолета.

В то утро Николай Оболенский должен был доставить целую пачку поддельных удостоверений личности одному из участников организации.

Из-за частых облав, устраиваемых в метро, он решил отправиться пешком. Сдав опасные документы, вернулся на улицу Кассетт. Вики дома не было, а ведь договорились вместе пообедать. В 13:30 позвонил в «Жарден-де-Мод». Ответила Меликова, директриса журнала: «Вики ушла вместе с Софкой, но не одна... приходите скорей...»

Вики в тот день должна была встретиться с «Элизабет Брюне», т.е. с Жаклин Рамей, которая ранее позна-

комилась с ней у Жака-Анри Симона и навсегда запомнила их первую встречу:

Я только что вернулась из свободной зоны, и мне поручили взять на себя передачу донесений военной разведки, чем до сих пор занималась Вики, и, таким образом, освободить ее для другой работы. Стоял чудесный день. Окна квартиры Симона выходили на Булонский лес, и она была залита солнцем. В лежащем на столе пакете гражданских донесений того дня был «послужной список» Жан-Эрольда Паки: три обвинения — два за жульничество и злоупотребление доверием, третье за содержание любовницы на супружеской квартире, вызвавшее наши улыбки. Я вижу до сих пор, как Жак Симон перелистывает наш Кодекс, стараясь найти параграф, наказующий это третье нарушение. Среди донесений был также отчет, касающийся поддельных хлебных карточек, предназначенных для партизан. Они совершили длинный окружной путь с тем, чтобы снова вернуться к изначальному пункту. Их мы направили по правильному пути.

Мы были на свободе, полные энтузиазма; участие в борьбе было своего рода компенсацией за горечь оккупации. Вики смеялась с той искрой в глазах, которая придавала ей столько обаяния. Я присмотрелась к ней: она была высокая брюнетка, с хорошей фигурой, приятным лицом и волевым подбородком... я сразу прониклась к ней симпатией. С ней можно было чувствовать себя уверенно. Мы договорились с

ней о следующем свидании для того, чтобы она показала мне, как составлять военные донесения. На этот раз мы встретились в другом месте, в квартире на авеню Бюжо. Я застала Вики за пишущей машинкой, обложенную бумагами. Она показала мне, как сортировать, по военным подразделениям и датам, донесения, поступающие из четырех концов Франции. Это было довольно просто, но я плохо разбиралась в военных делах и поэтому спросила Вики, где бы я могла, если нужно, ее разыскать. Она сказала, что каждое утро бывает у Симона. Туда я однажды и отправилась, чтобы получить разъяснения по одному вопросу. Опять я застала ее за пишущей машинкой. Немного поговорили. А через несколько дней я получила приказ больше туда не ходить: гестапо устроило налет и чуть было не арестовало Симона и Вики.

Мы свиделись с ней через некоторое время на улице. Она принесла мне гражданские сообщения, которые я должна была приложить к моим военным донесениям. Все это я отнесла потом человеку, связанному с Реми. С тех пор Вики и я стали встречаться на улице, всякий раз заранее уславливаясь о встрече на следующей неделе. Мое расположение к ней росло. Она поражала меня своим умом, пунктуальностью и памятью — все запоминала, никогда ничего не записывая. Наша последняя встреча состоялась в чайной напротив магазина Бон-Марше, где к нам присоединились Франсис Ми-

шель и его жена. Мишель принес мне донесения из Нормандии, а Вики из зоны севера Франции. Мы говорили о том, как все будет после войны, смотря на будущее с уверенностью в победе, но и без особых иллюзий.

Следующая встреча была назначена на 17 декабря. Мы должны были прийти в 16 часов на станцию метро Севр-Бабилон. Напрасно я ждала Вики. Сперва удивилась, что ее там нет, потом начала беспокоиться. Я пыталась убедить себя, что она пошла в чайную, на место нашей прошлой встречи. Отправилась туда, для отвода глаз заказала себе чашку чая и проглотила ее не чувствуя вкуса. Вернувшись к станции метро, убедилась в том, что Вики там нет. У меня упало сердце; к тому времени мы уже знали, что несостоявшиеся встречи редко бывали результатом случайности или забывчивости. Мы понимали, что это означает.

Оказавшись перед дулом пистолета, Софка не растерялась:

— В чем дело, кто вы?

— Руди, немецкое гестапо. А вот знаете ли вы, что такое «О.С.М.»?

— Покажите ваши бумаги, — потребовала Софка. Он выташил их из кармана и предъявил Софке. Та пошла в комнату и обращаясь к Вики, сказала:

— Извините меня, я не понимаю, что происходит, но здесь гестапо.

Не теряя самообладания, Вики поднялась: «Ну тогда я пойду...» Ее опередил, однако, Руди, с его пистолетом на взводе, и потребовал Викину сумку. Выташил удостоверение личности: «Вот это да! Настоящая княгиня!» Полез копаться дальше. Содержимое сумки привело его в восторг, которым он и поделился с сопровождавшими его двумя французскими полицейскими: «Ну и находка!..»

Пока шел обыск уютной Софкиной мансарды, с ее всегдашним гостеприимно шумевшим самоваром, иконами в углу комнаты и большим окном, из которого видны были двор и стена соседнего дома, Вики от волнения или от страха нестерпимо понадобилось в уборную. Она стала умолять «этого гада полицейского» позволить ей выйти. А он ей: «Можете и подождать». А она ему: «Видите, теперь уже поздно...» Воспоминание об этом унижительном случае было для Вики мучительнее самого ареста.

Потом обеих женщин сковали вместе одной парой наручников и вывели во двор. Проходя мимо знакомой ей русской, Вики подняла свою и Софкину скованные руки и громко пропела из излюбленного в те годы романса: «Сегодня нитью тонкою связала нас судьба...» Это последнее, что узнал в тот день о своей жене подоспевший на улицу Сен-Флорентен Оболенский. Потрясенный случившимся, он бросился назад на улицу Кассетт уничтожать бумаги, которые были ими запрятаны в книгах.

В это время Вики и Софку повезли не в главную квартиру гестапо на улице Соссэ, а туда же, куда накануне был доставлен Дюваль, — в особняк на улице генерала Дюбая, где Руди вершил свои темные дела, принимал любовниц и пытал заключенных. Еще в машине Вики успела шепнуть Софке, что она будет всячески отрицать свою причастность к О.С.М. и делать вид, что она всего лишь Софкина подруга. Кивком головы Софка дала ей понять, что план одобряет.

Версия эта получила подтверждение и в поведении Дюваля, с которым им была устроена очная ставка. Дюваль признался, что знает Софку, но сказал, что Вики ему незнакома. Софку допрашивали первой. Поначалу все шло как будто не так плохо. Софка сочинила настолько правдоподобно звучащую историю, что один из допрашивающих сказал по-немецки: «Что ж, это вполне возможно...» Потом произошла очная ставка со схваченным в тот же день Мишелем Пасто, которая тоже сошла гладко, и задержанных женщин отправили спать. Им отвели одну кровать на двоих и отобрали всю одежду. Под утро Вики проснулась от того, что в комнату ворвались разъяренные сподручные Руди, вытащили Софку из постели, стали бить ее головой об пол и об стены, требуя, чтобы она выдала, где может скрываться Мишель Пасто, а потом поволокли наверх «в баню».

Ни Софка, ни Вики не могли знать, чем было вызвано столь ожесточенное поведение их тюремщиков, но поняли, что Пасто каким-то образом удалось бежать. Свет пролил на все это после войны сам Мишель Пасто, который и в старости не мог говорить о Вики и Софке

без глубокого волнения и боли за невольно причиненные страдания.

В тот день, 17 декабря 1943 года, в шесть часов вечера, не подозревая об их аресте, Пасто, как и было условлено накануне (встреча начальника штаба О.С.М. с Софкой состоялась в очереди перед кино на Елисейских Полях), отправился к ней на квартиру с пакетом предназначенных для Лондона тайных донесений, которые та должна была перепечатать. Постучался в дверь раз, другой. Когда никто не отозвался, быстро спустился по темной лестнице на первый этаж и вдруг почувствовал приставленное к спине дуло пистолета. Еще через минуту он оказался в наручниках. Под конвоем двух одетых в немецкую форму французов он был препровожден в комнату машинисток редакции «Жарден-де-Мод». В ожидании дальнейших распоряжений и машины, которую за ними должны были прислать, полицейские не обыскали Пасто, и пакет донесений оставался пока во внутреннем кармане его пиджака. «Здесь что-то холодно», — сказал он своим стражникам и начал, скрестив на груди скованные руки, ходить взад и вперед по комнате. «Это, — объяснял он потом, — старый трюк фокусников: повторным движением усыплять внимание и гипнотизировать зрителя». Так он промаячил у них на глазах раз тридцать и за это время облюбовал одну из машинисток, с симпатичным лицом. Ей он и подкинул на стол свой пакет. Машинистка и глазом не моргнула. При следующем заходе он подал ей незаметный знак рукой, дескать, уберите... Та сгребла все находившиеся у нее на столе бумаги, подошла к одному из стороживших Пасто полицейских и попросила разрешения пройти к

редактору, потому что «это срочно». Ее пропустили. Далее разыгралась сцена, которую задним числом можно отнести к одной из самых комичных в истории Сопротивления. Редактор посмотрел на бумаги и к ужасу своему обнаружил, что они ничего общего с дамскими модами не имеют: схемы тайных аэродромов, намеченные даты десанта парашютистов, планы немецких укреплений... Редактор — в уборную. Быстро сжег у открытого окна все содержимое конверта, бросил пепел в унитаз и спустил воду. Но, о ужас, пепел не тонет, недогоревшая бумага забила сток, вода с остатками донесений перелилась через край, и началось молчаливое яростное сражение с компрометирующим потоком. Сторожившие Пасто ничего не заметили, и сам он об этом узнал много позже.

Дальнейшие события дня развивались так: присланная за ним машина доставила Пасто в тот же дом на улице генерала Дюбая. Начался допрос. В роли следователя — сам Руди. На вопрос, зачем Пасто пришел в «Жарден-де-Мод», он ответил, что у него было свидание с дамой, той самой, с которой случайно познакомился накануне в кино. Приводят Вики и Софку. Софка подтверждает «любовную» версию Пасто; Вики утверждает, что видит его впервые... Женщин уводят.

Пьянеющий Руди продолжает допрос... Пасто его водит за нос... В какой-то момент он чувствует, что зашел слишком далеко, что Руди уловил издевку. Наступает «гранитная» тишина, сподручные Руди подымаются со стула... В это время открывается дверь и — как в кино — на пороге предстает молодая красавица в бархатной накидке до пят, наброшенной на голое тело, и воп-

рошает, собирается ли Руди, наконец, ужинать или нет. Руди смотрит на часы. Затем, при нем же, обсуждается, что делать с Пасто. Отправить в тюрьму Фрэн? — значит придется еще заполнить какие-то бумаги... Любовница строит капризную мину... ведь еще предстоит вечер в «Фоли-Бержер»... Решено оставить заключенного на ночь в Париже, а назавтра возобновить допрос.

Его переводят в другое помещение и сажают в сторожку из двух комнат: в дальней Пасто, с которого на ночь сняли наручники, и еще двое заключенных, в передней перед открытой дверью усаживается вооруженный стражник. В этот момент Пасто принимает решение бежать. Еще в детстве его дед, ветеран войны 1870 года, учил: Мишель, запомни, если будет война, можно быть живым или мертвым, но ни в коем случае не пленным. В пять утра, хорошенько выспавшись на голом полу, Пасто, сняв ботинки, подкрался к задремавшему стражнику, набросился на него, стал его душить. Последовала ожесточенная схватка; стражник сильно укусил Пасто за палец и, сломав ему еще три ребра, потерял сознание. Затем критический момент с двумя электрическими кнопками: одна из них контролирует автоматический замок, другая, возможно, дает сигнал тревоги. Которую нажать? Нажал правильную. И вот Пасто и двое с ним сидевших оказываются на пустынной парижской улице — еще не кончился полицейский час. Тем не менее, Пасто, отделившись от других, удалось добраться до своей квартиры, попрощаться с женой, поцеловать спящих детей и, до прихода с обыском, который не заставил себя ждать, надолго исчезнуть из жизни семьи.

Подозревая, что Софка может знать, где скрывается Пасто, и не добившись ничего избиениями — сам Руди неоднократно зверски ударял ее кулаком в лицо и по голове — Софке устроили «баню»: раздетую догола хрупкую женщину без одной груди двое ражих молодых, связав ей за спиной руки, погружали с головой в холодную ванну, держали под водой, покуда она не начинала захлебываться, вытягивали, снова допрашивали и снова начинали топить. Так много раз... потом вернули на нижний этаж, где находилась Вики, но не успела Софка лечь и перевести дух, как за нею снова пришли и все началось сначала.

— Слава Богу, — говорила Софка потом, — что я смогла никого не выдать.

Но она навсегда осталась почти совершенно глухой: ей побоями перебили обе барабанные перепонки.

Вики, которая все это видела, плакала, мучаясь тем, что не могла разделить ее страданий. «Ты свой долг исполнила, теперь очередь за мной», — говорила она Софке. Но Вики физической пытке не подвергли, ни тогда ни потом. Возможно, ее оградил от этого немецкий пиетет перед княжеским титулом... Но это лишь догадка...

Допросы и унижения продолжались на улице генерала Дюбая еще два дня. Особенно болезненным было для них то, что их охраняли даже не немцы, а свои же французы, чье поведение было омерзительно. У Софки лицо горело и было распухшим, тяжелая голова болела.

— Шеф хорошо поработал, — измывались над ней молодчики. — Вы все голлисты и коммунисты. Это вам подрежет крылышки...

Женщины старались не отвечать, но однажды Вики не выдержала:

— Если вы так не любите коммунистов, отправляйтесь воевать на восточный фронт!

— О нет! — ответил, небрежно играя парой наручников, молодой пижончик холеного вида. — Я ненавижу войну... настоящий спорт здесь.

Затем Вики и Софку перевели сперва в здание гестапо на улице Соссэ, где продолжились допросы, потом в тюрьму Фрэн под Парижем, что было своего рода передышкой. Правда, их разделили, и общаться они могли только при помощи тюремного «телефона».

Глава VII

Тюрьма Фрэн была переполнена и буквально гудела от вызывающе державших себя заключенных. В камере, куда поместили Вики, были еще три женщины — француженка, итальянка, австриячка — тоже политические, тоже, как и Вики, молодые, жизнерадостные и хорошие товарищи. С австриячкой Вики усовершенствовала свой немецкий язык, а итальянку учила русскому. Вики быстро освоила тюремную азбуку и научилась не только перестукиваться со своими соседями за стенкой, но и переговариваться с другими камерами при помощи водопроводных труб. Удавалось также перекликаться из-за решетки окна с теми, чьи окна выходили на тюремный двор. Вообще она делала все то, что было «stengstens verboten», строжайше запрещено, и проявляла невероятную изобретательность в преодолении тюремных правил. Для поддержания духа они пели и сочиняли песни, в одной из них воспели прелести тюремной жизни, припомнив известного французского авантюриста XVIII века, который просидел в тюрьме 35 лет: «Нам так знакомы жидкая похлебка, черствый хлеб и твое, Лятюд, одиночество...»

Со стороны казалось, что Вики — море по колено, но на самом деле, не подавая вида, она переживала то, чего больше всего опасался каждый участник Сопротив-

ления: допросов и пытки, боязни не выдержать и выдать других. «Это, — писала знавшая Вики женщина, которая сама прошла через Фрэн, — была неотступная мысль каждого узника, перебивавшего в уме всех, чья жизнь от тебя зависит. А бедная Вики с ее феноменальной памятью несла особо тяжелое бремя: будучи генеральным секретарем целой сети, участвовав в ее создании, она знала всех и вся».

Допросы проводились два раза в день, и дважды в день сердце заключенного в тюрьме Фрэн переставало биться. Каждый день в шесть утра надзиратели приходили предупредить тех, кто должен будет через два часа пойти на допрос. Шаги приближаются; отворяется дверь в соседнюю камеру. Раздается голос: «Трибуна-а-а-л». Надзирательница закрывает дверь и отходит. Войдет она в твою камеру или нет? Если пройдет мимо, можно вздохнуть облегченно, к человеку возвращается тогда нормальное кровообращение... до 13:00 часов, когда все повторяется сначала.

Пока Вики находилась в тюрьме Фрэн, Николай Оболенский носился по всяким учреждениям, стараясь выяснить судьбу своей жены. 25 января его вызвали в гестапо, куда он отправился в надежде получить о ней какие-нибудь сведения. На столе перед следователем лежала папка с делом Вики, а к ней прикреплена записка с распоряжением арестовать и мужа. Как и Вики, Оболенский тоже был доставлен во Фрэн, где в течение двух месяцев находился в одиночном заключении. Узнав об этом по тюремному «телефону», Вики с еще большим рвением принялась выгораживать его на допросах, утверждая, что у нее с мужем произошло отчуждение, что он

никакого отношения к Сопротивлению не имеет, ничего не подозревает, а что ответственный член организации «Ламбер», о котором ее допрашивали, то есть Галлуа, просто ее любовник. При этом она дала вымышленное описание наружности «Ламбера», присвоив ему внешность Софкиного брата, давно находившегося в армии де Голя в Тунисе, где он, как впоследствии выяснилось, погиб.

Даниэль Галлуа тоже был вскоре арестован и доставлен в тюрьму Фрэн, но гестапо, по-видимому, не знало еще, что «Ламбер» и Галлуа — одно и то же лицо, и Вики всячески старалась отвести от Галлуа все подозрения и не отождествлять его с «Ламбером».

На одном из допросов, чтобы испытать Вики, следователь заявил, что у него имеются неоспоримые доказательства неверности ее «любownika Ламбера», у которого есть и другая подруга. Вики, войдя в роль обманутой женщины, сперва сделала вид, что отказывается ему поверить, потом — что проникается сомнением, наконец разрыдалась. Все это было так убедительно, что следователь, сочувственно посмотрев на нее, спросил: «Вы наверно очень любите этого человека?»

Вернувшись с допроса, Вики «протелефонировала» своему соседу по камере:

- Меня о вас допрашивали.
- И что вы сказали?
- Что вы подлец.
- Bravo!

Вики продолжала водить следователей за нос, наговаривая на тех, про кого она знала, что они вне досягаемости гестапо, и выгораживая друзей, бывших под уда-

ром. Это позволило находившимся еще на свободе руководителям О.С.М. выиграть драгоценное время, а некоторым членам организации спасло жизнь.

Какое-то время Военная и Гражданская Организация еще продолжала действовать. Часть Викиных обязанностей переняла Жаклин Рамей. Она и ее друзья были потрясены и глубоко опечалены арестом Вики и Софки, но знали, что ни та ни другая никого не выдадут. Нужно было продолжать работу, не терять хладнокровия, унять в себе жалость к арестованным и смирить мрачные предчувствия в отношении собственной судьбы. Но в конце февраля 1944 года, один за другим, начали исчезать последние руководители О.С.М. Сперва был арестован глава организации, полковник Туни. Он мог бы укрыться в приготовленной для него чердачной каморке в музее Лувра, но Туни торопился закончить самые неотложные дела и был арестован у себя дома. Затем в начале марта были схвачены другие лидеры О.С.М., в том числе Даниэль Галлуа, а еще несколько позднее Жаклин Рамей. Разгром Гражданской и Военной Организации оказался полнейшим. Арестованы были не только ключевые ее деятели, но и тысячи рядовых членов. Жестокие репрессии распространились и на другие организации Сопротивления, но О.С.М. понесла особенно тяжелые потери. Непосредственным результатом этого явилось радикальное сокращение поступавших в Лондон донесений о действиях противника и другой стратегически важной информации.

21 марта Оболенского посадили в грузовик, отвезли в Париж и выпустили, разрешив поселиться у его сест-

ры Нины, а утром 30 марта Галлуа было сказано, чтобы он собирался с вещами. Во второй половине дня его вместе с другими членами О.С.М. — Рузэ, Хюве и Леперком — вызывает немецкий фельдфебель и ведет к выходу. Во дворе у подъезда стоит крытая брезентом грузовая машина, окруженная дюжиной немецких солдат. Фельдфебель читает по списку имена заключенных. «Погружайтесь!» Внутри грузовика рядами установлены скамьи.

И вот неожиданная встреча: в полутьме, на последней скамье, откинувшись спиной на серый брезент, сидят три женщины. Одна из них — незнакомая Галлуа седовласая дама, а рядом с ней он сразу узнает Вики и Софку. Покуда он пробирается через скамьи, Вики не сводит с него глаз, а когда он приблизился, прошептала: «Кончились наши концерты...»

Один из солдат уложил на полу между скамейками вещи заключенных. Другой влез с целой связкой наручников и двойным шелчком, по очереди, сковал им руки. Фельдфебель уселся в кабине рядом с шофером, солдаты расположились в задней части грузовика. Грузовик тронулся, выехал из тюремных ворот на обсаженную деревьями аллею, потом, набирая скорость, взял дорогу на Париж.

Заключенные смотрят на велосипедистов, которых обгоняет грузовик. Женщины уже одеты по-весеннему, в деревянных сандалиях на босу ногу... Странно, что кто-то может вот так туда-сюда передвигаться, не подозревая, что рядом, на самом обычном вермахтовском грузовике, везут арестованных. Хочется поднять кверху запястья, показать наручники, крикнуть... День стоит

пасмурный, но им, привыкшим к полутемным камерам, свет режет глаза, точно солнце светит вовсю; они уже забыли, что бывает такая голубизна неба, что в весеннем послеобеденном освещении столько сиреневых оттенков, что даже самый серый день может в такой степени быть насыщен красками.

— Куда мы едем? — спросил кто-то шепотом.

— Рю де-Соссэ, — отозвалась Вики, не разжимая рта.

Въехали в Париж. Площадь Данфера, бульвар Распай, бульвар Сен-Жермен, площадь Согласия. Вместо того чтобы свернуть в сторону улицы Соссэ, грузовик едет дальше: Мадлен, бульвар Мальреб.

— Авеню Фош, — произносит теперь Вики.

Вариант не из лучших; согласно слухам, циркулировавшим в тюрьме Фрэн, гестапо на проспекте Фош еще более зверское, чем на улице Соссэ.

Но вот грузовик останавливается перед многоквартирным домом на бульваре Курсель. Сквозь окошко кабины водителя виднеется Триумфальная арка.

Солдаты принимают несколько пакетов, и грузовик снова трогается. Опера, улица Лафайет, наземное метро.

— Направление Ромэнвиль, — говорит опять Вики. Мимо проходит автобус, название которого дает нужный ориентир: Порт-де-Вийетт, Бурже.

— Итак, — говорит Вики, — мы едем в Сен-Кентэн, на очную ставку с Дюфором.

Вики еще до ареста слышала, что «Дюфор», то есть Ролан Фаржон, был помещен в тюрьму Сен-Кентэн, но в том же направлении находится и город Аррас, куда, как

знает Даниэль Галлуа, в начале марта отправили полковника Туни.

Догадки, которыми шепотом обмениваются Вики и Галлуа, называя друг друга, как и раньше, «Пьером» и «Катрин», прерывает маленький плотный солдатик в бухгалтерских очках, с торчащими из-под пилотки ушами. Он напоминает, что разговаривать строжайше запрещено, и продолжает с места пристально за ними следить.

Молча арестованные смотрят, как остается позади Париж. Все меньше становится домов, а виднеющиеся вдаль собор Сакре-Кёр на Монмартре и Эйфелева башня, кажется, становятся все выше. В конце концов, в розовато-голубом тумане исчез и Сакре-Кёр.

На придорожных надписях появляются названия провинции Валуа: Шапель-ан-Серваль, Сенлис. Гудит равномерно мотор, откатывается назад дорога...

Галлуа заметил, что их грузовик нагоняет легковая машина, но прежде чем обогнать его, она притормаживает, и Галлуа узнает в сидящем рядом с шофером рябого человека, который был при его первом допросе, — это гестапо напоминает о своем всегдашнем присутствии. Галлуа переводит взгляд на своих спутников:

Леперк, у которого больная рука, опирается локтем на деревянный ящик, подтягивает и поправляет свою повязку, сжимает от боли зубы... Хюве забился в угол; на изможденном лице его глубокие морщины. Рузэ сидит совершенно прямо и неподвижно. Весь в черном, с низко надвинутой на лоб шляпой, он похож на крестьянина в воскресной одежде, воплощенное

терпение и упорство. Софка положила голову на один из металлических обручей крыши грузовика, цвет лица ее землистый, глаза неподвижные и отсутствующие. Задремавшая Вики – бледная под слоем помады и пудры – что-то бормочет и постанывает. Седая женщина в накидке медсестры, с одутловатым лицом, мешками под глазами и заплаканными веками напоминает бравую наседку, попавшую в непонятные ей передряги.

А стражники? Постепенно они расслабились. Один курит сигару, другой жует бутерброд. Маленький переводчик в очках, которому, очевидно, поручено следить за арестованными, все время бросает в их сторону свой желчный взгляд. Один рослый детина в форме горных войск вынул из кармана книжку и погрузился в нее, перекинув автомат через колени. У него более породистое лицо, чем у других: тонкий нос, длинные нежные ресницы. Вот он встает, чтобы дать подушку Леперку. Книжка падает, и Галлуа прочел название: эссе, посвященные Райнеру-Мария Рильке.

Дорога ведет через Компьенский лес. Грузовик замедляет ход, останавливается. Появляется фельдфебель и на хорошем французском предлагает дамам воспользоваться остановкой.

Женщины отходят в сторону, под деревья. Мужчины тоже просят разрешения выйти. Разрешение дано. Покуда они дошли до обочины, стража уже была расставлена по местам: два солдата посередине шоссе, один перед грузовиком, другой позади него, еще один наверху дорожной насыпи, у каждого автомат наготове. И вот

тут происходит описанный Галлуа эпизод, который сделался в истории Сопротивления почти легендарным:

— Курить можно?

— Пожалуй...

Леперк предлагает папиросы. Фельдфебель подносит свою зажигалку.

Женщины возвращаются. В руке у Вики несколько нарциссов.

— Посмотрите, их так много в лесу.

После некоторого колебания фельдфебель подает знак одному из солдат. Тот достает из кармана кошелек, а оттуда небольшой ключик. С нас снимают наручники.

— Можете собрать цветы.

Перепрыгнув через овраг, мы видим у наших ног под ветками деревьев целый ковер нарциссов. И вот мы собираем букеты. Мы, можно сказать, на свободе, мы разговариваем. Солдаты, с перекинутым за плечо оружием, тоже собирают цветы. Как на даче... Шофер вылез из своей кабины и, прислонившись к кузову, созерцает эту картину, молча посмеиваясь.

Минут через пятнадцать нужно вновь погружаться. Но дисциплина нарушена. У каждого солдата в руках пучок нарциссов с их длинными мокрыми стеблями, их желтыми головками; в дуло автоматов тоже воткнуто по цветку. Попытайтесь, что ли, выяснить, куда нас везут?

— Имеете ли вы право сказать нам, куда нас доставят?

— Скоро увидите.

— Эта дама держит пари, что в Сен-Кентэн, а я — что в Аррас.

— Аррас. Ну, скорее влезайте.

Наручников не надели. Настроение охраны сделалось благодушным, и заключенные расположились так, чтоб можно было поговорить. Седая дама вполголоса, жалобно и путано стала рассказывать свою печальную историю про то, как она, которая никогда не занималась политикой, а честно выполняла свою работу на вокзале Монпарнас по оказанию социальных услуг пассажирам, уступила просьбе одного человека, попросившего взять у него письмо, которое на следующий день должен был забрать другой приезжий. А назавтра с обыском явилось гестапо, обнаружило письмо. «Я ничего не понимаю. Господин этот выглядел очень прилично, и я всего лишь хотела оказать ему обычную небольшую услугу... Но не я одна арестована неизвестно почему. Подумайте, в моей камере в тюрьме Фрэн была женщина, как нельзя более уважаемая, голландская баронесса, муж ее старый офицер, и вот даже таких людей подозревают...»

Под ее монолог Вики обращается к Галлу:

— Пьер, когда вас арестовали?

— В начале марта.

— С кем еще?

— С теми, кто здесь и еще Ригаль. Полковника взяли неделей раньше.

— Вас допрашивали?

— Только раз, 13 марта, просто для установления моей личности.

— Меня допрашивали три раза. Спрашивали, знаю ли я Дюфора, Туреля (Мишель Пасто). Мне пришлось

сказать, что да. Спрашивали про Максима (Максим Блок-Маскар), про Полковника (Туни)... я сказала, что их не знаю. А знаю ли я вас?

— Нет. И я вас тоже не знаю.

— Но, Пьер, послушайте...

В голосе тревога. Оглядываясь вполоборота на Вики, Галлуа видит на лице ее мольбу.

— Пьер, они многое знают. Знают, что я встречалась с неким «Ламбером». Но я говорила им, что он был моим любовником и казначеем нашей организации. Я придумала ему совсем другую внешность. Должна ли я придерживаться этой версии, если они будут напирать?

— Почему вы назвали этого «Ламбера»? Не надо было, это слишком опасно для Полковника.

— Клянусь вам, что это они уже знали. Пьер, я вам клянусь... Вы верите мне?

— Да.

— Так продолжать эту версию?

— Придется.

— Я все помню, что я им отвечала; я ничего не поменяю. Будьте спокойны. Нужно постараться не дать им улики против Полковника, не так ли? Он арестован, но они, возможно, не подозревают, кто это. Но все равно, мне страшно.

— Вас били?

— Нет. Забрали моего мужа, но кажется, его отпустили. Зато бедная Софка...

Галлуа нагибается в сторону Софки, неподвижно сидящей все в той же позе, виском упираясь в обруч брезентовой крыши грузовика. Взгляд устремлен куда-то очень далеко.

— Мадам, знаете ли вы, что «Турель» (Мишель Пасто) в безопасности, что он, должно быть, уже в Лондоне?

Софка, рассеянно улыбаясь, не отвечает. Вики трогает Галлуа за рукав.

— Она вас не слышит. Она оглохла. — И Вики рассказала Галлуа про то, как Софку у нее на глазах чуть на забили до смерти в доме Руди фон Мерода.

Галлуа просит, чтобы Вики как-то дала знать Софке, что Пасто удалось бежать, а также предупредить ее, что он, Галлуа, «ее не знает».

Вики притягивает к себе подругу, обнимает ее и говорит ей что-то на ухо. Софка кивает головой, моргает в знак согласия.

— Она поняла, — говорит Вики.

— Спасибо.

— Пьер, послушайте. Есть что-то, чего мне очень стыдно: я перед ними сделала пипи.

— Что?

— Пипи, у них на глазах, понимаете?

— По-моему это не очень страшно, — улыбнулся Галлуа.

— Это было ужасно...

Вероятно Вики заговорила слишком громко. К ней подошел переводчик, нахмурил брови.

— Мадам, если вы не замолчите, я вынужден буду доложить моему начальству. Вам же будет плохо.

— Хорошо, я больше не открываю рта.

Впрочем, как только тот уселся на место, Вики начинает бормотать, так что это слышит Галлуа: «Ничего, мы

еще им покажем. Мы еще покажем этим бошам, еще покажем...»

Больше разговоров не было. Заключенные проглотили несколько кусков захваченного с собой хлебного пайка. Молча покурили. Грузовик пересек реку Рой.

Рослый солдат, любитель Рильке, отложил книгу. Нашел забаву: делать вид, что выпускает в товарищей заряд из своего великолепного пистолета. Потом смотрит на захваченный в Париже пакет, развернул бумагу; обнаруживается нечто вроде футляра от пишущей машинки, а в нем аккордеон, который он передает другому солдату. Тот перекидывает ремень через плечо, пробует несколько нот и начинает играть. Вальсики. Солдаты улыбаются, отбивают такт ладошами, притоптывают ногами, прямо как в какой-нибудь венской пивной... На заключенных дохнуло мирной жизнью... Галлуа стал прикидывать, есть ли у них шансы на побег или на то, что военный отряд Сопротивления может устроить по дороге засаду, чтобы их выручить... Ведь были такие случаи... Но вот до Арраса остается не более часа езды, и скоро наступит вечер.

Аккордеонист продолжает наигрывать вальсы. Вики шепотом рассказывает про Фрэн...

Начинаются городские предместья. Грузовик переезжает через мост, под ним железная дорога. Виден вокзал, окруженный толпой пассажиров, стоящий поезд, передвигающиеся составы...

— Аррас, — произносит Леперк. И, обращаясь к Вики, театрально шепчет: — Я не ожидал, что буду иметь счастье совершить этот путь в обществе столь прекрасных дам. Мне хотелось бы вас поцеловать.

— А кто вам сказал, что я позволю?

— Не хотите, а мне было бы так приятно... Ну улыбнитесь... Я всегда выскакивал даже из худших ситуаций, вот увидите, мы еще выберемся из этой авантюры...

Проехав вокзал, грузовик вскоре свернул с широкой улицы в ухабистый переулок, сделал несколько заворотов. Остановился. Солдаты подтягиваются, берут свои пожитки, оружие, пакеты и спрыгивают на землю. Заключенным виден небольшой двор, палисадник с вытоптанной травой, его опоясывает вся в трещинах дорожка. Видно несколько деревьев с набухшими почками, а в глубине двора — псарня, на решетку ее со свирепым лаем бросаются разъяренные собаки-волкодавы. Но двухэтажный дом в глубине двора на тюрьму не похож.

Подъехала и легковая машина. Из нее вылез толстый рябой человек, тоже с букетиком нарциссов. Вики передернуло: «Какой омерзительный тип, до чего же он мне противен!»

Переводчик, который перед этим вошел в дом, вернулся с двумя штатскими — то ли полицейские, то ли тоже арестованные. Усаживаются на скамейки, грузовик трогается, выезжает на бульвар. Пешеходы, смеющиеся девицы, всегашние немецкие военные мотоциклы... Потом грузовик съехал с мошеной улицы и выехал на окраину по какой-то дороге, обсаженной деревьями. Стало все больше трясоти. Затем появилась большая кирпичная стена, и грузовик остановился перед тяжелыми железными воротами. Шофер выключил мотор.

Заключенным дают приказ забрать вещи и вылезать. Ведут через низкую дверь в левой части ворот, потом они пересекают двор, по ступенькам входят в прихожую

здания. Дальше виден коридор, отгороженный от пола до потолка решеткой, а слева сторожевое помещение, куда приводят заключенных, откуда переводчик вручает сопроводительные бумаги дежурному фельдфебелю. Комната увешана пропагандными плакатами, провозглашающими нацистские победы. Вдоль стен шкафы, стеллаж с ружьями, у окна радиоприемник, тихонько играющий сентиментальную музыку.

— Я вас не знаю, — повторяет Вики Даниэлю Галлуа. — «Ламбер» был высокого роста, без очков, наш казначей.

— Хорошо, не меняйте версии...

Возвращается переводчик.

— Оставьте здесь ваши вещи. Заберите только одеяла и туалетные принадлежности.

— А ужин нам дадут? — спрашивает Вики.

— Я распоряджусь, чтобы вам принесли суп и хлеба. А сейчас вам укажут ваши камеры.

Появившемуся солдату со связкой огромных ключей переводчик вручает листки бумаги.

— Сперва дамы. Следуйте за стражей.

Вики и Галлуа пожимают друг другу руки.

— До свидания, Пьер.

— До свидания, Катрин. Мужайтесь.

Глава VIII

Тюрьма в Аррасе, куда были доставлены Вики, Софка, Галлуа и другие члены О.С.М., называется Сен-Нисэз. Дом, около которого сперва остановился грузовик, был гостиницей «Коммерческая». Там размещалась немецкая группа особого назначения, переведенная в феврале 1943 года из Киева. Это была группа № 716 германской тайной военной контрразведки (Geheime Feldpolizei), состоявшей из профессиональных юристов, нотариусов, следователей; во главе ее был некий доктор Шотт. Будучи в Киеве, его группа принимала деятельное участие в расправах, чинимых среди гражданского населения германскими оккупационными властями, и ее особое назначение состояло в выявлении партизанских отрядов и организаций. Деятельность этой группы прекратилась только тогда, когда перешедшая в контрнаступление Красная армия подошла к самому Киеву. Перекинутая во Францию, группа д-ра Шотта получила задание заняться Гражданской и Военной Организацией. Действуя методично и последовательно, она собрала в Аррасе всю имевшуюся в немецком распоряжении документацию: старые подшивки, дела заключенных и стенограммы допросов. Сопоставив показания, она составила организационные схемы всей сети О.С.М. по разным регионам страны и дотошно разбиралась в противоре-

чивых данных. Допрашивая заключенных, д-р Шотт избегал гестаповских методов с применением пыток, о которых он отзывался презрительно, а действовал своими методами очных ставок, подслушивания, шантажа, расчетливой игры на тшеславии и других человеческих слабостях.

Допросы проводились в оккупированной группой д-ра Шотта «Коммерческой», куда заключенных привозили по утрам из тюрьмы Сен-Нисэз. Скоро стало ясно, что к команде Шотта принадлежали и военные, сопровождавшие группу из Парижа в Аррас, а также и бывший с ними переводчик, который присутствовал на всех допросах. Во время допросов Галлуа убедился в том, что остановка в лесу не прошла даром: они воспользовались случаем понаблюдать за заключенными, не вызывая особых подозрений. Поклонник Рильке в солдатской форме тоже оказался одним из следователей, и говорил он на самом чистом французском языке.

Обычно допросы начинались около 9-ти утра и продолжались до 18 часов с перерывом между 13 и 14 часами, чтобы дать немцам пообедать. Вечером грузовик вновь отвозил арестованных в тюрьму. Галлуа вспоминает:

Мой первый допрос состоялся в воскресенье 2 апреля и прошел, в общем, безболезненно. В понедельник 3-го меня вновь увозят на допрос. Я вижу, что в грузовике уже находится Вики. Она напудренная, завитая. Мне неловко за мою недельной давности щетину. Вполголоса обмениваемся приветствиями. Младший лейтенант, командир подразделения, багровеет:

— Ruhe, Тишина!

Больше мы не разговариваем, но Вики с невинным видом что-то напевает; под рев мотора и тряску грузовика, я различаю определенный ритм и припев:

— Это все ничего, мы еще им покажем. Покажем, этим «бошам»...

В «Коммерческой» нас отводят в комнату, где вдоль стен разместились солдаты, это сторожевая. Мебель в ней простая: в одном углу койка, стеллажи с оружием, повсюду развешены надписи по-немецки, заканчивающиеся восклицательным знаком: «Курить воспрещается!», «Плевать воспрещается!», «Строжайший запрет разговаривать!» Радио трещит не переставая. Нам разрешают сесть на скамейку. Однако уже через несколько минут Вики вызывают. Шепчу вслед за ней: «мужайтесь». Она исчезает.

До самого обеда меня никто не беспокоит. Вскоре после полудня возвращается Вики. Она бледная, с запавшими щеками. Один из солдат указывает ей сесть поодаль от меня. Мы пытаемся изъясниться знаками, но я не понимаю, что она силится сказать, и вижу лишь ее усталость и отчаянье.

Тем временем военные приступили к обеду, выставив напоказ свою еду — немецкие блюда с французскими приправами, все за счет награбленных местных ресурсов: тушеная капуста, картошка, отбивные котлеты, паштет, варенье; у каждого кружка пива.

Галлуа благоразумно припас с утра полбулки хлеба, но не успел откусить, как перехватил взгляд Вики. Значит, она ничего с собой не взяла. Он встал, медленно подошел к ней, не обращая внимания на стражу, и открыто поделился своим хлебом. Солдаты опешили, возможно смутившись собственным обилием пищи, и стали делать вид, что их не замечают.

Воспользовавшись этим, Вики взяла со стола валяющуюся там газету для оккупационных войск. В ней последнее коммюнике Генерального штаба фюрера, а в нем названия венгерских и румынских городов, указывавших на продвижение Красной армии. Наконец-то прекрасные и надежные новости, поскольку они представляют собой признание в поражении, исходящее от самих побеждаемых! Сегодня же вечером эти новости будут переданы дальше и побегут по тюремному телеграфу из камеры в камеру. А еще невероятней — в 13 часов 15 минут Вики поворачивает кнопку игравшего музыку приемника, ловит Би-Би-Си и прослушивает вместе с Галлуа, от начала до конца, всю сводку последних известий из Лондона! После этого она настраивает приемник на тихую музыку, убаюкивающе действующую на сытую охрану. Этим Вики и Галлуа не замедлили воспользоваться:

— Как прошел допрос у Катрин?

— Они были корректны. Спрашивали Катрин о ее происхождении; слово за слово, разбирали ее прежние показания и до сих пор не приступили ни к чему серьезному. Но кажется, они более методичны и жестоки, чем гестапо в Париже. Пока их вопросы носят ориентиро-

вочный характер, а вот что будет дальше — страшно подумать.

— Давайте быстро сверим наши версии, чтобы согласовать ответы на те вопросы, в которых мы сомневаемся.

На стоячих часах с большим маятником без нескольких минут два. Начальник подразделения встает и произносит нечто извинительное, из чего явствует, что Вики и Галлуа должны отодвинуться друг от друга и замолчать. Несколько минут спустя появляется переводчик и вызывает Вики. На допросе Вики продолжает настаивать на том, что ее встречи с «Ламбером» были любовные, но не скрывает своих антинацистских настроений. Следователи с притворным недоумением спрашивают ее, как это русские эмигранты могут оказывать сопротивление Германии, воюющей против коммунизма:

— Они с ума сошли, что ли? Какой им смысл быть с голлистами, в этом коммунистическом гнезде?

— Послушайте, мадам, — продолжают они, напирая на идеологию, — помогите нам лучше бороться с нашим общим врагом на востоке.

Вики остается непоколебимой.

— Цель, которую вы преследуете в России, — возражает она, — разрушение страны и уничтожение славянской расы. Я русская, но выросла во Франции и здесь провела свою жизнь. Я не предаю ни своей родины, ни страны, меня приютившей.

Тогда за нее принимаются по антисемитской линии.

— Я христианка, — говорит им на это Вики, — и поэтому не могу быть расисткой.

Допрос заканчивается предупреждением:

— Вы можете идти, но не забывайте, что вы должны будете сказать нам всю правду. Вы знаете наши методы. Наш вам совет ничего не скрывать.

Вечером вид у Вики очень подавленный. Она успевает шепнуть Галлуа: «Пьер, они все знают», — а он ей в ответ: «Нет и нет, притворяются, держитесь».

На следующий день к Вики вернулось ее самообладание. Она держится спокойно, и им не мешают говорить. Но Галлуа замечает, что в словах ее нет обычного юмора.

— Они сильные, я не знаю, что они с нами сделают, и я боюсь пытки. Раньше я жалела, что у меня нет ребенка; мне так хотелось иметь девочку... а сейчас я рада: что бы было, если бы мне пришлось оставить бедную маленькую...

Галлуа старается подбодрить Вики, как может.

— О да, конечно, — говорит она, не разжимая рта, — мы им покажем...

В то утро следовательно, допрашивавший Галлуа, пошел на изощренный ход: он дал понять, что терпению его приходит конец и что если заключенный и дальше будет от всего отпираться, то одному из них придется изменить свою тактику. Впрочем, заканчивая допрос, он сказал, что готов сделать еще одну, последнюю, попытку доказать свою добрую волю, и спросил Галлуа, есть ли у него какая-нибудь просьба. Галлуа изъявил желание помыться и побриться.

— Эта возможность вам будет предоставлена, — сказал великодушно следовательно и распорядился, чтобы Галлуа отвели вниз.

Там он пересек сторожевую и вошел в небольшую отдельную комнату, где были постель, стол с разбросанными на нем книгами и кое-что из одежды, а посреди комнаты стоял очень взволнованный и растерянный Ролан Фаржон! Оказавшись лицом к лицу друг с другом, Галлуа и Фаржон стояли, не зная что сказать. Впрочем, следовавший за Галлуа переводчик, подняв руку, изрек:

— Говорить воспрещается.

Он же и объяснил Фаржону, зачем был приведен Галлуа. Фаржон, сама услужливость, поспешил принести к стоявшему в углу умывальнику полотенце, мыло, бритвенное мыло, кисточку и бритву. «Не нужно ли еще чего-нибудь? Ах да, конечно, лезвие!» Переводчик вернулся к порогу и стал неподвижно. Бреясь, Галлуа мог наблюдать за Фаржоном. Чтобы чем-то занять свои руки, Фаржон скрутил сигарету и поймал на себе уставленный на него взгляд Галлуа.

Закончив туалет, Галлуа собрал все предметы, которыми он воспользовался, быстрым шагом подошел к Фаржону и положив все на стол, сказал:

— Я кончил. Спасибо.

Немец не двинулся.

Фаржон быстро подсунул Галлуа вскрытый пакет табаку и папиросную бумагу и прошептал, чтобы он ничего не скрывал — «им и так все известно...» Галлуа запрятал табак и бумагу под свой пуловер, прижав их к себе левой рукой. Затем, повернувшись к переводчику, заявил:

— Я к вашим услугам.

Переводчик провел его в дежурное помещение.

На этом чудеса того дня не кончились. В дежурке сидела Вики, жуя кусок хлеба, который на сей раз взяла с собой. Решив до конца использовать все возможные блага из принятой следователем примирительной тактики, Галлуа потребовал от переводчика, чтобы ему был выдан настоящий обед. Тот удалился справиться у вышестоящего начальства. Вернувшись, доложил, что ему могут принести офицерский обед, если Галлуа за него заплатит: стоимость обеда в столовой 18 франков, без напитков. Галлуа распорядился, чтобы вычли стоимость обеда из денег, изъятых во время ареста и переданных тюремному казначею. А заодно, почему бы не вычесть сразу за два обеда? «Мадам, — добавил он, указав на Вики, — отобедает со мной». Ошеломленный переводчик вновь отправился к своему начальству. Ответ не заставил себя ждать, и вот перед Вики и Галлуа явилась прислуга с подносом, а на нем два прибора, две бутылки пива, ветчина, макароны... Можно представить себе, с каким удовольствием они уселись к обеду. Более того, во время обеда охрана не мешала обсудить им свои дела и поделиться сделанным Галлуа открытием относительно Фаржона.

После своего ареста Ролан Фаржон с самого начала попал в более привилегированное положение, чем его товарищи по организации. Прошло немногим более двух недель, как жена Фаржона, Моник, получила известие о местонахождении мужа в тюрьме Сен-Кентэн, куда он был переведен из Фрэна. Более того, ей разрешили с ним свидание. Фаржон встретил жену хорошо одетый, побритый и бодрый. Правда, сказал, что, опасаясь пытки, в первую же ночь после ареста пытался пове-

ситься на галстук, но галстук порвался. Режим в Сен-Кентэн был довольно либеральный, а надзор не очень строгий, и друзья Фаржона организовали для него попытку побега. Организовали неумело, и попытка провалилась. После этого Фаржона стали перебрасывать из одной тюрьмы в другую. И вот, наконец, Аррас, где Фаржона помещают в отельную комнату не в самой тюрьме, а в «Коммерческой». В первой половине февраля за него принимается Шотт, которому поручено нанести сокрушающий удар по О.С.М. Фаржон был поражен объемом собранной Шоттом информации и при очных ставках с другими арестованными открыто советовал им не отпираться, потому что немцам, якобы, все и так известно. А еще через некоторое время д-р Шотт, этот близорукий среднего роста следователь, с острым носом и розовым лицом, предстает в Париже перед женой Фаржона и предлагает устроить ей с мужем встречу 22 марта — в день их свадьбы! Не зная, что за этим кроется, она все же решает, что ей терять нечего, и соглашается. В назначенный день Моник Фаржон прибывает в Аррас, где ее встречает сам Шотт, отвозит в «Коммерческую», а там в отдельной комнате уготовлен накрытый белоснежной скатертью стол с четырьмя приборами и цветами от обо всем позаботившегося Шотта. Он и его помощник принимают участие в праздничном обеде, приготовленном поваром отеля, и ведут с супругами Фаржон светскую беседу на разные невинные темы. Отобедав, Ролан целует жену и успевает сказать ей, что видел арестованного в конце февраля Туни. Затем ее вновь отвозят к вокзалу. Озадаченная Моник сразу же сносится по возвращении в Париж с одним из послед-

них оставшихся на свободе лидеров О.С.М., который усматривает в этом попытку навести на него гестапо. Что в точности крылось за этим устроенным Шоттом обедом, так и осталось невыясненным, но в глазах тех его бывших товарищей, которые об этом узнали, Фаржон был скомпрометирован. Уже находившийся к тому времени в тюрьме Фрэн Даниэль Галлуа ничего об этом не знал, и встреча его с Фаржоном в Аррасе была для него неожиданной. Рассказав о ней Вики за их собственным великодушно дозволенным обедом, Галлуа счел нужным пояснить:

— Вы, надеюсь, не сомневаетесь, что это мне оказывают самую последнюю поблажку? Следователь предупредил, что если я буду продолжать настаивать на том, что ничего не помню, то больше никаких льгот.

— А меня, — сказала Вики, — теперь гоняют два следователя, они чередуются. Сможем ли мы продолжать отпираться?

— Нам необходимо продолжать.

— Я, как правило, в себе не сомневаюсь, я выносила, но вот пытки я боюсь; если меня будут избивать, это меня может сломить.

— Послушайте, мы должны подготовить наши линии отступления. Если вы вынуждены будете что-то выдать, признайтесь без всяких угрызений совести, что вы говорили неправду относительно «Ламбера». Они все равно знают, кто я, и знают мою кличку. Таким образом, ваше признание ничего не изменит. Скажите им, что вы мне передавали бумаги от «Дюфора» и «Туреля», не зная ни их содержания, ни кому они предназначались. Если вас будут пытаться так, что вам трудно будет выдержать, ска-

жите, что я был курьером полковника: об этом они тоже осведомлены; я это знаю и не собираюсь сам по этим пунктам отпираться...

Послеобеденные допросы Вики и Галлуа приняли угрожающий характер. Обещали ухудшить режим. Вечером Галлуа усадили в грузовик первым. Когда привели Вики, она опустилась на скамейку рядом с ним, и Галлуа запомнил, что Вики была заплаканная:

Что они с ней сделали, эти мерзавцы?

Когда грузовик остановился перед воротами тюрьмы, солдаты вылезли и на какой-то момент про нас забыли. Рука Вики ухватилась за край скамьи. Я кладу свою руку на ее горячую лихорадочную руку и сжимаю ее.

Входим в Сен-Нисэз, где раздаются шаги немецкого тюремщика, ведущего нас по длинному коридору. Он насвистывает и вертит ключами вокруг указательного пальца. В глубине кармана кончиками пальцев делю пополам полученные ранее пакет табака и листки папиросной бумаги. Затем, вместо того чтобы оставаться позади Вики, ускоряю шаг и, поравнявшись, сую ей в ладонь табак и бумагу. Она бросает взгляд на свою приоткрытую ладонь, сводит брови, как бы стараясь отказать. Я жестом настаиваю: берите. Она сует руку в пальто, а головой подает знак «спасибо».

Доходим до скрещения двух коридоров. Направо коридор женский, впереди — моя камера. Останавливаемся. Надзиратель зовет другого тюремщика. В ожидании его мы смотрим друг на

друга, Вики и я. У нее текут слезы, я чувствую, как наворачиваются слезы и у меня.

Подходит второй немец. Каждый из нас следует за своим тюремщиком.

— До свидания.

— До свидания.

После этого Даниэль Галлуа видел Вики всего лишь раз и то мельком. Он был посажен в одиночку без единого окна, где день и ночь горела электрическая лампочка; однажды туда привели одного совсем молодого окровавленного участника О.С.М., над которым хорошо «поработали». Потом он исчез. Вики и Софка по счастью сидели в одной и той же женской камере, где по утрам регулярно раздавался крик «Трибунал!», означавший, что нужно быть готовым к отправке в «Коммерческую».

Первое впечатление Вики о том, что группа Шотта гораздо лучше подготовлена и работает более методично и терпеливо, чем гестапо, подтверждалось изо дня в день. На стене перед ней висела четырехметровая схема Гражданской и Военной Организации, с полковником Туни во главе. «Вы нас водили за нос четыре месяца, — заявил ей следователь, — теперь с этим кончено». Но Вики не сдавалась. Она продолжала гнуть свою линию. Когда ей не удавалось что-то придумать или если ей предъявляли неоспоримые доказательства, она признавалась только в том, что касалось лично ее. Как только речь заходила о других, она говорила, что ничего не знает. Следователи прозвали ее за это «Princessin "Ich weiss nicht"», Княгиня «Ничего Не Знаю».

Как-то был поднят вопрос о деньгах. Сколько денег проходило через ее руки в организации?

— Миллион, иногда два.

— И вы никогда ничего не удерживали для себя?

— Вот уж глупый вопрос, — спокойно ответила Виси. — Просто дурацкий.

Следователь перевел допрос на другую тему.

Однажды Шотт в присутствии одного из допрашиваемых признался своему помощнику, что легче будет заставить заговорить мужчин, нежели этих двух женщин, Софку и Вики.

Глава IX

Была середина апреля. Софка подошла к окну камеры и увидела на пригорке напротив тюремной стены знакомую фигуру: это был Оболенский, который в бинокль внимательно рассматривал окна тюрьмы.

Появлению Оболенского в Аррасе предшествовал в Париже анонимный телефонный звонок, из которого он и узнал, где находится Вики, след которой был утерян после ее перевода из Фрэн. Собрав огромную передачу, он отправился поездом в Аррас. В тюрьме отказались принять пакет, сказав, что Вики там нет. Обескураженный, он вернулся в Париж. Но не успел Оболенский рассказать сестре о своей бесплодной поездке, как раздался телефонный звонок: «Мадемуазель Дидье будет ждать мужа Вики в Аррасе на улице Бопом. Он сможет увидеть жену». Обрадованный Оболенский снова несется на вокзал, но в пути поезд попадает под очередную бомбежку и дальше не идет. Однако, невероятный случай — среди рабочих, которые должны были чинить железнодорожные пути, он узнает тех русских пленных, с которыми работал в Жерсей, когда собирал сведения об Атлантическом вале. Теперь на грузовой машине их везут в Аррас. Подсадили на грузовик и Оболенского.

Добравшись до Арраса и чувствуя сильный голод, он решил зайти в небольшой ресторанчик на вокзальной

площади. Хозяйка ресторана не успела принять заказ, как снова тревога.

Налеты союзных бомбардировщиков за последние недели сильно участились; перед высадкой в Нормандии верховное командование союзных сил всячески старалось создать впечатление, что высадка произойдет на севере, в районе Па-де-Кале, а так как Аррас был важным железнодорожным узлом этого района, то на его долю приходились особенно тяжелые налеты. В тот день американская летающая крепость сосредоточила внимание на привокзальной части города. Посыпались первые бомбы, Оболенский бросился в подвал... Земля гудела и тряслась, кто-то сверху сообщил, что вокруг все разрушено. И действительно, когда бомбежка прекратилась и Оболенский вылез на свет Божий, все кругом было разворочено. В поисках своей приготовленной для жены передачи, он обнаружил обезглавленный труп хозяйки ресторана...

Мадемуазель Дидье, оказывается, тоже жила неподалеку от вокзала; у нее вылетели все окна, но сам дом устоял. Дидье хорошо знала расположение тюрьмы Сен-Нисэз, так как там находились ее брат с женой, а жена брата была в одной камере с Вики и Софкой. Находчивая Вики через них и передала о себе весть мужу, но появление Николая перед тюрьмой, куда его привела мадемуазель Дидье, было для нее неожиданным. Муж и жена, которых отделяло друг от друга не более тридцати метров, со смешанным чувством радости и боли долго не могли наглядеться друг на друга.

На следующий день Оболенский вместе с Дидье был на похоронах погибших в бомбежку. Вдруг во время

проповеди к ним приблизилась какая-то молодая женщина и бросилась на шею Дидье. Оказывается, она тоже была одной из сокамерниц Вики; сидела за то, что дала пощечину пристававшему к ней немецкому солдату. Узнав, что ее должны на следующий день выпустить, Вики воспользовалась и этим. Она приготовила подробный отчет о пройденных ею допросах и о том, что немцам известно; она составила список всех находившихся в ее тюрьме членов организации и указала мужу, кому позвонить, какие бумаги уничтожить. Этим письмом, которое ее сокамернице удалось пронести на себе, Вики старалась спасти то небольшое от организации, что еще можно было спасти. Запрятав письмо в свой ортопедический ботинок, Оболенский на попутном грузовике возвращается в Париж и выполняет все поручения. 3 июня его снова арестовывают и отвозят в штаб-квартиру гестапо на улице Соссэ. В ожидании допроса Оболенский, тщательно прожевав, проглатывает все находящиеся при нем бумаги, в том числе и самые невинные. Потом осматривается и видит, что на двери его камеры заключенный, находившийся там до него, кровью начертал знак Распятия.

Допрашивает Оболенского немецкий следователь. Он говорит, что Вики будет выпущена на свободу, если перестанет отмалчиваться. Пусть Оболенский об этом ей напишет и убедит раскрыть всю правду. Письмо, которое он сочинил, было в столь высокопарном стиле, провозглашающем веру в германское правосудие, что Вики, полагал Оболенский, должна будет хорошо посмеяться. Он не знал еще, что за несколько дней до того

военно-полевой суд вынес его горячо любимой жене смертный приговор.

Сирены в Аррасе гудят днем и ночью. До высадки в Нормандии остаются считанные дни. Союзным военно-воздушным силам дан приказ, чтобы на каждую бомбу, сброшенную в Нормандии, приходилось по две бомбы на провинцию Па-де-Кале — пусть немцы думают, что высадка произойдет около Дьепа или Булоньи... Во время бомбардировок с воздуха заключенных из камер не выпускают, но средневековая тюрьма Сен-Нисэз построена прочно, и стены ее стоят, а вот гостиница «Коммерческая» вблизи вокзала — под ударом, и группа д-ра Шотта должна эвакуироваться. Впрочем, работа ее, в основном, закончена: допрошены все члены верхушки О.С.М., остается только с ними расправиться.

После освобождения Франции в завале аррасского крепостного вала было обнаружено двести трупов расстрелянных. Среди них удалось опознать ряд деятелей Гражданской и Военной Организации, в том числе и останки ее главы — полковника Туни.

Тех, кого там не расстреляли, отправили в Париж. Вики и Софку на время разлучили. Сперва Софка очутилась в Лилле, где ее подвергли новым допросам, лишь затем была доставлена в Париж. 7 июня в отеле «Континенталь» военно-полевой суд приговорил Софью Носович к смертной казни. А накануне, в Нормандии, началась беспрецедентная военная операция — высадка союзных вооруженных сил, штурм считавшегося неприступным Атлантического вала. Оболенский, которого тем временем уже доставили во Фрэн, где его обдал знакомый по прошлому сидению смрад спертого возду-

ха тюремной камеры, узнал об этом событии из мгновенно облетевшей заключенных ликующей вестии: «Они высадились!»

Высадка 6 июня 1944 года в Нормандии союзных войск, доставленных пятитысячной армадой военных судов, которой предшествовал десант 13 тысяч американских парашютистов, была операцией, масштабы которой не имели себе в истории равных. Хотя она давно и тщательно подготавливалась, Гитлер оказался застигнутым врасплох; германский Генеральный штаб предвидел возможность высадки в июне, но не ожидал, что это произойдет в Нормандии, да еще в такую скверную погоду. Даже после того как были штурмом взяты первые укрепления Атлантического вала, Гитлер считал, что это всего лишь диверсия, что развернутая высадка будет совершена в другом месте, и потому удерживал подкрепление бронетанковых дивизий. В течение одного дня на французскую землю высадилось 175 тысяч американских, британских и канадских войск, но и потери были огромные — 10 тысяч союзных военнослужащих оставили там свою жизнь.

Участники французского Сопротивления играли в этом чрезвычайно важную роль: без разведывательных данных, поступавших от них из немецкого тыла, и координированных актов саботажа, приуроченных к самому моменту высадки — взрыв мостов, перерезанные коммуникации, подорванные рельсы, — исход высадки мог быть иным и, несомненно, число жертв было бы намного выше. С этого момента французские партизаны, «маки», включились в активную борьбу за освобождение территории своей страны. По сигналу общего восста-

ния, данному де Голлем, к ним присоединились тысячи состоявших в резерве молодых французов, которые, побросав свои обычные дела и работу, взялись за оружие. Это были члены Организации Сопротивленческой Армии, Секретной Армии, а главное, члены «ФТР» — коммунистической организации «Franc Tireur et Partisans» (вольных воинов, не входящих в регулярную армию). Однако создававшееся на протяжении нескольких лет военное крыло организации О.С.М., которое тоже, по замыслу, должно было перейти в бои, к тому моменту практически перестало существовать. Предшествовавший высадке удар гестапо и немецкой военной контрразведки, нанесенный по Гражданской и Военной Организации, оказался сокрушительным, и ее роль, в основном, была кончена. Тем не менее, хотя ей и не удалось в качестве цельной единицы включиться в боевые акции, та огромная работа, которую О.С.М. проделала, поставляя в Лондон свои донесения, способствовала успеху высадки и приблизила час освобождения Европы.

В эти насыщенные событиями июньские дни Ролан Фаржон, так много сделавший для роста О.С.М. и причинивший ей — вольно или невольно — столько же вреда, бежал из тюрьмы в Сенли, куда его перевели после Арраса. Бежал ночью, выбравшись из окна на порванной им простыне, вместе с другим членом О.С.М. Они добрались пешком до городка, где находилась одна из фабрик, принадлежавших семье Фаржон. Директор фабрики узнал Ролана. Он посадил обоих беглецов в большой ящик, дал приказ рабочим погрузить ящик на фабричную машину и доставить в Париж. В Париже директор явился на квартиру брата Фаржона и объявил

ему о специальной поставке: «Вы никогда не догадаетесь, что у меня там...» Затем, перекрасив волосы в рыжий цвет, Фаржон некоторое время скрывается в Париже, но скоро узнает, что остатки О.С.М. осудили его за предательство. Люди, сами сидевшие в тюрьме в Сенли, знакомые с ее режимом и сторожевыми собаками, скептически отнеслись к побегу Фаржона. Они считали, что побег был совершен при сознательном попустительстве немецкого тюремного начальства, своего рода плата за список из 150 лиц, полученный от него после ареста, и за другие показания. О том, чтобы скомпрометировать Фаржона в глазах О.С.М., позаботился все тот же д-р Шотт, указывавший на него как на источник располагаемой им информации. Бывшие товарищи Фаржона предложили ему искупить вину своей кровью — перейти к французским партизанам и включиться в действия против германской армии. Фаржон видит в этом возможность обелить свое имя и покидает Париж.

Тем временем Софка, после вынесенного ей приговора, проводит еще несколько дней в одной из парижских тюрем. 13 июня ей дают приказ собрать свой вещевой мешок и спуститься в камеру на нижнем этаже. Там ее посещает священник. Из всего этого Софка заключает, что близится расстрел. Оставшись одна, она вдруг, несмотря на свою глухоту, услышала постукивание. Прижавшись ухом к стене, стала силиться разобрать, что ей хочет передать ее невидимый сосед. И вдруг поняла — «Вики!» Софка бросилась к водопроводному крану, развинтила его и крикнула в трубу: «Обнимаю тебя, я умру...» Но стук возобновляется, и Софке опять дается расшифровать: «Германия... нас везут вместе...»

Снова появляется какая-то надежда. Софка с нетерпением ждет, что будет дальше. Наконец в замке поворачивается ключ и Софка видит в коридоре — Вики, при ней жандарм и офицер. Всех сажают в крытую машину. Говорить не воспрещается, и Софка узнает, что Вики была приговорена к смертной казни еще в Аррасе в конце мая. Протокол предусматривал, чтобы приговоренному к смерти было предложено подписать прошение о помиловании. Гордость не позволила Вики поставить под ним свою подпись.

Уезжая из Парижа, еще раз прошались с любимым городом. День стоял чудесный, летний. Париж, окутанный легкой дымкой, был прекрасен. Одно из последних, что им запомнилось, был собор Парижской Богоматери; проезжая мимо него, старались навсегда вобрать в себя глазами всю его красоту, все его величие.

Спустя несколько дней за ними последовала и Жаклин Рамей.

15 июня, после пародии на заседание военного трибунала в гостинице «Континенталь», я была приговорена к смертной казни. Не знала я тогда, что обе мои подруги уже переступили эту черту. Меня взяли прямо с койки, и я набросила на себя жакет поверх моей темно-синей пижамы. Адвокат-защитник (приговоренным ни в чем не было отказа!) произнес пятидесятисекундную речь по-немецки. Что он говорил? Не все ли равно. Игра была закончена. После вынесения приговора переводчик поставил меня в известность, что адвокат составит мое прошение о помиловании. Я не возражала, считая это

всего лишь продолжением разыгрываемого фарса; несомненно, у столь важной птицы, как генерал фон Рундштед, которому направлялась эта петиция, было достаточно других дел. Но я отказалась заявить, как от меня этого требовали, что сожалею о содеянных поступках. При всем трагизме этого момента, я не могла не съязвить: «Если я притворюсь, что сожалею, генерал фон Рундштед мне все равно не поверит!» Больше они не настаивали.

А как судьи преподнесли это Вики? Было ли это предложение с их стороны проявлением глупости или лицемерия? Дали ли они ей понять, что если она попросит сохранить ей жизнь, она уронит свое достоинство? Или она была настолько выше их, что вполне сознательно предпочла пойти на смерть? Ужасная ирония состоит в том, что Софка и я, равнодушно смотревшие на жизнь, с таким же безразличием проделали формальность, которая спасла нам жизнь, тогда как эта молодая очаровательная женщина — «отважная, веселая и жизнерадостная», как ее охарактеризовал один из товарищей, — гордо отказалась просить для себя каких-либо поблажек. Ее прошение о помиловании не было подано. Таким образом этим негодьям даже не пришлось его отклонить.

Странно устроен человек — выйдя из «Континенталья» на улицу Кастильон с ее элегантными, даже в военное время, витринами и улыбающимися парижанками, Жаклин Рамей не столько была потрясена вынесенным

ей смертным приговором, сколько испытывала чувство неловкости за свой неумытый и непричесанный вид:

Я наверно была похожа на воровку, и мои соотечественники смотрели на меня равнодушно, быть может даже с некоторым отвращением. И во всяком случае не у них я встретила сочувствие, а у сопровождавшего меня немецкого солдата, который сунул мне папиросу и шепнул: «Не смерть, мадам. Нет. Работы в Германии».

Через три дня она последовала в Германию за Вики и Софкой, и ей мы обязаны подробными воспоминаниями о том, что стало последним этапом крестного пути Веры Оболенской.

Глава X

19 июня Жаклин Рамей прибыла под конвоем в Берлин. Закованную в ручные кандалы, ее поместили в одиночную камеру в тюрьме Альт-Моабит. Минут через пятнадцать, прямо над ней, разразилась страшнейшая бомбежка:

Я насчитала десятка два налетающих волн бомбардировщиков. С каждой новой волной сперва раздавался вой падающих бомб, потом грохот рушащихся зданий. Инстинктивно забившись в угол камеры, я поняла весь ужас моего положения. По прибытии я обратила внимание на то, что тюрьма была уже наполовину разрушена во время одной из прежних бомбежек. Слова «приговорена к смерти» теперь в полной мере дошли до моего сознания... С мыслью о расстреле я свыклась, но оказавшись перед перспективой быть заживо зажатой в застенке, да еще со скованными руками, я сама себя удивила прозвучавшими почти громко словами: «Нужно быть святой, чтобы с этим смириться!»

В тюрьме Альт-Моабит только немецких заключенных водили в погреб. Иностранцы такой привилегией не пользовались. Жаклин Рамей не знала тогда, что Вики и Софка находятся в той же берлинской тюрьме. Вики

этажом выше, и во время налетов ее вместе с другими заключенными второго этажа, спустив на первый, заталкивали в одну общую камеру. Остальное время она тоже была в одиночке.

В тюрьме Фрэн атмосфера вибрировала, там пелись песни, из окон неслись вести. В Альт-Моабит женщины оказались в полной изоляции. В тот предвечерний час, когда надзиратели становятся менее бдительными и заключенные перекликаются сквозь решетки окон, Жаклин силилась уловить хотя бы названия русских городов, узнать, что там происходит: наступление или поражение? В этом отношении Вики было лучше, она знала немецкий, но сам режим Вики и Софки ничем не отличался от тюремного режима Жаклин. Особенно трудно было смириться с потерей рук: скованные ручными кандалами, они были лишены возможности что-либо ими делать, хотя бы ногти почистить. Приходилось, положив руки на колени, часами сидеть на деревянной табуретке, предаваясь собственным мыслям, готовясь к очередному налету или к раздаче скудного пайка.

Однажды утром за Жаклин пришла надзирательница.

Она вывела меня на пустой двор, сама села на стул, а мне приказала ходить по кругу.

Попав на свежий воздух, я чуть не опьянела. Там немного светило солнце. Проходя мимо одного кустика, я умудрилась, несмотря на скованные руки, сорвать зеленый листок, запах которого потом, вернувшись в камеру, сладостно вдыхала. Я прогуливалась в этом дворе пятнадцать минут, после чего меня вновь водворили в мою конуру. Это стало повторяться

два-три раза в неделю. В один прекрасный день надзирательница повела меня в другой двор. Подойдя к ведущей туда лестнице, я заметила двух стоящих там женщин. Одеты они были, как и я, в синие муслиновые платья, как и у меня, их запястья были в тяжелых металлических обручах, обтянутых черной кожей. Я посмотрела на них вблизи и вдруг узнала: Вики, Софка! Мои товарищи, мои сестры! Все сразу озарилось. Жизнь показалась прекрасной. Тюрьма, надзирательницы, одиночество – все получило более светлую окраску. День был серый, но даже если бы светило солнце, он не мог бы быть более прекрасным и теплым!

Вики и Софка тоже узнали Жаклин. Но их первый жест ее озадачил. Обе, отрицательно качая головой, показали себе пальцем на грудь. А когда Жаклин приблизилась, прошептали: «Это не мы тебя выдали». В ответ Жаклин, тоже шепотом, заверила их, что она это прекрасно знает, и постаралась всем своим видом показать, какая огромная радость их встретить. Последовал строгий оклик «Ruhe», и заключенных вывели во двор. Двор был прямоугольный, и заключенных заставляли ходить по эллипсу, соблюдая дистанцию в пятнадцать шагов друг от друга. Однако в определенный момент они умудрялись обмениваться приветственными жестами.

Спустя два дня Вики, Жаклин и Софка оказались в том же дворе и даже смогли переброситься несколькими фразами. Софка настолько оглохла от нанесенных ударов, что шепот до нее не доходил, и Жаклин могла переговариваться только с Вики. Она нашла, что у за-

метно похудевшей Вики, несмотря на тюрьму, допросы и приговор, были все те же живые глаза, тот же волевой подбородок, та же задорная улыбка.

Со временем заключенные осмелели и, несмотря на окрики надзирательниц, продолжали переговариваться во время прогулки. Среди надзирательниц тюрьмы Альт-Моабит только одна отличалась особой жестокостью. В день ее дежурства подруги сочли благоразумным во дворе не переговариваться, но улыбаться друг другу продолжали. То, что эти закованные в кандалы смертницы могли еще улыбаться, вывело надзирательницу из себя. Разразившись тирадой немецких приказов, она положила конец прогулке и развела заключенных по камерам. Вечером, когда надзирательница вошла к Софке, та, с присущим ей достоинством, укоризненно сказала на хорошем немецком:

— Не надо быть такой сердитой... Неужели вы не понимаете, что помешенные в одиночку друзья, которые так долго друг друга не видят, не могут не подавать при встрече приветственных знаков. Мы даже не разговаривали, а улыбаться разве запрещено? Неужели в вас нет ничего человеческого?

Надзирательница остолбенела и не нашлась, что сказать.

Жаклин Рамей не переставала поражаться Викиной изобретательности, умению расположить к себе людей и воспользоваться их услугами. То ей удавалось передать Жаклин «добрый вечер» через заключенную, работавшую в тюрьме уборщицей, когда та приходила вечером затемнить форточку окна, так как свет электрической лампочки продолжал гореть в камерах всю ночь. То ока-

зывалось, что Вики успела познакомиться с одной немкой, тоже сидевшей за сопротивление гитлеровскому режиму. С ней Жаклин встретилась, когда ее, наконец, отвели в тюремный лазарет, чтобы перевязать ее фурункулезные раны. «А мне про вас говорила Вики», — сказала ей в другой раз работавшая в лазарете заключенная бельгийка. Этой бельгийке удавалось узнавать последние известия, которые она по вечерам успевала через окно передать Вики. Таким образом и Жаклин узнавала, что русские были уже под Минском, а что в Нормандии шли бои. Появилась надежда, что, быть может, Германия будет побеждена еще до наступления зимы. Более того, затеплилась надежда и на спасение.

— Они нас не расстреляют, — однажды сказала Вики. — Иначе зачем им было привозить нас сюда...

Жаклин тоже так думала, забывая, что гестаповские решения не обязательно бывали продиктованы логикой.

Однажды во время прогулки Вики ликующе сообщила ей об убийстве партизанами Филиппа Энрио, министра в правительстве маршала Петена, чьи пропагандные речи поощряли молодежь записываться в ряды французских эсэсовцев. Эту же приятную новость услышал и находившийся в тюрьме Фрэн Оболенский.

А еще было одно замечательное утро, когда Вики, Жаклин и Софку отвели в подвал, чтобы принять настоящую теплую ванну. Надсмотрщица была пожилая сидящая женщина с завернутыми на голове косичками и приятным лицом. Вики ее что-то спросила по-немецки. Та утвердительно кивнула головой, и Вики смогла заключить в свои объятия Жаклин и Софку.

Жаклин вспоминает, что после первой встречи в тюрьме с Вики и Софкой она перестала чувствовать себя одинокой. Даже ненавистные ручные кандалы сделались средством напоминания об их близости. Каждое утро надзирательница снимала их с рук на пятнадцать минут, чтобы дать заключенным возможность умыться, одеться и прибрать свою камеру. Потом она появлялась, чтобы вновь их надеть. А в промежутке она, по-видимому, их где-то вешала, и заключенные не всегда получали ту же самую пару. Была одна, которая особенно сильно сжимала руки, а другая посвободней, давала возможность ночью высвободить одну руку, предварительно намылив ее. Теперь, если она получала тесные наручники, Жаклин утешала себя мыслью, что, по крайней мере, они не могли достаться Вики или Софке.

Так проходило время. Вики научила Жаклин нескольким немецким словам, что позволило ей добиться некоторых улучшений ее положения, в частности, просить книги из тюремной библиотеки, в которой неожиданно оказалась довольно порядочная коллекция французских книг, составленная, вероятно, в конце прошлого века, где наряду с классиками были и совсем устаревшие «новинки» старого времени.

Но вот пришел приказ о переводе в другую тюрьму. За несколько дней до того в камеру Жаклин, за неимением другого помещения, посадили двух молодых женщин. Одна была эльзаска, другая итальянка, их незадолго до того тоже приговорили в Париже к смертной казни. Франсин, из Эльзаса, была на шестом месяце беременности, что не помешало зверскому обращению с ней следователей. Она умела притвориться дурочкой,

делая вид, что ничего не понимает, хотя отлично знала немецкий. До ареста Франсин работала чертежницей на предприятии, соорудившем знаменитый Атлантический вал, и выкрадывала все проходившие через ее руки планы укреплений. Подруга Франсин, Моник, принадлежала к той же организации Сопротивления.

Наутро Вики, Софку, Жаклин и ее сокамерниц отвели в помещение, где находились их вещи. Там им развязали руки и принесли суп. Пока они его ели, Софке удалось выпытать от толстой надзирательницы, что их переводят на Барним-штрассе. Как позже стало известно, в берлинской тюрьме на Барним-штрассе содержались, главным образом, смертники.

По сравнению с тем, что их ожидало, Альт-Моабит была относительно льготной тюрьмой. Несмотря на то, что в ней производились смертные казни политических преступников, о чем они тогда не знали, там было даже некое подобие уюта: зеленые растения при входе, полы коридоров устланы линолеумом, на столиках у надзирательниц вышитые салфеточки, библиотека... Пищу в Моабите нельзя было назвать питательной, но она наполняла желудок и человек не испытывал постоянного голода. Надзирательницы, за малым исключением, не были злонамеренными. Вот и сейчас, покидая Альт-Моабит, в ожидании транспорта, женщины на время были предоставлены самим себе и смогли, наконец, наговориться. Более того, им удалось продолжить разговор и в тюремном возке, который сделал по пути еще несколько заездов.

Так Жаклин узнала некоторые подробности из того, что произошло с Вики и Софкой за девять месяцев их

ареста. Она услышала, с каким присутствием духа Вики выдержала все допросы, как находчиво старалась запутать немецких следователей, чтобы выгородить своего мужа и товарищей по О.С.М., придумав версию о несуществующем любовнике. Вики, смеясь, рассказала про то, как ей удалось вызвать сочувствие следователя, придумавшего, чтобы ее испытать, историю о вероломном поведении этого «любовника». Рассказала Вики и про то, как она встретила Галлуа, Леперка и Рузе при переводе из Фрэнна в Аррас, как ей удалось сказать им, что ни она ни Софка никого не выдали, а от них узнать про арест полковника Туни и других... Вот когда их охватило беспокойство: каким образом оказалось возможным произвести столько арестов? Неужели вся их работа, начиная с сорокового года, оказалась напрасной?

Тогда же Вики рассказала Жаклин, как во время одного из допросов из нее старались выудить описание внешности «Элизабет Брюне», то есть самой Жаклин. Вики пустилась фантазировать и совершенно переименовала ее внешность, сделав из Жаклин высокую блондинку с орлиным носом. А потом, чтобы позабавиться, добавила одну-единственную верную, и для нее не опасную, деталь: «Брюне? Да у нее петушиные шиколотки». Позже, когда военная контрразведка узнала — и не от Вики — настоящую фамилию Жаклин и адрес ее, и когда ее, в свою очередь, подвергли допросам, она услышала об этой подробности и искренне посмеялась. Следователи тоже стали смеяться и ткнули пальцем в показаниях Вики на немецкое слово, означавшее «нога петуха». На какие-то несколько минут атмосфера разрядилась.

Пока Вики и Жаклин обменивались пережитым, тюремный возок сделал еще один крюк, позволивший им посмотреть на Берлин, который летом 1944 года повсюду являл одно и то же зрелище: каждый третий дом был до основания разрушен, вдоль тротуаров лежали аккуратно сваленные груды кирпичей, черепицы, обломков стен и осколков стекла...

Попав в тюрьму на Барним-штрассе, они сразу почувствовали иную атмосферу. Их посадили вместе с другими новоприбывшими в приемный зал. Там было около пятидесяти немцев, схваченных еще утром. Причины арестов были все те же: слушание иностранных радиопередач, частные письма, в которых высказывались пораженческие настроения... Это сулило смертный приговор, а черный рынок, работа без удостоверения влекли за собой от месяца тюрьмы до заключения в концлагерь.

На сей раз они сидели не в одиночках. Напарницей Вики была одна женщина из Голландии. В камере Жаклин — немка из Мюнхена, которую звали Герминой. В первую же ночь опять завывали сирены. Это было не ново. Новым было то, что заключенных спустили в подвал, где простые арестантки могли размещаться как хотели, а смертниц затолкали в отдельную дверь. В свете ручного фонарика надзирательницы Жаклин предстало некое средневековое зрелище:

Под арками низкого свода десятка два женщин в белых ночных рубашках — почти все с седыми растрепанными волосами и мертвенно-бледными лицами — сидели на корточках, держа перед собою руки, схваченные кольцами

наручников. Как только я вошла, дверь за мной сразу закрылась. Оставшись в крошечной тьме, я опустилась на пол, и только постоянный лязг цепей убеждал меня в том, что это не сон.

Однако и тут заключенные быстро освоились. Вики, Софка и Жаклин вновь нашли друг друга, а к их небольшой группе французских «политических» прибавились две женщины: Аннетт, смертница из Бретани, и Елена — молодая русская, врач из Воронежа, которую немцы, захватив город, насильно вывезли и отправили в рабочий лагерь. Ей вменили в вину связь с немецкими коммунистами и тоже приговорили к смертной казни. Елена рассказала Вики и Софке, что ее оставшиеся в России родители много претерпели от большевиков. Отец был сослан в Сибирь и там пропал бесследно, а вот она, вспоминает Жаклин, оказалась жертвой гитлеровской машины...

Елена была маленькой, тоненькой с прелестным овалом лица и светлой короной кос. В ней чувствовались порода, образование, вкус. Вот уже четыре месяца, как она в оковах дожидается смерти. Смерть чуть было не застигла ее в мае, когда было разбомблено одно крыло тюрьмы. Погибло 400 заключенных. Теперь был июль месяц, и размещенные на верхнем этаже немецкие, итальянские и бельгийские заключенные все еще вытягивали из-под развалин последние трупы.

В одну из бомбежек Вики решила воспользоваться тем, что они с Жаклин соседи по камере, и пополнить ее

тюремное образование: «Я тебя научу азбуке Морзе; завтра начнем с алфавита».

Назавтра состоялся первый урок. Шпилькой для волос Жаклин нацарапала на стене все буквы азбуки Морзе и потом в течение двух суток старалась их вызубрить. На третий день она уже могла начать переговариваться с Вики через стенку. Временами ошибалась, все путала и сбивалась. Вики смеялась и терпеливо начинала повторять все сначала. Труднее было общаться с Софкой. Вики была встревожена ее состоянием и боялась, что Софка пала духом. Для поддержания его она изловчилась посылать Софке сообщения по азбуке Морзе, отбивая буквы кончиком пальца на своей ладони. Софка научилась на расстоянии улавливать морзянку глазом.

Вики не упускала ни одного случая, чтобы не подбодрить Жаклин и Софку. Всякий раз, когда они виделись в коридоре, она встречала их улыбкой, стараясь вселить в них своим примером уверенность и спокойствие.

Жаклин немало размышляла над характером Вики:

Она обладала некоторыми чисто русскими свойствами: легкостью, с которой Вики все схватывала на лету, страстью к книгам, благодаря которой она заглатывала все вперемешку, хорошее с плохим; она любила общество, танцы, удовольствия; была очень проницательна и всегда готова принять от жизни все, что жизнь ей дает. До войны можно было подумать, что Вики всего лишь умная и пылкая молодая женщина, обожавшая жизнь. Потребовалось падение Франции, которую она так любила, чтобы в

этой богатой и великодушной натуре внезапно выкристаллизовались все ее удивительные качества. С этого момента у нее не было сомнений в сделанном ею выборе; она не отклонялась от своего пути, не отступала перед препятствиями, не раскаивалась при поражении. У нее не было ни моего скептицизма, ни Софкиного христианского смирения; ни уверенности гордых, полагающихся на свою счастливую звезду, ни слабых, молящих защиты у Бога. Если Вики обращалась к Господу, это было не за тем, чтобы что-то у Него для себя просить.

Наблюдая за ней, я получила подтверждение тому, что инстинктивно почувствовала еще будучи в тюрьме Фрэн, а именно, что мужество — это сложная вещь, нечто вроде тонких духов, добытых из разных субстанций, в том числе и даже не самых благовонных. Чудо в синтезе. В случае Вики, ни одно из ее главных качеств не пропало даром: страстность ее природы вылилась плодотворной энергией; отзывчивость души полностью сказалась в тюрьме, этом наивысшем из всех испытаний, где по-настоящему познается человек. Викина любовь к веселью давала нам минуты разрядки, позволявшие потом вновь собраться с силами. Свойственный ей юмор, которым она раньше блистала в оживленных спорах, вместо того чтобы под тяжестью несчастий исчезнуть, наоборот, проявился с новой силой в ее способности находить смешное даже в самых тяжелых ситуациях. Например, она смеясь объ-

явила Софке о том, что на них напялят наручники, как будто это была забавная шутка. Софка даже немного обиделась.

Прогулка, как и в старой тюрьме, происходила во дворе. Заключенных выстраивали по кругу и заставляли ходить в нескольких шагах друг от друга. Около кухни проходили мимо кучи угля и запахов съестного, старались догадаться, какой будет паек:

— Пахнет горохом. Хоть бы дали сегодня гороховый суп...

К тому времени они уже сильно начали страдать от голода. По сравнению с репой на воде гороховый суп был лакомством, он хоть на пару часов давал передышку от голода.

Затем проходили мимо некоего подобия склада, где гнили кочаны капусты и картошка. Оттуда вытекала зловонная жижа, в которую приходилось ступать казенными деревянными сандалиями. Потом шли вдоль здания, где находились их камеры, потом опять мимо кучи угля и так далее.

Кончался июль. Стояла сильная жара. Тюрьма была современная: все ее камеры выходили на открытый коридор, нависавший над такими же открытыми коридорами нижних ярусов. Был слышен каждый звук, сверху донизу. Дисциплина была строгая. Тут не было ничего от патриархального духа Моабита. Надзирательницы приветствовали по утрам друг друга словами: «Heil Hitler!» и вытягивали руку в салюте. Надевать и снимать ручные кандалы было обязанностью надзирательницы особого ранга, не испытывавшей к заключенным ни малейшей симпатии; она могла так туго затянуть цепи, что их зве-

ня впивались в запястья. Потом цепи сменили на обручи, стало немного легче. На немок надевали особые наручники, они были гибкие и позволяли им вязать или исполнять другие работы, выпадавшие на долю заключенных. Иностранкам работать не давали, им приходилось сидеть на деревянной табуретке, сложа скованные руки. В книгах тоже было отказано под предлогом, что, якобы, во время бомбежек сгорели именно французские книги. Но когда они спрашивали немецкие книги, ответ был тоже отрицательный. Жаклин Рамей рисует такую картину тюремного регламента:

В шесть утра – побудка. Совершенно беспомощная, с завязанными руками, сижу на моем набитом сеном матраце и дожидаясь, чтобы моя сокамерница кончила совершать свой утренний туалет. Надсмотрщица является в семь часов и объявляет: «Гутенморген». Мы должны приветствовать ее стоя и отвечать «гутенморген». Я докладываю: «995 (арестантский номер). Zwei Gefangene. Eine T. K.» – «Две заключенные. Одна Т. К. (Приговоренная к смерти)». Мне снимают кандалы. Я делаю упражнения: вытягиваю руки, вращаю кисти, чтобы их размять. Снимаю с койки сенник, складываю одеяло, откидываю к стене металлическую раму постели. Возвращается надзирательница. Снова кандалы. Кофе-эрзац и черствый черный хлеб. Стучу в стенку и говорю «добрый день» Вики. Утро началось. Бесконечное.

Влезть на табуретку и посмотреть что ли в форточку? Двор. Кирпичные стены, в одном уг-

лу разрушенные. Утренняя прохлада. Небо серо-голубое. Откуда-то доходит запах капусты, вымоченной в уксусе, смешанный с трупным запахом, исходящим из разрушенного крыла здания. Время от времени пролетает птица. В окна напротив видно, что там заключенные женщины заняты в своих камерах вязанием. Но вот в одном окне появляется надзирательница. Быстрее слезать...

Шагаю по камере: шесть шагов в длину. Находившись взад и вперед покуда не заболели ноги и не закружилась голова, сажусь спиной к стене. Но стена твердая и холодная. Тогда я сгибаюсь, опираясь на колени. Стараюсь на чем-нибудь сосредоточиться. Вспоминаю стихи, которые когда-то знала наизусть, но в моем ослабевшем состоянии не могу сделать достаточного усилия, чтобы вспомнить от начала до конца хоть одно-единственное стихотворение. Всегда что-то пропускаю. Расстроившись, пускаюсь в воображаемый разговор на английском языке. Задаю себе какую-нибудь тему: рассказать про свое детство или о теперешних заключениях. Но результат все тот же: слова ускользают.

Поднимаюсь и опять начинаю ходить. Но эти руки, они как парализованные, беспомощно висят передо мной! Еще раз бросаю взгляд на двор. Там ничего нового. Что делать? Попробовать поговорить через окно? Но эта попытка быстро прерывается энергичным окриком

«Ruhe»! Попытаться поговорить морзянкой с Вики? Но мы уже с ней сегодня здоровались, а пускаться в длинные философские рассуждения при помощи азбуки Морзе не очень-то реально. Голод начинает притуплять ум и преследует мысли. После десяти минут в голове путаются все буквы.

Ложусь на пол, но тяжесть сложенных на животе рук становится невыносимой, а бетонный пол, несмотря на линолеум, ледяным холодом студит спину. К тому же это воспрещается; не прекращающееся весь день лязганье ключей заставляет меня все время прислушиваться. Кажется, что в любой момент могут войти. Одним рывком встаю. Нет, это не ко мне... Это рядом. Который может быть час? Хоть бы скорее принесли суп. Кажется, прошла вечность. Входит надзирательница и приносит работу моей напарнице. Смотрю на ее часы: всего только 9:30!

Сажусь и смотрю на Гермину, наматывающую бинты на свои тонкие пальцы. Певучим голосом рассказывает она, как однажды в Мюнхене ударила одного пристававшего к ней эсэсовца палкой по голове, а потом убежала. Ее, однако, поймали, и получилась ужасная история.

Утро еле тянется. Очень хочется есть. Чтобы скорее прошло время, впадаю в оцепенение.

Но вот у Гермины кончается терпенье работать. Она бросает остатки искусственной мар-

ли в унитаз, прячет для нас вату и заявляет, что кончила. Выглядывает в окно на двор.

— Еда, — докладывает она.

Я вскарабкиваюсь рядом с ней и действительно вижу котлы, которые женщины из кухни несут в наше здание. Пройдут еще убийственных полчаса. Котлы будут стоять внизу, пока их пересчитают. Затем их начнут носить наверх, один этаж за другим. Потом они будут долго стоять на лестничной площадке каждого яруса. Потом будет слышно, как отворяются двери камер сперва на нижних этажах, потом на нашем, как половник ударяется о судки, и слюни начинают течь так, что прямо больно становится. Наконец, открывается наша дверь.

Обман! Суп оказывается ужасно жидким, а в нем всего три малюсенькие картошечки. Подозреваю, что надзирательница нарочно дает меньше иностранкам. Точно так же, как нам никогда не перепадает остатков... Гермина встает, чтобы вымыть миски и ложки.

Вытирает их и ставит в маленький стенной шкафчик. Вытирает стол. Все. Готово. Теперь остается протянуть следующие шесть часов.

Раздается стук. Это Вики говорит мне: «Вот бы чаю сейчас выпить с гренками, да с маслом и с вареньем». Обмениваемся кое-какими новостями. Среди мужчин пронесся слух, что пришло решение о нашем помиловании и что нас приговорили всего к двадцати пяти годам принудительного труда. Посмеялись над этим «всего».

— Через двадцать пять лет я буду прабабушкой, — говорю я Вики.

А она мне в ответ:

— Ах черт, придется побережь наши туфли, если им нужно столько лет продержаться...

Около двух часов пополудни раздается крик: «Freistunde!», потом громыхание ключей, затворов, дверей, скрипучих и хлопающих, да стук деревянных колодок на линолеуме. Моя дверь отворяется. Выхожу и смотрю влево. Появляется Вики. Она все такая же. Похудевшая, но все та же бодрящая улыбка, все те же живые глаза, такие же блестящие. Она непременно скажет что-нибудь забавное. Я чувствую в себе прилив сил и мне становится стыдно за свое утреннее отчаянье.

Жаклин наблюдает во время прогулки, как, слегка наклонив голову, усталой походкой шагает Софка, о которой Вики постоянно тревожится. Из-за своей глухоты Софка еще больше изолирована от окружающего мира, чем остальные заключенные. Ходит по кругу и Елена, маленькая, тоненькая, у нее походка танцующая, юбка колышется. У Елены нет решительно никаких иллюзий относительно своей дальнейшей судьбы, и все-таки она остается приветливой и улыбчивой. А ведь ей вскоре отрубят голову... Шагает по кругу и одна арестованная француженка-бандерша, которой всего-то двадцать два года, но она верховодила командой из пятнадцати женщин. Две девицы из ее банды тоже ходят по тюремному двору.

Картину дополняют пять-шесть заключенных женщин в обычной одежде — они подследственные.

В 14:30 прогулка закончена. Нужно скоротать остаток дня. По солнцу можно угадать приблизительное время. В 16:30 возвращаются с работ заключенные мужчины. У них бритые головы, одежда черная с желтыми полосами. Их гоняют в город расчищать развалины, а возвращаются они с новостями: немецкие и иностранные рабочие сообщают им последние известия, переданные Би-Би-Си. Разведенные по камерам, они немедленно делятся новостями с другими.

К вечеру двор оживляется. Пока надзирательницы ужинают, немецкие узницы смеются. Они высовывают в окно кончики носов и переговариваются с соседками. А потом из кухни начнется шествие котлов. Самое страшное, если принесут вызывающую рвоту вонючую бурду из соленой рыбы, приправленную мятой.

Перед сном придет дежурная надзирательница снять кандалы. Заключенные разденутся, кандалы наденут. Вики и Жаклин пожелают друг другу через стенку спокойной ночи. Прошел еще один день.

Однажды во время прогулки в тюремном дворе появилась надзирательница с бумагой в руках и вызвала Веру Оболенскую. Вики вышла из рядов.

— Вы говорите по-немецки?

— Да, — ответила Вики.

А несколько дней спустя, когда Жаклин вели в душевую, она, как всегда, первым делом посмотрела влево и увидела, что напарница Вики, молодая немка из Голландии, была одна.

— А Вики? — спросила она.

— Weg, — ответила та, — забрали.

— Куда?

— Не знаю.

Спустившись по лестнице, Жаклин перехватила встревоженный взгляд Софки. Губы ее сложились в беззвучное: Вики? Жаклин пожала плечами: «Не знаю», — подумав про себя, быть может, Вики в лазарете, но ведь туда принимали только по некоторым дням и записываться надо было заранее. К тому же в то утро сразу после пробудки Вики просигнализировала ей «здравствуй». Она бы дала знать, что больна. Потом Жаклин припомнила, что слышала, как немного позже открылась в Викину камеру дверь. Должно быть, тогда за ней и пришли.

День прошел в напряженном ожидании и догадках: быть может, Вики в администрации, быть может, комиссия вызвала ее на допрос по новому делу... Быть может, она вечером вернется...

Наутро Жаклин удалось узнать, что один человек видел, как Вики в наручниках уводили из тюрьмы. Они успели обменяться несколькими словами. Вики просила передать ее подругам привет, дать им знать, что ее переводят в лагерь.

Прошел еще день, и служащая тюремной администрации тоже сообщила Софке, что Вики направлена в один из концлагерей переводчицей. Жаклин и Софка прикинули, что Вики была приговорена к смерти примерно три месяца назад. Вероятно, к этому сроку и приурочили извещение о ее помиловании. Вот почему пришли узнать, говорит ли она по-немецки. Известно,

что она знает русский. Значит ее, действительно, отправили в лагерь, чтобы быть там переводчицей.

Дальнейший ход событий косвенно подтвердил эту версию. Девяносто дней спустя после вынесения смертного приговора Софка и Жаклин получили уведомление о том, что их смертный приговор заменяется концлагерем. Осенью они оказались в Коттбусе, потом в лагере Равенсбрюк, всюду надеясь встретить Вики. С прибытием каждого нового конвоя они прокрадывались к бане, в надежде что ее привезли с очередным транспортом.

Германию все больше сжимали в тиски наступающие силы союзных войск, и 1 марта 1945 года, так и не встретив Вики и даже не услышав о ней ничего, Жаклин и Софка были эвакуированы из Равенсбрюка. После четырех дней и пяти ночей в товарных вагонах они прибыли в Маутхаузен, в Австрию. Там их надежды найти Вики опять не оправдались. Если сюда и были доставлены заключенные женщины из других лагерей, о чем свидетельствовали лежавшие вдоль дороги трупы, то тех, кто не умер, уже успели отправить дальше. В последние дни разгрома Германии концлагерников швыряли то туда то сюда. Приказы и контрприказы выбрасывали заключенных на дороги. Прорыв русских — их гнали на запад; приближение англо-американских войск гнало их в восточном направлении. На каждом очередном этапе половина людей умирала. Заключительный переход этих шатающихся скелетов для Жаклин и Софки сводился к вопросу: что придет скорее — смерть или союзные войска.

Самые последние залпы Второй мировой войны захитли в нескольких километрах от них.

Глава XI

А Париж праздновал победу. Шумно и весело. Были танцы на улице, были толпы народа, цветы и фейерверки; женщины целовали и обнимали не только своих, французских, но и других союзных солдат-освободителей. После долгих лет затемнения зажглись уличные фонари, засветились окна. С наплывом английских, американских и канадских военнослужащих, иностранных корреспондентов и благотворительных организаций город вновь обрел свое космополитическое лицо. Восстанавливалась и социально-политическая жизнь страны, в значительной степени обязанная теоретическим моделям, разработанным группой Блок-Маскара, единственного лидера Гражданской и Военной Организации, которому удалось избежать ареста.

Освобождение Парижа состоялось еще в августе 1944 года. В числе самых первых вошедших в столицу освободителей был Мишель Пасто. После побега из дома Руди фон Мерода и после ряда неудачных попыток переправиться в Лондон он, оставаясь в глубоком подполье, организовал эффективную службу военной разведки в районе продвижения американской армии под командованием генерала Паттона, а потом перешел в штаб генерала Леклерка, командовавшего 2-й француз-

ской бронетанковой дивизией, которая высадилась в Нормандии, и вместе с Леклерком вступил в Париж.

Проделал все последние этапы войны и отличившийся своей храбростью в рядах французских партизан — «маки» Ролан Фаржон. 11 ноября 1944 года, когда генерал де Голль принимал в Париже парад по случаю освобождения Франции, Фаржон прошел под Триумфальной аркой во главе своего партизанского батальона, которым он командовал. Но вскоре после этого над ним опять стали сгущаться тучи. Эйфория победы обернулась жестокой реальностью для всех, кого можно было причислить к предателям — «коллаборантам», начиная с женщин, которых с наголо бритой головой выгоняли на улицу за связь с немцами, кончая теми, кого сажали на скамью подсудимых — а иногда и просто расстреливали без суда и разбирательства — за сотрудничество с врагом или по подозрению в предательстве. Фаржон должен был предстать перед судом в июле 1945 года. После предъявления ему ордера на арест, дав слово добровольно явиться в прокуратуру, он утопился в Сене. Степень виновности Фаржона в аресте и гибели других членов О.С.М. осталась спорным вопросом. Писатель Жиль Перро, посвятивший этому делу свою книгу «Долгая слежка», считает, что Фаржон был жертвой более сложной политической игры и что его, по справедливости, можно обвинить лишь в крайне легкомысленном обращении с бумагами, касавшимися Гражданской и Военной Организации. А обед с цветами в годовшину свадьбы, устроенный д-ром Шоттом? А заявления Фаржона на очных ставках с арестованными товарищами в присутствии гестапо: «признавайтесь, они все уже знают»? Бы-

ло ли это частью хитрой тактики Шотта, рассчитанной на то, чтобы сыграть на самолюбии Фаржона или, по крайней мере, скомпрометировать его в глазах других? А может быть, Фаржон искренне хотел избавить товарищей от напрасных попыток, если следователям и без того было все известно? По этому поводу у тех, кто выжил, были разные мнения, но большинство уцелевших членов О.С.М. считали, что, в конечном итоге, чем бы ни были мотивированы поступки Фаржона, он попался на удочку следователей и предал других. Николай Оболенский, в частности, не сомневался в том, что это именно он был виновником ареста Вики и Софки. А сын полковника Туни, Бернард, который хорошо помнил, как Вики прибегала во время войны в их квартиру со своей продовольственной сумкой — из нее торчала зелень морковки, прикрывая тайные донесения, — писал автору этой книги, что сам Фаржон признался: это он выдал Галлуа, чтобы оградить Туни. «Но ведь выдать Галлуа, который теснейшим образом работал со своим начальником, означало выдать и его», писал Бертран Галлуа. Изучивший это дело Жиль Перро убежден, что в патриотизме Фаржона сомневаться не приходится, трусом он тоже не был, но был он не очень умен, не чета опытному следователю, ловко сыгравшему на его слабостях с трагическими последствиями для других.

К истории Фаржона можно добавить печальный эпилог. Хотя разбирательство виновности Фаржона из-за того, что он покончил жизнь самоубийством, в суде не состоялось, газеты того времени кричали о его предательстве. Высказывалось даже предположение, что это не он утонул в Сене, а другой человек, брошенный в ре-

ку вместо него, и что сам Фаржон, якобы, бежал в Латинскую Америку. Эта версия была опровергнута годы спустя, при участии того же писателя Жюль Перро, после проведения новой медицинской экспертизы над эксгумированным телом утопленника. Но еще до наступления этой окончательной развязки, подробно описанной в книге «Долгая слежка», младший сын Фаржонов, так и не знавший своего отца, нашел в шкафу спрятанные матерью послевоенные газеты и журналы и, потрясенный ужасным открытием, наложил на себя руки.

Из той группы лидеров О.С.М., что была доставлена в Аррас и там не расстреляна, посчастливилось Даниэлю Галлуа и троим другим, снова оказавшимся летом 1944 года в тюрьме Фрэн, где один из германских военных судей, чувствуя, что война проиграна, взял их под свою защиту. Когда стали подходить союзные войска, он не расстрелял их, а выпустил на свободу. Таким образом, они даже смогли принять участие в освобождении Парижа. В этой группе был и Леперк, который тогда, по прибытии в Аррас, пытался развеселить и ободрить Вики, предложив поцеловать ее. В кабинете де Голля Леперк занял министерский пост, но вскоре трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Оболенский не попал в эту маленькую группу. За десять дней до освобождения Парижа его, в числе двух тысяч восьмисот заключенных Фрэна, погрузили на поезд и отправили в Германию. При погрузке заключенных женщины, находившиеся на перроне, кричали им: «Не уезжайте, американцы совсем близко»... Но свои же французские офицеры, служившие под немецким началом, всячески старались предотвратить побег, даже

тогда, когда оказалось, что из-за перерезанных железнодорожных путей заключенных нужно дальше гнать пешком. Некоторым молодым и здоровым заключенным удалось сбежать, но хромоту Оболенскому это едва ли было по силам. После пяти дней пути они оказались в одном из самых страшных лагерей смерти, Бухенвальде. Там он значился под номером 77185. При оформлении, согласно тюремной карточке, у него отняли: жакет, брюки, пару нижнего белья, носок и ботинок. В тот же лагерь был отправлен и Кирилл Макинский. Из их партии заключенных, доставленных в Бухенвальд августе 1944 года, во Францию вернулись немногие — один из десяти. Проведя в Бухенвальде восемь месяцев, доведенный до крайнего истощения, Оболенский все-таки выжил. 11 апреля 1945 года в лагерь вошли американские войска, заставшие там ужасающую картину — нагромождение обтянутых кожей скелетов и таких же, только еще с трудом передвигающихся, живых скелетов.

Через четыре дня после освобождения, еще из Бухенвальда, Оболенский слабой рукой писал жене в Париж:

Вики, моя дорогая! Я от всего сердца надеюсь, что ты уже давно на свободе, что ты себя хорошо чувствуешь и что мы скоро будем вместе. Меня все время поддерживала уверенность в том, что после нашего общего испытания мы станем ближе, сильнее и еще более счастливыми, чем когда-либо, и что никакая облачность не сможет нас разделить. Вот я на свободе и живой, и могу сказать только одно: это чудо Господней Милости. Ты увидишь, как

я во всех отношениях изменился и думаю, что к лучшему.

Оболенский уже больше года ничего не слышал о Вики, «но мысли мои, — писал он, — тебя не оставляли ни на миг, и я так счастлив, думая, что наши страдания нас еще больше сблизят». К своему собственному спасению Оболенский возвращается в конце письма:

Милая моя, я спасся только благодаря моей вере. У меня есть твердые доказательства, что мертвые живут и нам помогают...

...Я тебя крепко целую, мою любимую Вики, преклоняюсь перед тобой и тебя благословляю. Твой старый муж, Николай.

В Париж он вернулся с 75-процентной инвалидностью. Его поместили в больницу вместе с другими возвратившимися из немецких лагерей, в числе которых был и Кирилл Макинский. Сперва с помощью друзей, потом, несколько оправившись, Оболенский сам стал наводить справки о Вики, пытаясь что-либо разузнать о ней от выживших заключенных. Вернулись в Париж и обе Викины подруги, Софья Носович и Жаклин Рамей. Софка еле живая; Жаклин не намного крепче...

Постепенно возвращаясь к жизни, они продолжали надеяться на то, что и Вики уцелела. Но никто из побывавших в немецких лагерях не помнил, чтобы ее видел, никто даже не слышал о ней после берлинской тюрьмы. Вики исчезла, как камень, брошенный в воду.

Оставалась еще одна, правда, малоутешительная, надежда на то, что она, возможно, оказалась в советской зоне и, будучи русской, отправлена в СССР.

15 Avril.

Buchenwald

Vicky, mon chérie,

J'espère de tout mon cœur que tu es libre depuis longtemps, que tu vas bien et que nous serons bientôt ensemble. J'ai toujours été soutenu par la conviction qu'après la commune épreuve nous serons plus unis, plus forts et plus heureux que jamais et que nul malice ne pourra nous séparer. Me voilà libre et vivant je ne puis en dire qu'une chose : c'est un miracle de la Bonté Divine. Tu me retrouveras bien changé à tous les points de vue et je pense que je suis devenu meilleur. Comme santé je suis sûr que le Dr. Bayle me remettra vite d'aplomb, comme nerfs arrange d'avancer une retraite de six semaines ou deux mois

И вот, наконец, пришла ужасная весть от оккупационных властей британской зоны Берлина, напавших на ее след в тюрьме Альт-Моабит: Веры Оболенской нет в живых. Об этом 5 декабря 1946 года Оболенский написал Мишелю Пасто на серой бумаге с черной каймой:

Мой дорогой друг, помня о славных и страшных часах, которые Вы пережили вместе с Вики в сорок третьем году, считаю своим долгом известить Вас о том, что я получил официальное уведомление о ее смерти.

Моя бедная жена была расстреляна 4 августа 1944 года в тюрьме Плётцензее, в предместье Берлина в возрасте 33 лет. Ее товарищи по тюрьме говорят, что она до конца оставалась преисполненной мужества и надежды, старалась быть веселой и поддерживать в них бодрость духа.

Вернувшись тяжело больным из Бухенвальда, я не могу свыкнуться со смертью Вики, навсегда сокрушившей мою жизнь, а я мог бы быть таким счастливым.

Чтобы выяснить, при каких именно обстоятельствах она была лишена жизни, Мишель Пасто отправился в Берлин и там получил от тюремной администрации недостающую информацию. По возвращении в Париж решено было подтвердить и без того потрясенному гибели жены Оболенскому версию о ее расстреле. На самом деле, как выяснил Пасто, все было гораздо страшнее.

Обратимся сперва к воспоминаниям Жаклин Рамей, относящимся к последним дням в тюрьме на Барнимштрассе:

Мы знали, что накануне казни приговоренных к смерти помещают в подвальное помещение. Сколько раз мы слышали их отчаянные крики! На заре их увозили в Плётцензее на маленьком крытом грузовичке, который мы иногда видели на нашем дворе. Но тогда нам в голову не пришло, что когда Вики, спускаясь по лестнице, повстречалась с заключенным, которому удалось передать нам от нее привет, она увидела в этом возможность скрыть от нас истинную причину своего исчезновения. Сама лишенная дружеской поддержки в момент самого тяжелого из всех испытаний, она не позволила себе расслабиться; ее первая мысль была о том, как бы нас успокоить, чтобы нас не преследовала мысль о ее страшной смерти, навстречу которой она твердо шла, не теряя самообладания, умея и тут схватить на лету подвернувшийся случай.

Заключительный акт жизни Вики восстанавливаем по материалам, добытым из тюрьмы в Плётцензее, ставшей Музеем-памятником сопротивления нацизму.

Последнюю ночь своей жизни Вики провела в подвальном помещении женской тюрьмы на Барнимштрассе в наручниках и под строгой стражей. Там ей был зачитан приказ о казни на гильотине. Есть сведения, что смертницам брили головы (не пропадать же волосам!). Наутро следующего дня, 4 августа 1944 года, ее доста-

вили в штрафную тюрьму плётцензе. Прибытие туда Веры Оболенской зарегистрировано на тюремной карточке. Было десять часов утра. Следующие три часа Вики провела в камере смертников корпуса №3, который примыкал почти вплотную к каменному строению, где совершались казни — повешением и обезглавливанием. Со времени прихода к власти Гитлера в 1933 году и до прихода советской армии в апреле 1945 года там было казнено 2500 человек. Плётцензе была не единственной тюрьмой в нацистской Германии, где совершались казни, но именно там, среди прочих «преступников», казнили особо опасных политических противников режима, в том числе участников неудачного покушения на Гитлера 20 июня 1944 года. В последний год войны казни участились. Известно, что с 8 августа 1944 года до 9 апреля 45-го там было совершено по крайней мере 680 казней. Вешали одновременно по восемь человек, а на казнь отсечением головы отводилось несколько минут. Тела умершвленных забирали двое служащих анатомического театра берлинского университета им. Фридриха-Вильгельма. Иногда тела подолгу лежали во дворе, под снегом или под дождем. После приведения в исполнение смертного приговора родственникам предъявляли счет за пребывание в тюрьме и за свершение казни, плюс 50 пфеннигов за почтовые расходы. На тюремной карточке Вики цена не обозначена; вероятно потому что ближайшим родственником названа мать, проживавшая не в Германии, а в Нёйи под Парижем.

Было без нескольких минут 13:00 часов, когда двое немецких надзирателей пришли за Вики. Со скованными за спиной руками, ее вывели из корпуса №36, «дома

смертников», и ввели на место казни. Были ли у нее завязаны глаза, мы не знаем. Не знаем, видала ли она пару высоких сводчатых окон, крюки для повешения и страшное изобретение французской революции — гильотину с корзиной, в которую падали головы казненных. В цементном полу и сегодня еще видна дыра для стока крови...

Ровно в час дня вынесенный Вики военным трибуналом смертный приговор был приведен в исполнение. С момента, когда она легла на гильотину, до отсечения лезвием ее головы прошло 18 секунд. Мы знаем, что имя палача была Вилли Рёттегр. За каждую отрубленную голову ему причиталось 60 марок премиальных, а его сподручным — по восемь папирос.

Так закончилась жизнь одной из самых первых участниц французского Сопротивления, игравшей ключевую роль в создании и деятельности Гражданской и Военной Организации и проявившей в тюрьме и на допросах редкостную стойкость и присутствие духа.

Было ей всего тридцать три года.

Авторское послесловие

О Вики я впервые услышала спустя десять лет после ее казни, когда вышла замуж за племянника ее мужа, Валерьяна Александровича Оболенского, журналиста, работавшего сперва на Би-Би-Си, а потом занимавшего одну из руководящих должностей на радиостанции «Свобода». Вскоре после свадьбы мы поехали из Мюнхена, где тогда жили, к бабушке Саломии Николаевне и дяде Нике Оболенским, обосновавшимся после войны в парижском предместье Аньере. Жили они в небольшой квартире на седьмом этаже без лифта, куда Оболенский взбирался громыхая об ступени ортопедическим сапогом, а мать его, которой было тогда за семьдесят, легко взлетала с полными авоськами и кричала мне с верхней площадки: «ма шер, не торопись...» Квартира была заставлена семейными фотографиями, а в Никиной комнате царил Вики: Вики в бальном платье начала 30-х годов, Вики в подвенечной фате, Вики и Ника обнявшись на балконе — это перед самой войной — и другие напоминания об их недолгом счастливом супружестве. Тут же были и грамоты о посмертном награждении Вики рядом орденов в знак признания ее заслуг как одного из основателей Сопротивления, ее роли по сбору и передаче информации, а также за стойкость, проявленную на допросах, в тюрьме и перед лицом смертной казни.

Фельдмаршал английской армии Монтгомери в приказе от 6 мая 1946 года писал: «Этим своим приказом хочу запечатлеть мое восхищение перед заслугами Веры Оболенской, которая в качестве добровольца Объединенных Наций отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла быть свободной». Награждена была Вики посмертно и орденом Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 года.

Наивысшие награды Вики получила посмертно от французского правительств. Оно наградило ее Военным крестом с пальмовой веткой, медалью Сопrotивления и кавалерским Орденом Почетного Легиона «за проявленный героизм княгини Веры Оболенской, урожденной Макаровой, младшего лейтенанта Сил Внутреннего Сопrotивления Франции». В декрете от ноября 1946 года сказано, что Вера Оболенская была арестована, депортирована и «расстреляна» в Берлине. Версия о расстреле официально опровергнута германским свидетельством о смерти. В нем значится: «Имя: Вера Оболенская, урожденная Макарова. Профессия: секретарша. Родилась: 24.1911 в Москве. Место жительства: Neuilly bei Paris, 10 Rue de Lille. День смерти: 4.8.44. Время смерти: 13:00 часов. Причина смерти: Отсечение головы». (Оригинал свидетельства о смерти хранится в Standesamt Berlin-Scharlottenburg под №2789/44.)

Посмертные награды принял за свою жену Николай Оболенский.

Сам Николай Оболенский также, вслед за Военным крестом и медалью Сопrotивления, удостоился Ордена

Почетного Легиона в знак признания «выполнения им неоднократных и опасных поручений в ходе подпольной борьбы с противником» и за его «служение делу свободы». Брат его, Александр, за проявленное мужество в рядах французской армии был награжден Военным крестом и двумя боевыми свидетельствами.

Сослужили Оболенские Франции и еще одну службу, правда, непроизвольно. Когда после победы над Германией генерал де Голль отправился с официальным визитом в Москву, вместе с ним поехали и хранившиеся до тех пор во французском Государственном банке ящики мингрельских сокровищ. Их де Голль преподнес Сталину в знак дружбы между обоими народами. В самом конце 1976 года «Голос Америки», где я проработала много лет и в то время заведовала культурным отделом русской редакции, послал меня в мою первую командировку в Москву, Ленинград и Тбилиси. Вернувшись в Вашингтон, я смогла сообщить моему мужу, что по крайней мере часть этих сокровищ находится в сохранности в тбилисском музее. Это обрадовавшее его известие он получил за четыре дня до своей преждевременной и внезапной кончины.

Ко времени моего знакомства с Николаем Оболенским он уже знал, что жена его была казнена отсечением головы (из-за того, что от него это долго скрывали, в некоторых официальных документах по сей день неверно значится, что она была расстреляна), но говорить о Викиной казни мы избегали. Возможно, это было напрасным проявлением тактичности с нашей стороны; мы не знали тогда, что он не отворачивался от случившегося, не старался забыть, но принял трагедию ее гибели и не-

возместимость потери с христианским смирением. О глубине его веры догадаться было нелегко: он был занят своей работой в фотоархиве иллюстрированного журнала «Пари-Матч», вечно куда-то торопился, часто горячился — политические события приводили его в такой ажиотаж, что мать, во избежание споров, тайком от него читала французские газеты, чье направление не соответствовало его убеждениям. После Вики у Николая не было других увлечений, он оставался вдовцом, но круг его знакомых был по-прежнему широким. Чаще всего он встречался с другими уцелевшими членами Гражданской и Военной Организации, хорошо знавшими Вики. Особенно близкими друзьями его были Софья Носович, Ивонн Артюис и Кирилл Макинский, с которыми он познакомил и нас. Макинский к тому времени стал председателем Организации франко-американского содружества, мадам Артюис я помню плохо, а с Софьей Владимировной разговор не получился из-за окружающего шума. Теперь жалею, что не узнала их ближе...

Оболенский приложил много усилий к тому, чтобы память о Вики с годами не стерлась и не исказилась. В 50-х годах он, при своих скромных средствах, выпустил за собственный счет небольшую книжечку на французском языке «Вики — (1911–1944) — Воспоминания и Свидетельства». В нее вошли выдержки из мемуаров уцелевших руководителей и членов О.С.М. и текст речей, произнесенных при освящении символической могилы-памятника, установленного среди могил русских участников Сопrotивления на православном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Сборником заинтересовались францу-

зские и советские кинематографисты, изъявившие желание поставить о Вики фильм. Оболенский, однако, категорически этому воспротивился, опасаясь не только того, что фильм может опошлить ее образ, но и идеологических искажений, появившихся о Вики в советской печати, где ее политическим убеждениям придавался «совпатриотический» душок. Так, например, в статье, напечатанной в 1964 году в «Огоньке», говорится о ее «мечте вернуться на родину», которой она якобы поделилась в тюрьме на Барним-штрассе со своей сокамерницей, русской женщиной-врачом, тоже вскоре казненной. А между тем знаем из воспоминаний Жаклин Рамей, что там сокамерницей Вики была одна немка из Голландии. Оболенский возмущался: «При всем том, что СССР во время войны был союзником Запада, — говорил он, — Вики никогда не хотела возвращаться в Россию. Никогда».

Как известно, после войны многие эмигранты во Франции поверили советской пропаганде, игравшей на их патриотических чувствах, взяли советские паспорта и уехали на родину. Однако Николай Оболенский не поддавался этой волне; он не обольщался иллюзиями относительно того, что в Советском Союзе могли произойти радикальные изменения при сохранении коммунистического строя. Впрочем, надежда когда-нибудь побывать на родине у него, естественно, была. Когда наступила разрядка, он воспользовался экскурсией, организованной журналом «Пари-Матч», и съездил в Москву, где, помню, сфотографировался в Оболенском переулке.

Судьба же вернувшихся на родину эмигрантов сложилась трагично; они, почти без исключения, очутились

либо в ссылке, либо в Гулаге. Вернулся в 1946 году на родину и Игорь Кривошеин с семьей. Сперва их определили в Ульяновск, но уже в сентябре 1949 года Игорь Александрович был арестован. Ему ставили в вину связь во время войны с английской разведкой, которой он поставлял сведения о немецких оккупантах, а также и то, что он... выжил в Бухенвальде! Его сын сообщает, что после восемнадцатимесячного жестокого следствия на Лубянке постановлением ОСО он был приговорен к десяти годам по статье 54 УК РСФСР (сотрудничество с международной буржуазией). Срок он сперва отбывал в Марфинской шарашке, описанной Солженицыным в романе «В круге первом», затем в Озерлаге (Тайшет). Реабилитирован в 1954 году за «недостаточностью улик». Таким образом, на опыте Кривошеина можно проследить всю горькую иронию двадцатого столетия: сперва, после вторжения Германии в Советский Союз этот эмигрант-антикоммунист был посажен по распоряжению оккупационных властей во французский концлагерь — только потому, что он русский. Потом, за участие во французском Сопротивлении, он попал в немецкий концлагерь. А за то, что там не погиб, и за то, что помогал западным союзникам одержать победу над Германией, — в Гулаг.

После своего освобождения он первый рассказал русскому читателю об эмигрантах-героях Сопротивления: о матери Марии, священнике Клепинине, Левицком, Вильде и Вере Оболенской. Эти несколько опубликованных им очерков он, по свидетельству сына, считал главным достижением своего двадцатипятилетнего пребывания в Советском Союзе. В 1973 году он с женой вернул-

ся в Париж. К тому времени там уже находился их сын Никита, выехавший из СССР по настоянию властей, после того как и ему пришлось пережить арест и трехлетнее пребывание в лагере за то, что во французской газете «Монд» появилась его статья о том, как московская молодежь восприняла подавление Венгерского восстания, и о первых после «оттепели» арестах студенческой молодежи. Скончался Игорь Кривошеин в 1987 году.

В декабре 1961 года в Париже умерла княгиня Саломия Николаевна. Похоронив мать, Оболенский стал готовиться к священству. Оказывается, решение стать священником он принял давно — вскоре после того, как узнал о гибели жены. Размышляя над своей жизнью и беседуя со своим духовником, он пришел к твердому заключению, что Бог ему дважды спас жизнь для того, чтобы посвятить себя служению другим и искупить свой тяжкий, с точки зрения христианского учения, грех молодости — попытку самоубийства. Епископ Евлогий пытался снять с него бремя этого греха: «Вы же живы, значит Бог простил», — были его слова, но от стремления принять священство не отговаривал. При жизни матери, однако, Оболенский не считал себя вправе принять сан. Будучи ее главной опорой в течение многих лет, он взял на себя уход за матерью, когда она заболела раком, и был при ней до самой ее смерти.

Сперва Николай Оболенский был посвящен епископом Мефодием в сан дьякона, потом около года провел в почти полном уединении, занимаясь изучением богословия и готовясь к рукоположению, точной даты которого он нам, однако, не сообщил. В то время мы жили в Нью-Йорке, но в марте 1963 года должны были быть в Мюнхе-

не. По дороге туда, чтобы его повидать, остановились в Париже и тут же узнали из газеты «Фигаро», что на следующий день, в воскресенье, в православном соборе Св. Александра Невского будет рукоположен в иереи ветеран Сопротивления, кн. Николай Оболенский.

Мы не стали звонить ему, а прямо отправились на следующий день в Александро-Невский собор. Пришли туда в тот самый торжественный момент таинства рукоположения, когда он лежал лицом ниц, крестообразно распростершись перед алтарем. По окончании богослужения мы подошли к отцу Николаю в числе других поздравлявших, и наше появление было воспринято им как нечто вполне естественное, иначе и быть не могло, конечно же, мы должны были тут оказаться... Таково было свойство его веры, в больших и малых делах...

Со временем мы убедились, с какой полной отдачей этот общительный и по природе запальчивый человек («кавказская кровь», шутил племянник) посвятил себя пастырской деятельности. Откуда только бралась энергия! Очень скоро о. Николай сделался настоятелем собора на улице Дарю, а это означало не только насыщенный распорядок богослужений и треб — крестины, молебны, панихиды, венчания, отпевания, — но и всевозможные административные дела. Как-то он пожаловался в письме, что к нему обращаются с самыми невероятными вопросами: «На днях одна француженка позвонила спросить, что я знаю про... водку! Я сказал, что про русскую водку я могу ей все рассказать, а вот насчет польской, пускай обращается к Папе Римскому».

Паства его распространилась далеко за пределы Парижа: к нам в Америку шли его открытки из Ниццы,

Биаррица, Бордо, куда о. Николай приезжал, чтобы обслуживать православные приходы; совершал он богослужения и в православном храме во Флоренции. Верующие охотно шли на его службы, хотя голос у него был громкий и неприятный, а слуха — никакого; соборного регента прямо передергивало от каждого его попадавшего не в тон возгласа. Прихожане особенно ценили о. Николая как исповедника; случалось, к нему даже на дом шли исповедоваться. Он выслушивал исповедь, беседовал с пришедшим, отпускал грехи и сразу мчался куда-то дальше: в больницы — причащать больных, в тюрьмы — навещать заключенных, в психиатрические лечебницы или еще на занятия в церковно-приходских школах с детьми, которых так любил и которые отвечали ему тем же.

Помимо чисто пастырской, развивал он и общественную деятельность: состоял в объединениях бывших участников Сопротивления, был членом совета Союза русских дворян во Франции, членом родового союза князей Оболенских, Содружества паломников в Святую Землю, где бывал не раз, и наконец — вице-председателем Организации христиано-иудейской дружбы.

Писательница и бывший редактор парижской «Русской мысли» Зинаида Шаховская, духовником которой он был, вспоминала, как однажды во время большого приема, устроенного в честь выхода ее книги, он услышал чье-то антисемитское замечание и взорвался: «Вы подлец! Моя жена за евреев жизнь положила...» Его трудно было успокоить. Но при всей его запальчивости он быстро отходил, легко прощал и учил прощению других. «Я знаю, — писала Шаховская, — какое значение он придавал именно прощению врагов. Ему и в голову

не приходило искать убийц своей жены или тех, кто его мучил в Бухенвальде».

В своих воспоминаниях о нем, устных и письменных, Шаховская отмечала его редкостную доброту и отзывчивость, приведя рассказ одного католического священника, тоже депортированного в Бухенвальд. Его только что привезли в лагерь и погнали под душ. Было холодно, одиноко и страшно. Вдруг где-то около него раздался голос: «Вы отец такой-то! Подождите, я переброшу вам мой пуловер». Этот сильно поношенный пуловер ему запомнился навсегда: «Когда нищий отнимает от себя, чтобы дать брату последнее, — эта забота обо мне и голос участия в черном мире лагеря были чудом».

Автор очерка «Моя Франция» (Москва, 1973) Юлия Друнина разыскала о. Николая в Париже:

Захожу в церковь. Сначала, со свету, ничего не могу различить. Постепенно глаза начинают привыкать. Вот он, отец Николай, — худая смиренная фигура в черной рясе, странно и трагично одинокая в этой холодной полупустой церкви.

Лицо, словно ожившая икона, — тонкое, строгое, грустное. Покорность судьбе в каждом жесте, в каждом движении...

30 ноября 1978 года о. Николай потерял старого друга и соратницу Вики — Софью Носович.

Ее возвращение живой из немецких лагерей смерти было чудом. После того как ее смертный приговор был заменен в Берлине концлагерем и она попала в Равенсбрюк, там у нее вновь открылся туберкулез. Ее отправили в изолятор, но перед этим она взяла клятвенное

обещание с Жаклин Рамей, что она и другая их подруга по Сопротивлению, Жаклин Рише-Сушер, не бросят ее, если их будут переводить в другое место. И вот накануне отправки в Маутхаузен обе Жаклин пришли, чтобы поднять Софку с ее сеника. Горящая от жара, она собирает свои лохмотья и следует за ними. Затем четверо суток в битком набитом товарном вагоне. Сидя тесно прижавшись к подругам и деля с ними последний ломоть хлеба, она выдержала этот изнурительный этап, а потом, под страхом быть добитой в упор из пистолета, если оступится и упадет, пешком проделала подъем в лагерь Маутхаузен по обледеневшей дороге, вдоль которой лежали трупы тех, кто этого пути не осилил. А потом шестнадцать часов ожидания неизвестно чего под открытым небом в снегу. «Бедная Софка, — писала Рамей в своих воспоминаниях, — в том состоянии, в котором она находилась, она должна была умереть. Но она все претерпела, и мы, в конце концов, привезли ее во Францию». Рамей поражалась тому, как в этой женщине железная воля сочеталась с восточным фатализмом и полным отсутствием практичности («если бы мы не украли для нее шерстяные чулки, вату для подкладки пальто и вермахтовский флаг, из которого смастерили ей варежки, она бы насмерть замерзла, не пошевелив пальцем»).

По возвращении во Францию Софка была помещена на несколько месяцев в санаторий, и смерть опять от нее удалась. Туберкулез, однако, разыгрался еще в третий раз, но к тому времени уже были антибиотики и ее вылечили. За заслуги в Сопротивлении, за пытки, которые она претерпела, отказываясь кого-либо выдать, Софья Носович тоже удостоилась Ордена Почетного Легиона,

о чем через Мишеля Пасто ходатайствовал Оболенский: «Кто, как не она, заслуживает этой награды, — писал он. — Приговоренная к смерти, подвергнутая пыткам, преданная и проданная несчастными Роланом и Дювалем (молитесь о их душах), она оставалась твердой до самого конца и ни один человек не пострадал из-за нее». Однако у самой Софки, с ее обостренным чувством моральной ответственности, были на этот счет сомнения. То, что она устояла, никого не выдав, когда ее зверским образом истязали, было для нее большим облегчением, но в беседах с Зинаидой Шаховской она признавалась, что часто задумывалась, хорошо ли она поступила, подписав просьбу о помиловании, а не отказалась это сделать, как Вики. Взвесив все, Софка, однако, в конце концов пришла к заключению, что это не должно лечь пятном на ее совесть, но ее не переставало мучить другое: однажды, уже в Маутхаузене, во время переключки, когда она еле-еле держалась на ногах, а упадешь, это значит — в печь, одна рядом стоявшая женщина пошатнулась и хотела опереться на Софку. Вдвоем они бы обе упали. И Софка ее оттолкнула. «Вот этот поступок, вызванный чувством самосохранения, — по свидетельству Шаховской, — Софка себе простить не могла».

Но если Софка в чем-то и могла себя упрекнуть, то те, кто близко ее знал, кто проделал с ней ее крестный путь, кто, как Жаклин Рамей, отец Николай Оболенский, Шаховская и Мишель Пасто общались с ней в Париже, где она жила до самой смерти, довольствуясь самым малым, но продолжая гореть чувством справедливости, — они видели в Софье Носович образец высочайшей нравственности и духовной силы, которую она черпала в

своей глубокой религиозности. Доброта ее была безграничной. Всю свою оставшуюся жизнь Софка посвятила тем, кто как и она пострадал во время войны: ослепшему читала вслух, парализованным убирала и готовила, за больными ухаживала.

Летом 1994 года, когда я приехала в Париж, чтобы пополнить имевшийся у меня материал о Вики, мне повезло застать в живых участника событий тех лет, ровесника века Мишеля Пасто. Этот высокий господин с безупречными манерами подвел меня к столику его покойной жены, где на почетном месте стояли две фотографии в рамке: Вики и Софка. «Мы никогда не забывали, что я обязан им жизнью». Он знал, какую пытку Софка претерпела от сподручных Руди после его побега, и до самой ее смерти принимал участие в ее судьбе. А когда Софья Носович скончалась в возрасте восьмидесяти лет, он взял на себя заботу о ее похоронах.

Во время нашей следующей встречи Мишель Пасто настоял на том, чтобы взять такси и отвезти меня к дому, где Софка жила до ареста, откуда их увели и где был схвачен он сам. Пусть журнала «Жарден-де-Мод» больше не существует, но двор все тот же, и мансарда видна, с ее большим окном. Потом мы поехали поклониться Софкиной могиле, за содержанием которой Мишель Пасто не переставал следить. На память Пасто подарил мне иконку Ангела-хранителя. Эту икону завешала ему Софка; теперь она висит над моим письменным столом.

Когда хоронили Софью Носович, отец Николай Оболенский был уже тяжело болен раком. Скончался он в сане митрофорного протоиерея 5 июля 1979 года.

Если Викино обезглавленное тело пропало бесследно, то отца Николая торжественно провожал чуть ли не весь русский Париж, начиная с Великого князя Владимира Кирилловича. Провожали его на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и его товарищи по борьбе. Председатель Объединения памяти Сопrotивления Мишель Рике посвятил о. Николаю в газете «Фигаро» некролог. Отметив, что собор не мог вместить всех пришедших на отпевание, Рике писал:

Его любили за тепло, доброту и щедрость; большинство людей даже не знало о его привилегированном прошлом блестящего кадета Императорского училища, не знало и того, что это он был мужем известной нам княгини Веры Оболенской, об их недолгом счастье, продолжавшемся до того дня, когда оба, войдя в Гражданскую и Военную Организацию, стали на путь борьбы с нацизмом и заплатили за это столь дорогой ценой: ей эсэсовским лезвием отсекали голову, его — депортировали в Бухенвальд. Вернувшись из лагеря смерти, раздираемый горем по погибшей жене, он был убежден, что Бог сохранил ему жизнь для духовного служения русской общественности... Еще в Бухенвальде та вера, которую он излучал, была для всех нас, как верующих так и неверующих, источником неодолимой надежды.

Со времени гибели Вики и ухода о. Николая прошло много времени. Память о них пришлось восстанавливать по крупицам: исписанный карандашом пожелтевший листок — письмо из Бухенвальда, адресованное жене,

которой уже восемь месяцев как не было на свете... фотографические снимки, точные даты которых можно установить не всегда... Попытки получить протоколы допросов, при всем содействии немецких архивов жертв нацизма, не дали результатов; по-видимому, они были уничтожены еще в Аррасе самой группой тайной военной разведки или сгорели при бомбежке. Зато сохранились некоторые документы, связанные с казнью Вики в тюрьме Плётцензе, теперь превращенной в государственный памятник жертвам нацизма, администрация которого всячески пошла навстречу предъявленным запросам. Основной канвой книги послужили мемуарная литература современников, счастливая возможность встретиться при их жизни с несколькими участниками событий тех лет и исследования французского писателя Жюль Перро печальной истории соратника Вики по ОСМ, Ролана Фаржона. Вот из чего складывалась настоящая книга, предназначенная для читателя в России.

Первым толчком к ее написанию было желание отметить пятидесятилетие ее гибели в августе 1994 года, что и удалось сделать на страницах парижской газеты «Русская мысль», в основном, используя памятку, изданную на французском языке ее мужем. Однако чем больше я углублялась в ее жизнь и размышляла над характерами Вики и о. Николая Оболенского, тем больше меня занимала мысль — в каких тайниках человеческого существа заложена способность пойти на подвиг? Ведь никто из знавших Вики в довоенное время как веселую обворожительную женщину, а Оболенского — как светского человека без определенной профессии, не мог представить себе, какая им готовится участь и что они

способны будут претерпеть. Думаю, не догадывались об этом и они сами. Когда же началась война и Франция оказалась оккупированной, дело было не только в позорной капитуляции одних и военной победе других.

В переписке с Н.В. Вырубовым мы неоднократно возвращались к причинам, побудившим некоторых русских, большинство которых даже не были французскими гражданами, встать на защиту Франции. Он допускает, что этому способствовали настроения в интеллектуальных антифашистских кругах и среди правых националистически настроенных единомышленников Артюиса, который, еще до войны ознакомившись с гитлеровской доктриной, решил бороться не только против оккупации, но и против аморальной теории расового превосходства немецкого народа и утопических идей национал-социализма. Судя по всему, Вики и ее муж эти настроения разделяли, сразу же откликнувшись на предложение Артюиса ступить на путь сопротивления. Отношение таких людей, как мать Мария или Клепинин, к проводимой нацистами политике хорошо известно и документировано. Что же касается тех, кто вступил в ряды войск генерала де Голля, то «среди нас, — писал Вырубов, — редко кто думал о доктрине. Наши убеждения были основаны на сознании преобладания духовных ценностей над всем остальным и составляли главную побуждающую причину принять участие в Сопротивлении».

А приняв решение, не пожалели о нем даже перед лицом смерти.

В книге, помимо документов, собранных в моем архиве, использованы информация и воспоминания ряда людей. Я многим обязана следующим лицам:

А.П. Бильдерлингу
Н.В. Вырубову
Александру и Арине Гинзбург
С.М. Дурново
Н.И. Кривошеину
М.К. Макинскому
Жаклин Мелла
М.С. Станиславской
Е.Н. Трубецкой
Бернарду Туни
Мишелю Пасто
З.А. Шаховской
Н.А. Федоровской

Приношу особую благодарность за оказанную ими помощь К.М. Федоровскому и автору книги «La longue traque» писателю Жиль Перро за разрешение использовать из нее некоторые материалы и фотографии, а также за уточнение ряда фактов во время нашей продолжительной беседы в октябре 2009 года, когда он принял нас у себя в нормандском городке Сент-Мари-дю-Монт.

Библиография

1. Александров А.М. Против Сталина. Сборник статей и материалов. СПб., 2003.
2. Вырубов Н.В. В память павших воинов. Париж, 1991.
3. Друнина Ю. Я родом из детства... М.: Современник, 1973.
4. Корн Р. Русские сердца // Огонек, 1964, август.
5. Любимов Л. На чужбине: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1963.
6. Пожитанова Л. Возвращение на родину // Советский экран, 1966, № 8.
7. Против общего врага: Советские люди во французском Сопротивлении. М.: Наука, 1972.
8. Сухомлин В. Гитлеровцы // Новый мир, 1965, № 12.
9. Шаховская З. Тихое геройство: Памяти Софьи Носович // Русская мысль, Париж, 1978. 7 декабря.
10. Шаховская З. Памяти отца Николая Оболенского: Время рождаться и время умирать // Русская мысль, Париж, 1979. 12 июля.
11. Calmette Arthur. L' «О.С.М.», Organisation Civile et Militaire; Histoire d'un Mouvement de Résistance de 1940 a 1946. Presse Universitaire de France. Paris.
12. Ehrlich Blake. Resistance: France 1940–1945. Little, Brown & Co. Boston, 1965.

13. *Foot M.R.* Resistance: European Resistance to Nazis, 1940–1945. McGraw-Hill. New York, 1977.
14. *Liebeling A.J.* The Road Back to Paris. Paragon House Publishers. New York, 1988.
15. *Matzneff Gabriel.* Pére Nicolas. Paris, Le Monde, 22–23.7.1979.
16. *Ian Ousby.* Occupation; The Ordeal of France 1940–1944. St. Martin's Press, New York, 1997.
17. *Oleshinski Brigitte.* Gedenkstatte Plotzensee. Herausgegeben von der Gedenkstatte Deutscher widerstand. Berlin.
18. *Gilles Perrault.* La longue traque. JC Lattes. Paris, 1975.
19. *Rameil Jacqueline.* Sofka Nossovitch: In memoriam. Voix et Visages. Paris, 1979, N° 164.
20. *Riguet Michel.* Paris a rendu homage a l'archipretré Obolenski. Paris, Le Monde, 22–23.7.1979.
21. *Shiber Etta.* Paris-Underground. Charles Scribner's Sons. New York, 1943.
22. *VICKY: 1911–1944; Souvenirs et Temoignages.* Edition privée. Paris, 1958.
23. The War Memoirs of Charles de Gaulle: 1942–1944. Simon and Schuster. New York, 1959.

Оглавление

Глава I	5
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	46
Глава V	52
Глава VI	66
Глава VII	84
Глава VIII	99
Глава IX	112
Глава X	122
Глава XI	143
Авторское послесловие.....	154
Библиография	171

Флам Л.С.

Ф 70 Вики: Княгиня Вера Оболенская. 3-е изд.,
испр., доп. — М.: Русский путь, 2010. —
176 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-350-1

Книга посвящена трагической судьбе Веры Оболенской, нашедшей во Франции свою вторую родину и ставшей героиней движения Сопротивления в годы Второй мировой войны.

УДК 929

ББК 63.3(0)62

Людмила Сергеевна Флам
ВИКИ
Княгиня Вера Оболенская

Художественный редактор *Т. Белкина*
Корректор *Т. Шестакова*

Подписано в печать 01.03.2010
Формат 70x100/32. Тираж 1 000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14

Автор книги, Людмила Флам, родилась в Риге, сейчас живет под Вашингтоном. В течение многих лет была одним из старших сотрудников русской службы радиостанции «Голос Америки». В настоящее время работает над автобиографическими очерками, охватывающими, помимо моментов из личной жизни, и ее наблюдения событий общественной жизни русской эмиграции в Прибалтике, Германии, Марокко, Франции и США.

В книгу о В.А. Оболенской — ее первое издание вышло в свет в 1996 году — вошли ранее неопубликованные материалы, в том числе из семейного архива: скончавшийся в 1977 году первый муж Людмилы Флам, В.А. Оболенский, был племянником мужа Вики. Настоящее издание дополнено новыми сведениями о жизни героини французского Сопротивления.

Вики — княгиня Вера Аполлоновна Оболенская — была женщиной редкого обаяния.

Всегда окруженная друзьями и счастливая в своем, волею исторических событий, недолгом браке, она не жаждала подвижничества, отречения от всего того, что любила.

Когда же перед ней встал выбор: смириться с политической неизбежностью германской оккупации или ей противостоять, сомнений не возникло;

она сразу вошла в Париже в одну из самых ранних организаций французского Сопротивления, в которой до самого ареста играла ключевую роль.

Ее деятельность в Сопротивлении и мужество, проявленное во время выпавших на ее долю испытаний, стяжали Вики посмертную известность и признание заслуг перед ее второй родиной — Францией.

Настоящее издание дополнено новыми свидетельствами, прослеживающими жизненный путь этой яркой женщины.